

П·И·О·Н·Е·Р

ДЕКАБРЬ 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». 1965 г.

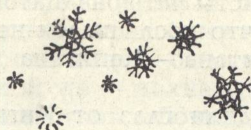

УРА!
УРА!
КАНИ-
КУЛЫ!

ПУСТЬ ВСЕМ БУДЕТ ВЕСЕЛО!
И НАМ, И МАЛЫШАМ.

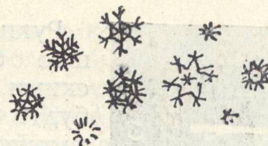

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 42-й

Сергей ФЕДОРОВ

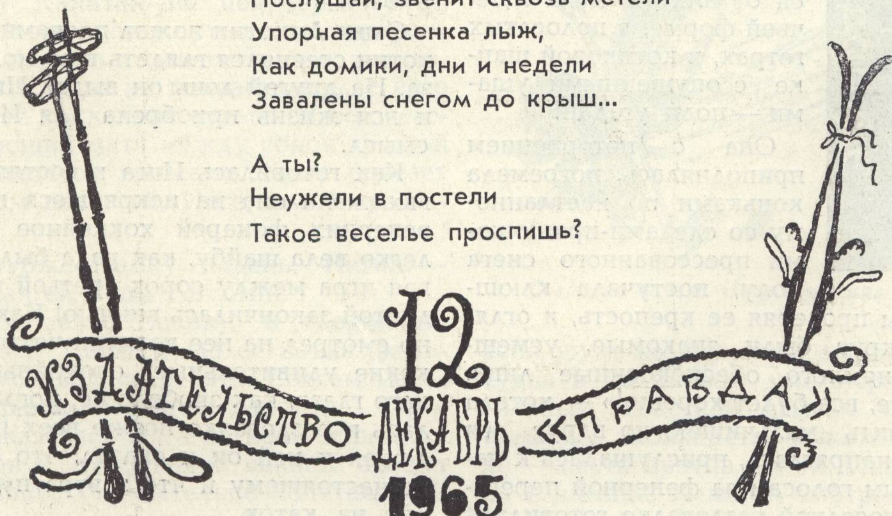
Чудесно скольжение острых
коньков
На залитых светом паркетах
катков.
И тесно от музыки, музыки
На льдинистых улочках узеньких.
Катится смех, смех.
Сыплется снег, снег.
Хватит его на всех!

Как хорошо, что зима!
Как хорошо, что земля
Годится под лыжи, под сани
И буер трещит парусами
На крепком ветру
Поутру.

Послушай, звенит сквозь метели
Упорная песенка лыж,
Как домики, дни и недели
Завалены снегом до крыш...

А ты?
Неужели в постели
Такое веселье проспишь?

Ледовая королева

Эдуард Корпачев

Рисунки Г. Сундырева

Руки, зашнуровывавшие ботинки с канадскими коньками, уже будто ощущали рукоять клюшки и то, как тяжелеет клюшка, принимая шайбу, и как надо всю скорость, весь разбег вложить в быстрый, почти незримый бросок по низким воротцам. Счастья еще не было, счастье только ожидалось, а Инга уже видела себя на ледяном поле. Отсюда, из раздевалки, она услышала шум на холодных зимних трибунах и различила, как кто-то прокатился по льду — должно быть, судья пробовал каток. Лед внятно загудел—так он был крепок, свеж!

Кто сказал, что счастье неуловимо? Кто сказал, что девчонки не играют в хоккей?

Вот сейчас выкатит Инга на лед, выбросят ей шайбу, устремится Инга к воротцам — поди угадай, девчонка ли она? Так ловко проходить защиту противника могут лишь хоккеисты сорок третьей школы. И она, Инга, ничем не отличается от них: в мальчишечьей форме, в полосатых гетрах, в котиковой шапке с опущенными ушами — поди угадай!

Она с нетерпением приподнялась, погремела коньками по настланному со следами-пряничками прессованного снега полу, постучала клюшкой, как бы проверяя ее крепость, и огляделась: вокруг были знакомые, усмешливые и немного обеспокоенные лица. «Не робейте, все будет хорошо!» — хотела она успокоить мальчишек, но вдруг вся внутренне напряглась, прислушалась к неразборчивым голосам за фанерной перегородкой: в соседней раздевалке готовились к выходу на лед хоккеисты четырнадцатой школы, и почудилось, что послышался негромкий голос их капитана — Капитана с большой буквы.

Мальчишки не отводили глаз от Инги, она встрепенулась, ей стало досадно. Казалось, что все они понимают ее нетерпение и то, с каким жадным волнением вслушивается она в голос Капитана. Но что они могли понимать? И сама Инга не знала, почему так приковывал ее негромкий голос Капитана, и его серые спокойные глаза, и его тонкие долгие руки, плотно обтянутые шерстью трико. Она сама не могла бы ответить, зачем ей вдруг пришло в голову умолять капитана своей сорок третьей школы Сашу Лихотина взять ее в команду для игр на первенство города. Она и прежде тренировалась с мальчишками в хоккей, у нее получались изумительные точные броски по воротам. Она каталась на беговых, и на фигурных, и на канадских коньках. Лед был удобнее для нее, чем земля, по которой она ходила. Это знали все мальчишки, знал и Саша Лихотин, но он удивился Ингиной затее.

— Нету правил таких, чтобы девчонок брать в команду.

— Я хочу играть,— настаивала Инга.— Я буду играть за десятерых, обещаю, мальчишки.

— Да ведь нас разоблачат.

— Я буду играть за десятерых,— упорствовала Инга, и голос у нее был какой-то странный, точно треснувший.— Никто не разоблачит. Я надену шапку с опущенными вниз ушами. Я готова унизиться перед вами, мальчишки, только запишите меня в команду.

Саша Лихотин пожал плечами. Саша Лихотин стеснялся глядеть в ее молящие глаза. На другой день он выдал Инге форму, и вся жизнь приобрела для Инги новый смысл.

Как готовилась Инга к состязаниям, как выезжала она на искрящееся под светом вечерних фонарей хоккейное поле, как легко вела шайбу, как рада была, что первая игра между сорок третьей и четырнадцатой закончилась вничью! Как пристально смотрел на нее капитан четырнадцатой, какие удивительные, спокойные были у него глаза, как знобило ее, когда она осталась в раздевалке позже всех и когда подошел к ней он и сказал, что она играет по-настоящему и что завтра пусть приходит на каток.

И она пришла ровно в семь, и он не узнал ее, потому что она была без ушастой шапки, была в черном трико и в черной же — мохнатым колокольцем — грубошерстной юбочке. И они катались не спеша, и он присматривался к ней, и она медленно покачивалась, как черное гибкое странное растение на льду, и он сказал, приблизив лицо и немигающе глядя:

— Ты королева, Ледовая королева.

— А ты капитан, Капитан с большой буквы. Я буду тебя так звать. Хорошо?

— Зови,— сказал он и не улыбнулся.

Инга сделала для себя открытие: он вообще не улыбается. Улыбка остается где-то в глазах, выразительных, серых, глядящих пристально и добро. И мысленно она прозвала его вдобавок человеком, который не смеется.

А школьное хоккейное первенство шло своим чередом, зимние каникулы длились, длились, и можно было приходить не только на каток — огромный город распахивал перед ними улицы в заснеженных деревьях, с веточками, торчащими кверху, как стеариновые свечки. Больше всего им нравилось встречаться у входа на почтамт, под большими часами с остекленным циферблатом, с музыкальным устройством. Прежде чем пробить, часы мелодично пели — звуки были гортанно-булькающими, точно исходили откуда-то со дна, из далеких океанских пучин. Это были часы, отмечающие время во всех крупных городах мира. Значит, не только в Минске, а в Праге, Токио и Оттаве время свидетельствовало, что они, Инга и Капитан, стоят вдвоем.

Ни разу Капитан не поинтересовался, как ей удалось проникнуть в мальчишечью команду, сознавая, наверное, что так надо; ни разу Инга не похвасталась, с чего началась ее хоккейная судьба. И вот сегодня решающий матч между сорок третьей и четырнадцатой школами. Кому повезет на ледяном поле: ей, Инге, или ему, Капитану?

— Поглубже шапку надень, Ингин! — посоветовал ей Саша Лихотин.

Инга поправила шапку и сдержанно усмехнулась. Ингин была ее новая фамилия, так условились ребята. Совсем мальчишечья фамилия: Ингин, Лихотин...

Когда оказалась Инга на поле, кто-то из хоккеистов в нетерпении сильно бросил шайбу. Шайба стремительно полетела по льду и в то же время как бы надо льдом, изредка касаясь его с коротким треском, словно чиркали большой спичкой.

На другой стороне поля разминалась четырнадцатая школа. Инга старалась не глядеть туда, но случайно все же посмотрела и встретила злорадный взгляд Железного. Железный был неутомимым хоккеистом, играл он грубо, напористо. Инга мысленно прозвала его Железным, а позже узнала, что все в команде так и зовут его: когда он дышал открытым ртом, был виден металлический зуб.

И теперь злорадный взгляд Железного наполнил Ингу тревогой, ее слегка передернуло, точно бросили ей за спину ледяшку; она замедлила бег и швырнула шайбу — без разбору, лишь бы летела.

Но вот разминка кончилась, поле опустело, трибуны притихли, как бы вобрали в

С самого начала Ингу сторожил Железный.

себя шум, на середину площадки выехал судья в малиновом джемпере и требовательным свистком вызвал на лед обе команды. Хоккеисты выкатили и замерли — шесть против шести. Инга смотрела на Капитана, Капитан смотрел на нее, но взгляд у него был чужой, и тогда она по-

думала, что Капитан правильно поступает сейчас, прикидываясь незнакомым.

И началась погоня за шайбой, осмысленная, стремительная, опасная погоня. Костяно загремели клюшки, застучала шайба о деревянные борта, коньки стали выписывать зримые полукружия, сдирая пыль со льда. Вокруг шайбы хоккеисты свивались в клубок, теснили ее клюшками, шайба беспорядочно подскакивала, а потом вдруг устремлялась на свободный лед как выстреленная, но ее тут же настигала какая-нибудь клюшка или сразу несколько клюшек, и тогда снова все свивалось в пестрый живой клубок: свитера, шапочки, гетры. Причудливая игра, не игра — хаос!

Инга позабыла обо всем на свете: о трибунах, которые рябили в глазах, об опасности крутой мальчишечьей игры и даже о самой себе; был хоккеист Ингин и была шайба, которую надо сурово нянчить клюшкой, потому что шайба изменчива, неуловима. Вихрь игры втягивал в клубок и Ингу, отпускал на волю, но не надолго, чтобы через минуту снова затянуть на невидимой прочной нити в мешанину клюшек, свитеров, гетр.

С самого начала игры Ингу стал сторожить Железный, она с трудом уходила из-под его надзора, кружила по всему полю. Удалось запутать его, выйти на свободное место и, срезая угол, повести шайбу на ворота. Железный остался где-то позади, она услышала его злое сопение, поняла, что нагоняет, что помешает сделать бросок, и дала пас Лихотину. На бешеной скорости Железный пронесся вслед за шайбой, но Саша Лихотин молниеносно отбросил шайбу Инге, и она ворвалась вместе с шайбой в низкие воротца.

Как взорвались трибуны, как бесцветно глянул на Ингу Железный, как затрясся его белый, мучнистый подбородок!

Она поскорее выбралась из чужих ворот, поспешила на середину, потому что игра продолжалась, клюшки стучали еще ожесточенней, новыми спиралями ложились на лед следы коньков.

Пожалуй, теперь она бы не могла открыто глянуть на Капитана, потому что, казалось, он досадует на нее, подобно Железному. Но попробуй разминуться на поле! Перед Ингой мелькали свои и чужие хоккеисты, но знакомую спину, знакомые напряженные руки она угадывала сразу. Ей даже привелось столкнуться с Капитаном в борьбе за шайбу, она ощутила на щеке его горячее дыхание. Капитан оттолкнул ее, овладел шайбой, Инга разозлилась, нагнала Капитана и тоже наддала ему плечом, но было поздно: Капитан отбросил шайбу Железному, а Железный помчался к воротам, вытворяя совершенно немыслимые финты. Он обводил одного, второго, увлекал шайбу назад, подбрасывал ее над чьими-то клюшками, играл о борт, колдовал старательно и удачно, пока не вырвался к воротам и не пустил шайбу с такой силой, что, казалось, вспорхнула железная сетка. И взрыв трибун произошел у ворот Ингиной команды.

«Ах, так! — сощурила Инга глаза, видя, как хоккеисты четырнадцатой школы приветствуют друг друга поднятыми клюшками.— Ах, так!..»

Она решила не беречься, решила сражаться за шайбу с мальчишеской злостью и нападать, нападать. И если очень хочешь того, шайба не кажется неуловимой. Надо не отставать от шайбы. Инга так и поступала. Она носилась от одних ворот к другим, гнала шайбу, на виражах ее коньки резали лед, ей удалось два раза выбросить шайбу Саше Лихотину, и тот дважды посылал шайбу в чужие ворота.

И когда прозвучал свисток судьи, когда кончился первый период, Инга остановилась, а каток, трибуны продолжали кружение, и даже фонари кружились в плавном хороводе и почему-то снижались, освещая ей дорогу в раздевалку.

— Что с тобой, Ингин? — восторженно спросил у нее в раздевалке Саша Лихотин.— Ты великолепный игрок, Ингин! Только второй период надо посидеть в запасе. На всякий случай...

— Я не устала,— ответила Инга.— Но могу посидеть. На всякий случай...

Мимолетен перерыв. Ребята даже не присели, у каждого были горячи глаза, и каждого, наверное, наполнял азарт: опять на лед, на свет фонарей, на шум трибун!

Как только покинули они раздевалку, Инга подтащила к дверям скамейку, взобралась на нее с коньками, чтобы лучше был виден краешек ледяного поля.

Ей казалось, что надо скрываться в раздевалке, надо не показываться Железному весь второй период. Наверно, и Саша Лихотин обратил внимание на его странные, словно бесцветные от злости глаза.

А ведь Железный знает все про нее: что на поле не Ингин, а Инга. Он еще тогда,

Не было больше хоккеиста Ингина. Была просто девчонка Инга.

после самой первой игры между сорок третьей и четырнадцатой, сказал об этом Капитану. Капитан не согласился: «Ты ошибаешься». Железный пообещал подстеречь, сфотографировать Ингу и показать снимок спортивным судьям. Капитан приказал Железному не делать этого и не болтать никому, иначе у него может появиться еще один металлический зуб. Но сам Капитан, конечно же, знал своего игрока и не зря наказал Инге сторониться Железного, пока не закончится первенство. Как опасалась Инга встречи с ним накануне зимних каникул! После школы шла домой, выбирая дальнюю, кружную дорогу. А когда однажды во время урока Железный приклеился со двора к окну ее класса на первом этаже, Инга безотчетно сунула руки в парту, вытащила меховую шапку и надела плотно, чтобы не было видно волос. Учительница удивилась, начала допрашивать, не больна ли она.

Пока Инга стояла в раздевалке, Железный не мог причинить никакой беды. Постепенно покидало Ингу напряжение, ногам уже не было так жарко, и, следя из узкой двери за краешком поля, отороченного пестрыми шеренгами болельщиков, она прислушивалась к взрывам и по этим взрывам определяла, в чьи ворота влетела шайба. Не были непробиваемыми ни свои, ни чужие ворота. Иногда над катком замирали голоса и выкрики, и тогда слышно было, как гремели клюшки, точно сразу несколько людей часто и торопливо рубили поленья.

Но вот закончился и второй период, ребята вновь запрудили раздевалку, и Саша Лихотин, уже заметно уставший, с побелевшим и чуточку влажным лицом, с каким выходят из бани, выдохнул ей:

— Ведем одну шайбу!

«Моя шайба»,— подумалось Инге и так захотелось отстоять, сохранить перевес в одну шайбу, перевес, несущий победу. А зачем ей победа, зачем спортивная слава? Разве мало ей счастья, разве не самыми радостными в ее жизни станут эти минуты на ледяном поле, и стук клюшек, похожий на клекот, и взрывной шум трибун, и чужой, но не посторонний взгляд Капитана? «Не знаю, не знаю»,— ответила она себе и нетерпеливо постучала коньками о пол: ногам уже стало совсем прохладно.

Сочно гукнула судейская сирена, выстрельнула шайба — и опять закружилась причудливая карусель. Хоккеист Ингин пошел в атаку! И бывает же такое везение — хоккеисту Ингину удавалось проходить заслоны, четко распасовывать шайбу. А когда Ингин издали швырнул шайбу и сетка чужих ворот всколыхнулась, этому сначала не поверили ни трибуны, ни сам хоккеист. И все же на мгновение раньше, чем одобрительно зашумели болельщики, хоккеист повернул назад и, встретив взгляд Железного, дерзко покатил навстречу.

Ингин и Железный сближались. И вдруг Железный протянул руку, сорвал длинноухую шапку, стал нагонять судью и показывать ему эту шапку.

Не было хоккеиста Ингина.

Была просто девчонка Инга.

В смятении она стояла, заметная каждому, и с обмирающим сердцем глядела на судью, слышала, как нарастает ропот на трибунах, и вот уже пронзил Ингу каверзный мальчишеский голос:

— Ай да юмор — выигрывают девчонки! Проверить команду: может, все переодеты!

Трибуны дружно рассмеялись.

А судью уже оцепили игроки, стали доказывать что-то и Железный и Саша Лихотин, а Капитан произнес громким голосом, какого никогда раньше не слыхала Инга:

— Пусть играет!

Но судья не стал разбираться, закачал головой, и тут Инга пришла в себя и ужаснулась: сколько же народу собралось на трибунах,— и кинулась к раздевалке, спотыкаясь, будто сразу разучилась стоять на коньках и лед стал для нее неудобен.

Даже не успела переобуться, потому что к раздевалке нехотя ехали с поля ребята. «Поражение нам засчитали!» — поняла она, схватила пальто под мышку, схватила ботинки и поскорее выскочила вон.

На лестничной площадке стояла вся команда школы.

До троллейбуса добежала на коньках по снегу тротуара, утрамбованному людьми, села на заднее сиденье, где потемней.

Во дворе своего дома посидела на заснеженной скамье, обула настылые ботинки, подержала руки на влажных лезвиях коньков — они хранили холодную память о льде, о свете фонарей, о клекоте клюшек. «Пора домой, Лжеингин»,— с издевкой подумала о себе.

Дома стояла перед аквариумом, как перед зеркалом, расчесывала волосы, они потрескивали, как электрические. В стекло аквариума леностно клевали скалярии, но Инга не видела их — видела, как в зеркале, себя на освещенном льду.

— Инга,— послышался голос матери, далекий, совсем из другого мира,— Инга, ты объяснишь, что с тобой происходит?

Она не отвечала, потому что слышала костяной стук клюшек и заново переживала все, что случилось в начале третьего периода: и как стало легко и студено голове без шапки, и как стало легко и студено всему телу — на мурашьих ножках пополз страх.

«Вражина,— бесстрастно думалось о Железном.— Вражина!»

Неожиданно дзинькнул звонок, с коротким звучанием, с каким падает монетка в автомат. Инга метнулась к двери, чтобы опередить мать и чтобы мать не увидела того, кого ей не надо видеть.

На лестничной площадке стояла вся хоккейная команда сорок третьей школы. Саша Лихотин отдал Инге длинноухую шапку и сказал:

— Ну и что? Играем мы лучше четырнадцатой. Так что ты не очень, ладно? Не очень...

— Все из-за меня,— вздохнула она.— Но я не очень. И вы тоже не очень...

— Мы не очень,— довольный, наверное, тем, что не приходится долго успокаивать ее, сказал Саша.

Она закрыла дверь, послушала, как топочут мальчишки, сходя по лестнице, и вернулась в комнату. И тут поняла Инга, что ей не усидеть дома, что дома ей жарко и душно. Она оделась бесшумно, и выскользнула за дверь бесшумно, и по лестнице сошла бесшумно, беглый человек Лжеингин. А через минуту троллейбус уже вез ее по знакомому маршруту.

На катке никого не было, раздевалки были пусты и тихи, все кругом казалось странным, похожим на покинутый экспедицией арктический городок. Только где-то у колонки переговаривались рабочие.

Инга спрыгнула на лед, осторожно побрела, побрела. Поле было исчеркано коньками, в бугорках — наметах желтоватой снежной пыли. А в центре во льду зияла глубокая расселина, свет фонарей попадал в расселину, отражался, бил из нее самоцветной струей.

А когда она подняла глаза, то вдруг увидела вблизи на трибуне темное пятно и сначала подумала, что это от света. Потом узнала, что это человек.

Неподвижные, опущенные книзу плечи, и светлый берет, и черные перчатки, лоснящиеся под светом, и вся фигура так приковывали внимание, что становилось страшно. Инга медленно двинулась к человеку.

Под ноги попадали ледяшки, хрустели, звенели под ее ногами, и вспоминался Инге музыкальный бой остекленных часов на почтамте. Может быть, и теперь часы отмечали время, отмечали с глубинным таинственным бульканьем, отмечали не только в Минске, а в Праге, Токио и Оттаве — всюду.

ДОСТАВЛЕНО САМОЛЕТОМ

ЗИМА «Жуведры»

Этот номер был уже совсем готов, когда из Вильнюса пришла телеграмма: «Встречайте рейс 10—46». Стюардесса воздушного лайнера принесла нам объемистый конверт с пометкой «Срочно «Пионеру». А в конверте последние новости о детском футбольном клубе «Жуведра» («Чайка»). Напоминаем: со всесоюзного футбольного чемпионата детских дворовых команд игроки «Жуведры» увезли приз нашего журнала «За корректную игру».

Как живет «Жуведра» сейчас?

Мы запросили Вильнюс, и в ответ прилетел этот конверт с фотографиями. Вот одна из них. Как видите, рыцари кожаного мяча оделись в доспехи хоккеистов. Что ж, шайба мячу не помеха!

Ученик профтехучилища Саша Дикович — общественный тренер.

— Вот так надо держать клюшку,— показывает Саша мальчикам.

Зима только начинается. Впереди у «Жуведры» и лыжные старты, и ледовая битва на хоккейном поле, и шумные баталии снежками.

ЧЕМ ЗАНЯТЬСЯ В КАНИКУЛЫ?
БУДЬ ПОБОЛЬШЕ НА ВОЗДУХЕ!

Смотри-ка, ребята в лыжный поход собрались, горку соорудили — на санках катаются. На рыбалку уехали — есть и такие — и занялись подводным ловом. А Д'Артаньяны московского двора оттачивают свое мастерство. И ты, наверно, ждал каникул, еле дождался. Не забудь написать нам о самых веселых своих приключениях.

По компасу Октября

ПРО ЛЕНИНА И ЕГО ВРЕМЯ

из дневника Алёши Радченко, юного летописца государства советского

9/XII. Папу сам Ленин назначил большой шишкой по дровяной и торфяной промышленности. Он теперь еще больше утомляется, служа сразу в двух учреждениях, он кончает работу в 12 часов ночи. Ему впрыскивают мышьяк.

30/XII. Нам с болота прислали елку, и я позвал всех своих товарищей — 10 человек. Пришли все, кроме Котьки, потому что его отец заболел сыпным тифом. Мы пели песни, угощались, играли и танцевали вокруг елки.

31/XII. На Шатуре на этот раз устроили елки и во всех связанных с нею деревнях тоже. Детям там выдали по большому ломтю настоящего ржаного хлеба и по два куска сахару, чему они очень были рады.

11го Ноября. На праздниках
всё было очень хорошо [illegible],
[illegible] лучше, чем в мае. Поставили
много памятников.
30го. Мы живем на новой квар-
тире. Здесь так же холодно как на
[illegible] 16-8 градусов по Реомюру. [illegible]
нам с болота прислали [illegible]
Я всё время болею. Мы с [illegible] (дочь
курьера из Главного Торфяного
Комитета) теперь учимся с мамой
в школу нас уже не приняли пото-
му что в этом районе все места
заняты.
9го Декабря. Папу сам Ленин
назначил большой шишкой по
дровяной и торфяной промыш-
ленности. Он теперь еще больше
утомляется, служа [illegible]
в двух учреждениях он кон-
чает работу в 12 часов ночи.
Ему впрыскивают мышьяк.
30го. Нам с болота прислали
ёлку и я позвал всех своих товари-
щей - 10 чел. Пришли все кроме
Котьки, потому что его отец за-
болел сыпным тифом. Мы
пели песни, угощались, играли
и танцовали вокруг ёлки.

Страничка Алешиного дневника.

— 1919 г. —

С 1-го по 7-е мы гостили на Шатуре. Там страшно много нового, везде электричество, светло, как днем, не то что в Москве. А весной там начнут строить заказанную Лениным электростанцию. Пока же электричество идет от динамо-машины.

15/I. В годовщину нашей Октябрьской революции и в Германии началась революция. Но на днях там взяла верх контрреволюция и убила двух главных вождей народа: Карла Либкнехта и Розу Люксембург. Мы были на траурной демонстрации.

2/III. Мы с папой ездили на Шатуру и на Черноозерский суходол, где скоро начнет строиться станция. Теперь много буньковцев переходит работать на Шатуру, потому что это советское строительство, а не немецкое, как буньковская станция 1913 года.

8/III. Вчера на Красной площади был большой парад красных войск в честь открытия Лениным III Интернационала и прибытия в Москву иностранных гостей. И мы были там на параде.

4/IV. Мы на семейном совете решили, что мы с мамой совсем тут останемся, потому что в Москве холодно и голодно, а я там все хвораю. Мама тут займется культурно-просветительными делами, и мы будем получать пайки, как все служащие здешние.

Мы, шестеро ребят шатурских служащих,

живущих пока в Велино, уже четвертый день ездим с мамой на Шатуру в «школу», которую мама там устроила в квартире слесаря Козлова. Ему первому дали семейную квартиру, потому что у него пятеро маленьких ребят и он очень хороший работник.

13/IV. Папа уехал на Украину за продовольствием для рабочих. Ох, опасное это будет путешествие по нынешним временам!

В школе нас теперь уже 20 человек, и мы уже не вмещаемся в самой большой козловской комнате; мы перешли в брезентовую комнату для торфяников, пока они не приехали. А потом обещают поставить нам собственную школьную палатку на будущем школьном участке. Пока в брезентовую комнату торфяников для нас поставили железную печурку, и мы там сами варим себе завтрак. Столами нам служат парты, а стульями — обрубки бревен.

5/V. Первое мая мы с мамой опять отпраздновали в Москве. Было еще лучше, чем в 17-м и 18-м году. Украшений было меньше, зато много интересных шествий в костюмах и всякие уличные увеселения. По линиям «А» и «Б» ехали трамваи с прицепленными платформами, на которых на каждой большой остановке давали цирковые представления. Вечером был фейерверк и кино на открытом воздухе. На Красной площади (на Лобном месте) был поставлен памятник Степану Разину. Он сделан из дерева очень грубо, но очень естественно. Это работа художника Коненкова.

Теперь в нашей школе уже тридцать человек. Мама хлопотала в Москве о книгах и тетрадях для нашей школы, но ей отказали, так как их мало и отдельным школам не дают. Зато нам в шатурской конторе дали целую кучу полуисписанных бумаг (всяких счетов и бланков), из которых мы сшили себе тетрадки, а также карандашных огрызков. А книг для чтения мы набрали у всяких там родителей. Стали все вместе ходить на экскурсии, знакомиться с жизнью природы и с работой строительства.

18/V. Мы ждем папу уже целую неделю, а он все не едет, потому что на Украине опять восстание: какой-то Григорьев объявил себя гетманом и теперь идет против большевиков.

Мы уже целую неделю работаем на школьной просеке: делаем себе огород и площадку для игр; стали артелями валить деревья и выкорчевывать пни.

25/V. Наконец-то приехал папа. Он на Украине ехал в одном вагоне с самим Котовским и познакомился с ним. Он ему очень понравился.

Алеша Радченко — комсомолец.

Завтра мы с мамой переедем на самую Шатуру: будем жить в товарном вагоне, который стоит рядом с фанерным бараком завкома. Эти «замбараки» и большие брезентовые палатки нам достались от войны 1914—1918 годов. Они у нас утеплены войлоком, снабжены печками, окнами, телефонами. В них жили даже зимой.

Еще 3/V была окончена Дулёвская воздушная линия, передающая ток с буньковской «Электропередачи» через Дулёво для шатурских торфоразработок, на 32 километра расстояния. Ну и герои дулевцы! Всю зиму они работали по колено в мокром снегу, да в ледяной воде, да без резиновых сапог, которых теперь днем с огнем не найдешь. Зато теперь на славу заработали наши торфяные машины. Скоро, наверное, уже и Москва согреется нашим торфом.

5/VII. Мы теперь всей школой ходим по окрестным деревням знакомиться с их детьми и приглашать их к нам. Это называется «смычка с деревней». Последний раз были в дальней деревне Митино, близ Святого озера. Там ребята какие-то дикие, они прятались от нас и из-за кустов кидали в нас камнями и шишками. А один столетний старик, глядя на нас, все крестился и прошамкал: «Вот они, антихристовы дети! Господи боже ты

мой, какие страшные!» А чем страшные? Что одеты не по-деревенски и ходим простоволосые?

10/VII. Мама теперь в свободное время все ездит по деревням агитировать крестьян, чтобы к осени обязательно открыли свои школы, которые не работают с начала войны. Надо, чтобы они отремонтировали их и запасли для них топливо. В Митине чуть ли не растерзали маму: «Не нужна нам ваша безбожная, антихристова школа, где закону божьему не учат». А в Петровском орали: «Не нужны нам эти ваши иометрии и танцы-пляски». А в Велино, когда молоденькая учительница просила мужиков распахать кусочек земли под школьный огород, они хотели ее самое впрячь в соху. Но все-таки все они понемногу соглашаются открыть свои школы. Шатура им обещает пайки для учителей и продовольствие на школьные завтраки детям.

14/VII. На днях в Шатуру приезжала комиссия от ВСНХ (Высшего Совета Народного Хозяйства) и целых два наркома, чтобы посмотреть, как подвигается наше строительство. Они зашли и к нам на школьную просеку и хвалили нашу работу.

12-го был наш спектакль на вольном воздухе, на нашей просеке, которую мы обсадили с трех сторон елочками. Зрители сидели на сложенных бревнах. Среди них было много деревенских детей. Пришли даже некоторые митинские, но стояли поодаль, боясь, должно быть, что мы их угостим тем же, чем они нас, то есть тоже будем швырять в них камнями да шишками.

Торфяной сезон кончился. Он у нас дал хорошие результаты: одиннадцать с половиной миллионов пудов торфа при работе двадцати двух машин.

27/VII. Мама все хлопотала, чтобы втянуть в учебу и взрослых. Из постоянных рабочих давно уже составилась группа. Составилась небольшая группа и торфяников-бородачей, которые больше всего интересовались географией в связи с военными действиями.

15/VIII. У нас еще в июле устроили близ заводкома открытую сцену и кинематограф. И вот 1 августа приехал сюда Московский Художественный театр и давал два сеанса — ставил чеховские миниатюры. Сегодня начинаются занятия в школе после пятинедельных каникул. Ребята рады: дома скучно, говорят.

28/VIII. Гражданская война у нас все еще продолжается. С Колчаком-то мы как будто справились, но теперь всю Украину занял Деникин. Это такой царский генерал подкупный, которому надо по шее накостылять и удушить его. Да, под Питером появился какой-то Юденич.

4/IX. Я почти весь август сидел дома из-за скарлатины, хотя и в легкой форме. А теперь доктор подозревает у меня туберкулез бронхов, потому что я все время покашливаю.

Этот проклятый Деникин со своей сворой все ближе и ближе подвигается к Центральной России. Но, наверное же, наши с ним справятся так же, как с Колчаком. Одно хорошо во всем этом, что наши ребята становятся все более сознательными, даже деревенские.

28/X. Мы из палатки своей перешли в зимнее помещение — будущую столовую для торфяников. Вечерами здесь еще занимаются вечерние курсы для взрослых и подростков, а после них — пролеткультовцы. Они к нам поставили свое пианино и разрешили желающим учиться играть на нем. А мама отдала школе навсегда свою фисгармонию.

Мы теперь готовимся ко второй годовщине революции. Ставим сборный спектакль «История труда в России в песнях и сценках — от Микулы Селяниновича до Интернационала». Нас уже сто человек, и играть хотят все, и все обязательно в костюмах. Вот мы и просили разных мамаш пожертвовать нам хоть на время всякого красочного хлама (только чистого!) и помочь нам под маминым руководством изготовить из него всякие костюмы и реквизит.

10/XI. Мы целых три дня праздновали Октябрьскую революцию. Спектакль наш прошел очень хорошо, нам за него московские почетные гости выдали почетную грамоту.

13/XI. На праздниках наши московские гости нас обрадовали известием, что мы погнали назад и Деникина (от Орла) и Юденича, который вторично полез было на Питер. Только жаль мальчишек, членов нашего буньковского клуба рабочей молодежи, которые пошли добровольцами на Юденича под предводительством одного рабочего-коммуниста и там погибли.

Факт, что погиб и Митя Стопани в борьбе против чехословаков. А его брат Юрий вме-

сте с другим маминым бакинским учеником, Витей Енчмен, пошли добровольцами против Деникина еще под Ростовом, и Витя там погиб, а Юра пропал без вести.

Даже Надя наша питерская, говорят, где-то на Южном фронте работает по связи. Вот молодец! Вот почему она нам давно не пишет.

Мы писали карточки для картотеки библиотеки взрослых и составили каталог своей школьной библиотеки. Часть своих книг мы отдали деревенским школам, у которых ничего нет. Мы выбрали представителей для регулярного посещения деревенских школ, а они будут своих посылать к нам, чтобы нам друг у друга учиться; у кого что лучше поставлено.

Надежда Константиновна Крупская была другом семьи Радченко.

31/XII. Я очень доволен этим годом. Мне эта школа нравится больше всех тех, где я учился раньше. Тут и ученье интересное, и работы всякой много, и ребята хорошие. Один только есть противный мальчишка из Москвы, который все хвастает, как они там в школе измывались над учителями, даже «увольняли» их. У нас-то такое совершенно невозможно. Мы со своими учительницами дружим, хотя и все свои маленькие делишки решаем коллективно сами.

У меня и в школе и вне школы своя дружная компания. Кроме старых буньковских друзей, сюда входят трое детей одного ивановского механика, который в революцию 1905 года скрывал от черносотенцев товарища Фрунзе и еще одного — забыл. Потом беженец, латыш Оська. Отца его тоже убили немцы, мать у нас на ферме работает дояркой, а сам Ося на родине был пастушком. Нравится мне еще Толя, сын деревенского священника, он за большевиков. И отец его стал неверующим, только он не может бросить священства: у него десять человек детей и никакой специальности другой.

— 1920 г. —

2/I. Теперь у нас в школе по субботам все деревенские учителя вместе с нашими занимаются самообразованием, а ученики занимаются дома самостоятельно, пишут, между прочим, отчетные дневники за неделю с рисунками.

Все деревенские жители стали работниками Шатуры, а сельское хозяйство их — подсобным. Потому Шатура и выдает продовольствие на завтраки всем нашим пяти школам. Мы подсчитали, сколько оно ей стоит по государственным и по спекулянтским ценам.

25/I. Мы с папой ездили на Черное смотреть, как идет стройка нашей электростанции. По дороге мне папа рассказал, что с Деникиным, Колчаком и Юденичем теперь окончательно покончено. Когда я об этом рассказал школьникам, они от радости подняли дикий вой, как индейцы. И мы все принялись рисовать карикатуры на своих внешних и внутренних врагов.

8/II. Сегодня я получил письмо от папы от 7-го. «Вчера заходил к Ленину. Говорил с ним три минуты. Мальчик, если бы ты знал, какой он хороший, большой! Я обязательно тебя познакомлю с ним. Ты должен его знать. Я хочу, чтобы ты стал похожим на него».

Этого-то и я хочу, и теперь буду ждать с нетерпением, когда я его увижу близко, а не только издалека на митинге.

8/III. Мама стала заниматься с нами обществоведением, потому что мы хотим знать не только, как жили люди в старину, но и как

живет теперешнее общество, советское и буржуазное.

Мы понемножку начинаем готовиться к Первому мая. Хотим опять поставить сборный спектакль «Интернационал»: песни, пляски и сценки из жизни разных народов и речи против войны, за дружбу народов.

25/IV. Эх, беда, опять на нас напали! На этот раз поляки с Запада. Они уже заняли Киев. В который раз его занимают то те, то другие! И еще теперь какой-то барон Врангель с юга, конечно, тоже ставленник Антанты.

22-го к нам приехали несколько членов нашего правительства с тремя десятками иностранцев (коминтерновцев). Им интересно смотреть на наше первое, крупное советское строительство. С ними был поэт Демьян Бедный. Он веселый, и я с ним подружился.

2/V. Вчера у нас вместе с рабочими должен был состояться субботник по расчистке места под стройку нашей постоянной школы, но он не состоялся из-за проливного дождя. А в Москве, говорят, сам Ленин лично участвовал в кремлевском субботнике, помогая перетаскивать бревна.

Наш долгожданный спектакль провалился, тоже из-за проливного дождя и отсутствия помещения. Заниматься приходится опять в тесной палатке, так как вот-вот приедут торфяники и наше зимнее помещение переоборудуют под столовую для них.

28/V. Позавчера мы, старшие, ездили на платформе на Черное. Стройка станции уже заканчивается. На озере мы катались на лодках и купались. В рабочей столовой нас угощали обедом, и наша артель ела за троих. Мы в школе ведь теперь работаем артелями со своими выборными старостами. Мы теперь занимаемся геометрией и по такому случаю составили простейший план Шатуры с ближайшими к ней деревнями: Слободой, Поздняками, Велино и Чертовихой.

2/VI. 25-го мая мы ездили в Москву с мамой, которой надо было на какую-то конференцию опытных школ. Там она познакомилась с Надеждой Константиновной Крупской, женой Ленина. Они там все заинтересовались нашей «робинзонадой», как они называют нашу школьную жизнь.

20/VI. Нас, тридцать пять старших, ездило в Москву на экскурсию. Осматривали Москву и ее исторические памятники. Деревенские ребята всему удивлялись.

И наши ребята немало удивляли москвичей. Их, привыкших ходить босиком, очень стесняла обувь, взятая у старших братьев и сестер. Отдыхая в Александровском саду, они вдруг, как по команде, все разулись, перекинули свою обувь через плечо и дальше уже все время шлепали босиком по Москве и ее музеям.

Сегодня нас распустили на каникулы на месяц. Большинству не хотелось, потому что в школе интереснее, чем дома.

18/VII. Все равно мы целыми группами, шатурские и деревенские, ходим в гости друг к другу, вместе гуляем и играем и угощаем друг друга, кто чем богат. Вот какая у нас получилась смычка!

Станция наша маленько опоздала с открытием из-за всяких помех. Но главный ее строитель, А. В. Винтер, говорит, что такой станцией с таким хозяйством могло бы гордиться любое буржуазное государство, несмотря на то, что у нас она строилась в разгар гражданской войны и всякой хозяйственной разрухи.

29/VII. 25-го было открытие нашей первой советской районной электростанции, пока на 5 000 киловатт. Приехало много московских гостей, важные шишки, представители разных наркоматов и главков, от Московского Совета, а главное, сам Калинин, новый председатель ВЦИКа. Рабочие почему-то уверенно ждали Ленина, но его нельзя было пригласить всерьез из-за наших плохих средств сообщения при 104-х верстном расстоянии: расшатанной нашей Казанки или открытой автодрезины: ведь он все-таки у нас один!

Ну, осматривали они все, угощались, снимались и говорили речи. Лучше всех Калинин.

ОБЛАКА

Борис ГРОМОВ
Гравюры В. НЕКЛЮДОВА.

Леньке хорошо.

Он лежит на прохладном еще песке, слушает сонное чмоканье волн и смотрит на облака. Они тут и там прилипли к высокому утреннему небу — мягкие, как деревенские тюфяки.

Леньку не видно: вокруг рыжие камыши и осока, и только по бревенчатым полусгнившим мосткам можно добраться до этого потаенного места.

Недалеко от Леньки плещется на отмели сизая речная галка. Время от времени галка поднимается в воздух и, часто-часто перебирая кривыми, похожими на арбузные корки крыльями, повисает над водой. Потом мягко шлепается обратно, косясь на Леньку осторожным глазом.

Тихо.

Изредка потянет свежим ветерком, и Волга вздрагивает, покрывается рябью. И опять тихо.

Ленька щурится: так легче смотреть. И интересней: облака принимают самые причудливые очертания.

Вот одно, небольшое, с рваными краями, оно очень похоже на кляксу. Только клякса белая, а бумага синяя...

Ленька смотрит на другое облако и щурится больше.

Появляется верблюд.

Он медленно выходит из-за слоистого манного бархана, важно качая головой. Звенит бубенец. Но верблюд какой-то странный! Ленька всматривается и видит, что у верблюда только один горб.

«Ну и что ж,— не удивляется Ленька,— есть и такие». Он читал где-то об этом, только забыл, как они называются.

Так же неторопливо верблюд скрывается за соседним барханом. Ленька закрывает глаза. Лежит и чутким ухом ловит утренние звуки. В стороне сильно ударяет по воде.

«Щука»,— думает Ленька и настораживается, услышав шлепанье чьих-то босых ног по мосткам. Оно все ближе и слышней.

«Рыболов, небось,— гадает Ленька.— Не спится чудакам».

Шлепанье стихает. Кто-то спрыгивает с мостков, раздвигает осоку. Останавливается.

«Ну чего он,— недоволен Ленька,— проходил бы, что ли...»

Ему лень повернуться и посмотреть, он просто еще больше закидывает назад голову и открывает глаза. И сразу садится: рядом с ним на песке стоит невысокая, тоненькая девочка в цветастом коротком сарафане. В одной руке у нее — голубая резиновая шапочка, в другой—книга. На шее — полотенце. По всему видно, что она никак не ожидала встретить здесь Леньку. Она неловко смотрит на него, не зная, то ли повернуть назад, то ли остаться, потом неуверенно улыбается и говорит:

— Здравствуйте... Можно я... Можно мне посидеть здесь?..

Ленька пожимает плечами с таким видом, будто хочет сказать: «А мне-то что?!» — и снова откидывается на спину.

— Садитесь, раз пришли...

Девочка расстилает полотенце и садится на него шагах в двух от Леньки. Кладет книгу рядом.

Оба молчат. Девочка рассматривает воду, а Ленька — небо.

Леньке очень неудобно лежать вот так, вытянувшись во весь рост, в одних плавках, но непонятная ему робость сковала все тело. Он молча злится на себя и на девочку, но долго не выдерживает и садится, обхватив руками колени.

Девочка поворачивается к Леньке.

— Скажите, вы тоже дачник? — очень вежливо спрашивает она.

— Нет,— как можно невозмутимее отвечает Ленька и незаметно ежится: у него сильно чешется спина. К ней пристал песок, и нужно только поднять руку, чтобы стряхнуть его, но Ленька ни за что на свете не хочет выдать себя. Он терпит.

— Значит, вы местный? Да? — наклоняется девочка к Леньке.— А как вас зовут?

— Ленька,— отвечает он по привычке и думает: «Ну и глазищи...»

— А меня — Таня...

И они снова молчат, словно бы не решаясь переступить ту невидимую черту, за которой начинается обыденность.

Таня покусывает травинку, а Ленька чертит пальцем по песку. Ему необходимо что-то сделать, но что, он не знает. Он встает и медленно идет к мосткам. Песок скрипит у него под ногами, как будто он ступает по крахмалу.

У перил Ленька останавливается. Сейчас он похож на йога — с заметными ребрами, высокий, дочерна загорелый. Перила высокие, по грудь Леньке. С минуту он стоит перед ними, потом отступает назад, упруго отталкивается и ласточкой перелетает через

них. Сочно, без брызг смыкается над ним вода.

Таня что-то кричит, а Ленька резкими саженками уже плывет к берегу. Там он пособачьи отряхивается от воды и бросается на песок. Его душевное равновесие восстановлено.

Таня набирает горсть песка и пересыпает его из руки в руку. Исподтишка смотрит на

Леньку. Кажется, она еще хочет спросить его о чем-то, но не решается. Она бросает песок в воду, спугивая галку. Галка кругами носится над ними и пискливо кричит. Из-под ладоней они следят за галкой.

— Смешная какая,— говорит Таня.— Плюшевая вся, и глаза, как шарики.

— Да,— соглашается Ленька с чисто мужской снисходительностью. Леньке немного холодно: кожа у него еще не обсохла, и на ней выступили мурашки.

— А на море чайки... Ты был когда-нибудь на море?

Ее доверительное «ты» застает Леньку врасплох. Он медлит.

— Нет,— говорит он наконец, и голос у него на этот раз смущенный, словно он виноват в том, что никогда не был на море.

— Там красиво,— продолжает Таня,— только ужас сколько народу. Ты даже представить себе не можешь. Ну прямо как... как на стадионе,— заключает она.

Солнце уже высоко, песок нагрелся, и Ленька с наслаждением прижимается к нему всем телом. Смеясь, Таня пригоршнями сыплет песок Леньке на спину. Ленька блаженствует.

— Ты после школы куда думаешь? — спрашивает Таня, отрывая от газеты, в которую обернута книга, узенькую полоску. Лизнув полоску, она приклеивает ее себе на нос.

— Не знаю,— беззаботно говорит Ленька и глубже зарывается в песок.

Леньке скоро тринадцать. Осенью он пойдет в седьмой, и он действительно не знает пока, кем ему быть. Но если разобраться, чаще всего Ленька видит себя художником.

— Я люблю облака...

— Облака? — переспрашивает Таня и невольно смотрит вверх.

— Ну да, облака. Они, как бы тебе это объяснить,— морщит лоб Ленька,— ну, в общем, они всегда разные...

Потом они вместе купаются, и Таня, отжимая кончики светлых, выбившихся из-под шапочки волос, говорит:

— Мне пора.

Она надевает сарафан прямо на мокрый купальник и протягивает Леньке руку.

— До свидания, Леня.

Ленька неумело жмет тонкие Танины пальцы и молчит. Смотрит, как Таня, мелко переступая босыми ногами, уходит. Дальше, дальше. У конца мостков она останавливается и машет Леньке шапочкой. Потом скрывается в кустах.

Леньке грустно.

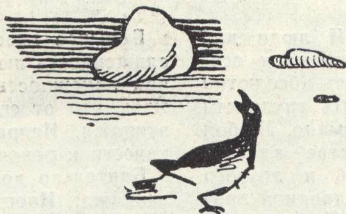
Вот уже третий день он приходит сюда, на старое место, ложится и ждет.

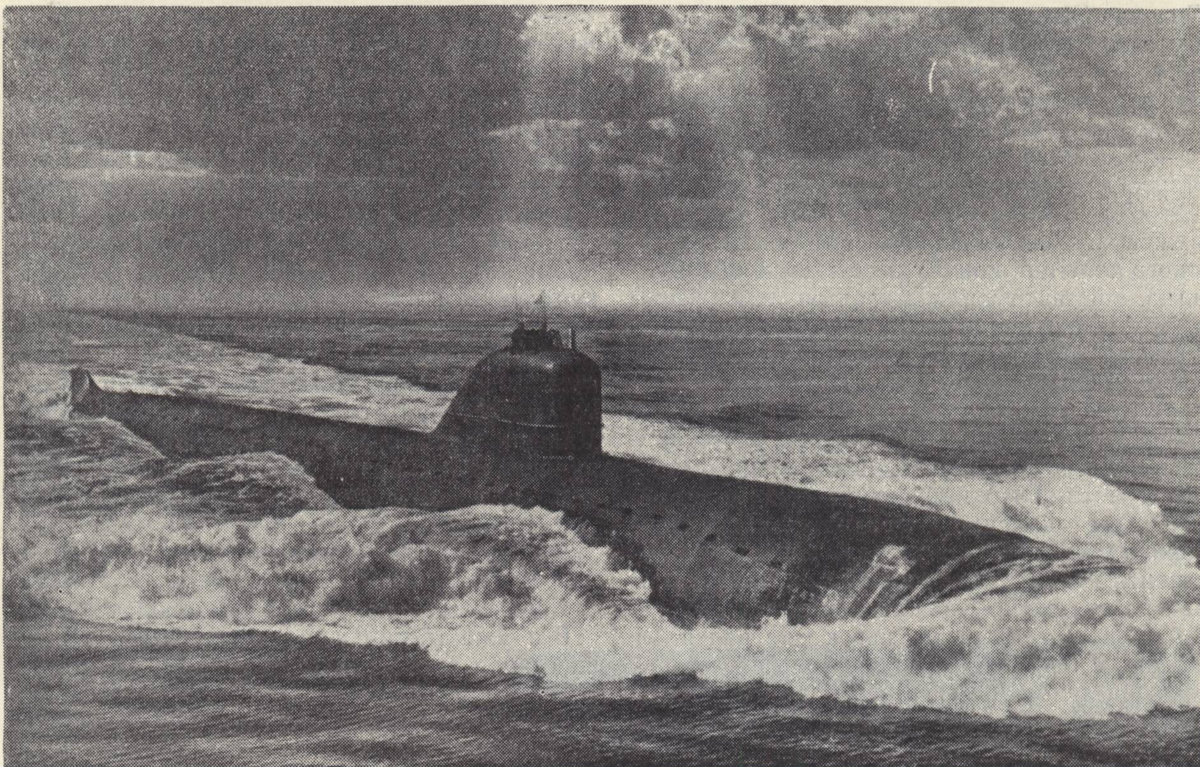
Но Тани нет.

Ленька смотрит на облака. Они перестали подчиняться его фантазии. Они бегут и бегут за горизонт, и сколько он ни щурится, всегда видит одно и то же: деревянные мостки, а на них — легкую фигурку босой девочки с голубой шапочкой в руках. Леньке чудится, что вот сейчас она прыгнет с мостков... Так ясно он это видит, что сам приподнимается на локтях, готов вскочить, и кинуться в воду, и спасти ее!

Но Таня умеет плавать. Да и нету Тани...

Ленька понимает, что теперь он часто будет думать об этой девочке, понимает, что будет скучать по Тане...

Корабль мчится, обгоняя собственную волну,— такую скорость дает ему атомное сердце.

ТАКАЯ У ПОДВОДНИКОВ СЛУЖБА

Недавно мы получили письмо от Вити Орлова из города Усть-Каменогорска. Вот что он пишет:

Мой старший брат, Сергей, служит на подводной лодке. Письма он не любит писать, а мне очень хочется узнать, какая у него служба. Когда я вырасту, я тоже хочу служить на атомной подводной лодке.

Ответьте мне, пожалуйста.

Рассказать ребятам о подводной службе мы попросили контр-адмирала Александра Никаноровича МОТРОХОВА—главного штурмана Военно-Морского Флота.

Непростая служба у подводников. И люди для плавания на подводных кораблях отбираются особенно тщательно. Подводник должен быть абсолютно здоровым человеком, способным выносить трудности долгого плавания под водой. Но этого мало. Любой матрос-подводник должен в совершенстве владеть специальностью, а при случае заменить и другого специалиста. Ведь лишних людей на подводной лодке нет, и взять их в плавании негде. Поэтому все ремонтные работы во время похода выполняются экипажем, и каждый подводник должен быть отличным электриком, слесарем, токарем...

Даже кок на подводной лодке должен быть особенным, самого высокого класса. Так оно и есть, недаром в больших походах моряки даже поправляются. Кок должен уметь приготовить все — даже именинный торт к дню рождения. Еду он готовит из специальных полуфабрикатов.

Большое дело — дружный экипаж. Как говорится, слаженность людей в работе здесь важна не меньше, чем надежность механизмов. Каждый должен понимать, что от его действий зависит состояние всего экипажа. Неправильное выполнение команды может повести к роковым последствиям для всех.

Бдительно должен нести свою вахту каждый член экипажа. Иногда матросу может показаться, что команда подана не так, лучше бы иначе. Но он знает, что только командир в курсе состояния всех отсеков и систем подводной лодки. Значит, его команды должны выполняться неукоснительно. Не случайно у подводников особенно высока вера в командира.

А теперь я расскажу тебе, Витя, как проходят боевые учения подводников.

...Вот стоит на базе дежурная подводная лодка. Разведка сообщает штабу, что в море появился караван «противника», и штаб дает командиру подвод-

ной лодки задание: «Уничтожить!» Тут же командира информируют об обстановке: где и какие корабли «противника» он может встретить, есть ли в этом районе авиация, кто будет помогать лодке...

По боевой тревоге лодка отходит от пирса, и только тогда командир сообщает задание экипажу. Подводная лодка начинает поиск «противника». На всех боевых постах в полной готовности стоят вахтенные специалисты: гидроакустики прослушивают голоса моря, механики и рулевые точно и быстро исполняют приказания командира. Но вот вахтенный гидроакустик докладывает командиру, что «противник» обнаружен. Наступают самые решительные секунды.

Командир отдает приказы: «Курс такой-то! Скорость такая-то! Глубина такая-то! Аппараты — товсь! Залп!» Словно огромные стальные рыбы, вырываются на свободу торпеды, несутся, буравя воду, навстречу «противнику». Отойдя на почтительное расстояние от пославшей их лодки, они начинают сами искать «противника» — это включились приборы самонаведения. Как бы ни менял противник свой курс, как бы ни петлял его след, торпеды все равно настигнут его... И рано или поздно — время здесь меряется секундами — гидроакустик доложит: «Взрыв!»

Это торпеды... А есть еще и ракеты. Теперь не миля, не две — десятки, сотни, а то и тысячи миль стали доступной дистанцией для нашего оружия.

Ракеты готовы. Противник обнаружен... А дальше все идет, как и прежде: скорость, курс, глубина... Готовность — пять минут, три... Последнее слово команды звучит иначе: не «Залп!», а «Старт!». И в вихрях пламени уносятся в небо ракеты, летят с неимоверной скоростью, чуть помахивая огненным хвостом...

Теперь уже не гидроакустик докладывает командиру о взрыве ракеты, а по радио сообщают об этом командиру из района падения ракеты.

Во время учений идет напряженная работа.

Учения заканчиваются. Подводники возвращаются на базу.

... Вот так и идет наша служба на подводных кораблях. Лодки с атомными сердцами зорко стерегут морские границы нашей Родины.

Те, кто сменился с вахты, отдыхают. Койки в просторных отсеках не подвесные, как раньше, а откидные, как в купе поездов.

ДОБРЫЙ СЕНЬКА

Сергей АРТАМОНОВ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

В том, давно прошедшем году был декабрь холодный, ветреный, лютый. Так и схватывал мороз, чуть выскочишь из дому. Нос, губы — все лицо сгребет будто в кулак да как стиснет, как шаркнет по коже шершавым, промороженным снежным ветром! А побежишь побыстрей — и он за тобой и за ноги хватает, словно собака. Такой был зубастый холод в том декабре. И весело им вдвоем — ветру с морозом, а Сеньке только холодно и плохо. У него пальто нету.

Вернее, так: вчера еще было пальто. Новое. Только что сшитое. Как сама портниха сказала, соседка их, тетка Евдокия:

— Из материного-то полупальта я тебе вон что, полный мундир состроила. Держи! Одежа крепкая, я ее... Ниток-то тонких нету в продаже, ну и десятым номером шила, а это почитай что дратва. Как сапоги почти что...— И она вопросительно поглядела на мать: мол, за работу и денежки не грех получить...

Мама болела. Ее бил озноб, и, слабея час от часу, вся в испарине, она, вздыхая, откидывалась на подушки. Когда делалось ей чуть полегче, жалобно и ласково улыбалась Сеньке, и звала, и сажала к себе на постель маленькую Ленку.

...Вот и теперь Ленка ласкалась к маме и, хитровато поглядывая, канючила: мол, а ей? И она тоже новое пальто хочет!

— Так у тебя же есть, доченька!

— Да... А я новое хочу, как у Сеньки. Все ему, ему!

— У мамы сейчас денежек нету. И головка у мамы болит. Не надо хныкать, милая, пожалей маму!

— Буду плакать, буду,— капризничала Ленка,— не хочу я тебя жалеть... Я к тете Евдокии пойду...

Мама, странно улыбаясь, отпустила сестренку от себя, но Сенька-то видел, что хоть и не принимает она всерьез Ленкины слова, а все-таки печально ей и улыбается она горько.

Зато Евдокия обрадовалась.

— Пойдем, пойдем ко мне, дочка...

...Сеньку — так всегда почему-то выходило,— никогда его не ласкали, даже и не хвалили почти что. Большой уже! А ему-то хотелось. Он даже мечтал про себя, пусть мама его когда-нибудь похвалит, как Ленку, но помалкивал и по доброте сердца не сердился, даже когда влетало ему от мамы вовсе без вины. Почему это он, Сенька, комнату не подмел? Свинюшник!

А он, Сенька, подметал. Даже три раза подметал! Это все Ленка! Пока он ей кашу варил, настригла ножницами бумагу и по полу разбросала... Она так в «снег идет» играет. На двор без брата идти боится, а у него пальто нету. Было старое, да развалилось. А новое... с новым-то целый скандал вышел...

Мама помолчала, а потом сказала:

— Знаете, Евдокия Фоминична, получку я не получила! — Голос у мамы был несчастный и глаза невеселые. Сенька так и покраснел и сжался весь от участия.

— Вот и все так,— обиделась Евдокия,— у всех одна песенка. Шей-то им поскорей, раз-два, ночи не спи, глаза на вас ломай, как до денег дойдет, так и нету...

Мама едва не расплакалась от стыда, от

беспомощности, слушая толстую, как башня, Евдокию, которая выговаривала все это даже с удовольствием. Ей нравилось такое положение, когда она может сказать, что она-то, мол, все для людей делает, ну а люди-то ей ничего, «шиш с маслом»! Она хорошая, а люди, конечно же, плохие: хитрые, корыстные, жадные... А она добрая!

При этом Евдокия внимательно оглядела для чего-то их комнату, будто в первый раз она тут. Потом заговорила совсем иначе. И голос и выражение ее вообще недоброго, настороженного лица переменились, стала она поласковей... Сказала:

— Нету так нету. Ладно уж. Да и мне лучше не деньги, а я бы вещь лучше взяла...— А глаза ее, Сенька-то видел, даже взблеснули, задержавшись на стене, над диваном, где висели на гвоздике серебряные отцовы часы с червленой крышкой, с тихой и тоже какой-то серебряной музыкой внутри...— Вот часы б я взяла...— И Евдокия шагнула к дивану, да ловко так и неожиданно проворно потянулась, а вид у нее был такой хищный и цепкий, что Сенька испугался и вздрогнул.

Думать было уж некогда, и так страшно стало ему в тот миг, что вот сейчас сграбастает она — и в карман и унесет... И не будет у них этих веселых часиков, которые, правда, редко теперь, но все же заводит мама в хорошую минуту. Все они сядут тесно, рядышком на диване и слушают слабую и нежную часовую музыку: «Тили-м, тили-м, бом-бом-бом. Тили-м, тили-м, бом-бом-бом...»

— Это папины! Не трогайте! — крикнул Сенька и, отпихнув тетку Евдокию Фоминичну, сам вспрыгнул на диван и загородил от соседки и часики и висящий повыше портрет отца.

Мама смотрела на Сеньку изумленно, будто никогда его прежде не видела, а тетка глянула с откровенной злобой. Ленка испуганно таращила круглые глаза, не зная, плакать ли ей или смеяться, готовая и на то и на другое вместе. Было тихо.

Но Сенька не знал, что ему еще сказать. Он сам испугался своего порыва. Еще никогда он так резко и прямо никому не возражал, а тут встал прямо поперек дороги у такой здоровенной и сильной тетки...

— Папа придет с войны и будет их носить,— сказал тогда Сенька, чтобы все объяснить, но никто не поддержал его и никто не улыбнулся.

И опять стало тихо-тихо. Было слышно, как пропадает у него под ногами жалобный стон диванных пружин, а сердце у Сеньки колотилось так сильно, что стало ему больно. И еще Сеньке хотелось загладить все, что он натворил...

Мама сказала:

— Не надо на диван с ногами, Сеня!..

А Евдокия вдруг крикнула:

— Кого нету, тот не придет, и дожидаться нечего! С того света еще никто не вертался.— И оглядела всех презрительным взглядом, в котором так и читалось: мол, какие же это глупые люди. Год как писем нет, а они все надеются... И сказала: — Мать-то твоя, милок, саму себя обманывает. И вас тоже к обману приучает. Как во сне, живете. Мечтаете...— Она говорила властно и грубо, сама злея от слова к слову.— А мечтать — хуже этого ничего нет. Смотреть противно, как живете!

Напуганная грозным Евдокииным видом и криком ее, Ленка заплакала. Лица мамы было не увидать, она опустила голову, но, кажется, тоже плакала... А Евдокия все орала, да громче:

— У меня у самой один муж погиб, так я другого нашла и живу. И тебе надо замуж идти, а ждать — это глупость!

Это она говорила уже одной маме, изогнувшись всем огромным своим телом для того, чтобы заглянуть маме в глаза. И тут Сенька снова забылся и снова не выдержал.

— Уходите от нас!— крикнул он и спрыгнул с дивана на пол, подскочил к тетке, которая к нему повернулась и замахнулась, чтобы ударить, так он ее разозлил.

Их глаза встретились, и она не ударила Сеньку. Рука ее опустилась, будто споткнулась. Она даже отпрянула от него, эта здоровущая тетка, отпрянула и угрюмо умолкла. Но молчала она, впрочем, недолго.

— Сымай тогда пальто! Заберу... И не посмотрю, что матерьял ваш,— продам. Назло продам!

Она сдернула с мальчика его новое пальто, больно крутнула ему руку. В ее глазах сияла усмешка. Сенька понял: это она нарочно сделала ему больно. Но он вытерпел. Молча вылез из пальто, и осталось оно в руках у Евдокии, и осталось ей теперь только уходить... И она ушла.

...В тот вечер они много молчали. Сенька все старался найти себе дело. Забрал от мамы уже сонную Ленку, перенес ее на кроватку, раздел, уложил, а сам думал: дремлет мама или нет? И слушал: дышит ли она? Ему показалось, что не дышит, и тогда его охватил ужас. Он замер, прислушался...

го и хочется поиграть или поразговаривать, а еще она кушать хочет... И ноет, ноет. Сенька ее так и зовет — нуда!

Мама лежит совсем больная. Вот уж с неделю она не встает. Исхудала и пожелтела. А примется кашлять, кажется, что-то рвется у нее в груди с хрипом и стонами.

...Ленка впихнула Сеньке под одеяло к самому его лицу что-то холодное и гладкое. Он вздрогнул и очнулся. Это холодное оказалось целлулоидным туловищем куклы без рук, без ног и без головы. Сенька видел, сколько старательности на лице у сестренки, и не стал ее ругать. А Ленка заныла:

— Вставай, Сенька, а то я в коридор пойду... Или зареву!

— Тише! — И Сенька испуганно вскочил, взялся уговаривать сестру залезть к нему под одеяло и спать.— Ты же замерзла! Лезь ко мне, а я тебе что-то расскажу.

Ленка была совсем еще невелика и ужасно любопытна. Когда ей обещали рассказать что-то, так она даже и про еду забывала, вот как теперь. Вскарабкалась на кровать, и к Сеньке под одеяло, и прижалась к брату худеньким, слабым, совсем ледяным тельцем, а брат ее обнял, укрыл.

...Ему казалось, что он рассказывает и даже очень хорошо рассказывает, но тут же он понимал, что спит, а Ленка злится и колотит его по лицу маленькими кулаками.

— У какой! Сам обещал и спит... Проснись, Сенька!

Сенька проснулся, но чуть позже, когда надрывно, с обидой заговорила вдруг мама, не поднимая головы от подушки:

— Сеня, ну, дайте же вы мне, дайте хоть минуту! Как же ты не понимаешь...

Но Сенька-то понимал, он хорошо понимал, что ей теперь хочется, чтобы ночь совсем никогда не кончалась, а было бы в комнате всегда тихо, темно и тепло, но главное — тихо!

— Видишь, что ты натворила,— сказал Сенька шепотом, но Ленка снова хотела есть, и теперь ее уже не утихомирить.

Но мама вдруг сказала ясно и четко:

— Ты не бойся, я не умру. Просто скверно мне, мальчик. И... зажги свет. Нехорошо в таком настроении сидеть впотьмах. Тебе жалко пальто? Очень жалко? Я понимаю.

— Да нет же! Мне — ни капельки! — с жаром возразил Сенька, но она, кажется, ему не поверила. Сказала:

— Ну, ладно, ну, хорошо. Тогда спи. Только принеси мне воды.

Было раннее зимнее утро. Черно за окном, темно в комнате. Но помаленьку, да не здесь, не близко, а где-то в отдалении, за высокими домами, начинался уже день. Мальчик и спал и не спал. Вставать ему не хотелось.

Маленькая Ленка вскакивает тут же, как просыпается, и сразу ей подавай есть, а то даже зареветь может от голода. И пока ее не накормят, она бродит еще затемно босая и неодетая по неприбранной, холодной комнате и скучным голоском канючит, приставая то к маме, то к брату: ей и делать нече-

— Там тетка Евдокия пирожки печет. Вкусненькие! — И Ленка с надеждой оживилась. Личико ее стало счастливым, она быстро-быстро затараторила: — Я около двери стояла и в щелочку нюхала. Они с мясом и с луком. Знаешь, как пахнет! Если пойду, она даст! Идти?

— Хочешь, чтобы мама из-за тебя плакала? Хочешь?

— Нет.— Сестренка отвечала печально и покорно. Но ей было все-таки жалко. Она надеялась. Ей очень хотелось пойти, встать возле кухни, улыбнуться, поболтать с теткой Евдокией и получить за это пирожок...

— Никогда у нас ничего не бывает, и елки даже не будет, да, Сень?

— Не знаю,— сказал Сенька,— у нас денег нету. И не ной и никуда не ходи, а лежи, пока я за хлебом сбегаю. А если пойдешь, пока я буду ходить, так и знай: нарочно ничего тебе не будет... А так я, может быть, елочку достану... Хочешь?

— А ты быстро?—И Ленкины глазки обрадовались.— Елочка у нас будет! Сенька, ты большую принеси, как у Евдокии, а? А мама если выздоровеет, то пирожки спечет, правда?

— Да,— сказал Сенька,—правда, спечет. Только ты жди меня!

Сенька ужасно боялся, как бы она не вылезла в коридор. Лучше уж терпеть, чем просить. Мама, когда узнавала, что кто-то подкармливает ее ребят, сердилась и огорчалась.

— Эх, Сеня, Сеня! — говорила она с упреком.— Просите, да? Стыда у тебя нет. Я тут себя не помню, а вы по соседям, по чужим людям ходите... Вот умру, и живите тогда с кем хотите. За конфетку мать продали. Эх вы, дети...— И она через силу садилась в постели, гневно глядела на Сеньку, красные пятна вспыхивали на щеках, потом она долго и мучительно кашляла.

Пока мама болела, Сенька совсем стал хозяином в доме. Тетка Евдокия даже «домохозяйкой» обозвала его в насмешку. Но Сенька, Сенька и бровью не повел — пусть говорит, она же злая, а он же о своих заботится: о маме, о Ленке... Только бы выздоравливала она поскорее!

Брат еще раз велел сестренке не вылезать из кровати, даже ее одежду припрятал на всякий случай и ушел.

Он вышел из комнаты в длинный полутемный коридор, где по обеим стенам шли одна за другой десять и десять — двадцать дверей. Людей в их квартире жило великое множество, и если бы дать каждой семье по дому, то могла бы выйти целая деревня... Прошмыгнул мимо кухни, но Евдокия заметила его и крикнула вдогонку:

— Погоди-ка, чего скажу...

Ругая себя и бессовестным, и слабым, и «продажной тварью», Сенька все же вернулся, заглянул в кухню. Ведь у него же и на хлеб денег не было. Сперва надо где-то занять, а уж потом только в булочную. Вот он и вернулся...

— Ты куда это спозаранку? Пирожка-то хочешь покушать?

— Нет, не хочу. В булочную я, за хлебом...— И Сенька заторопился прочь от соблазна и уже на ходу сказал: — Только вы их не будите, а то я еще и за елкой...

Евдокия удивленно хмыкнула, глядя на Сеньку внимательно, с ожиданием. Она думала, что он у нее денег попросит. И дала бы! Поворчала бы, а потом бы дала, но Сенька не попросил — ушел. И тетка обиделась на него, губки поджала, подумала о чем-то насупленно, а потом изрекла:

— Гордые очень уж! За гордость вашу и живете плохо. Лучше уж без гордости, попроще, да зато щи с наваром будут... Э-эх, дураки!

Густая синева неба чуть раздалась и поголубела. Громко, визгливо хрустел под башмаками плотный снег. Черные, испещренные огоньками, стояли в полутьме громады домов. Деревья были пушисты от инея. Было тихо и пустынно. Было рано.

Булочная открывалась в восемь, но восьми еще не было, а на крылечке уже топталась молчаливая очередь тех, у кого хлеба на утро не остается. Сенька снова вспомнил, что у него еще нету денег. Пошел помедленнее и совсем встал, когда подумал про елку. За домами, он знал, на катке — елочный базар. Теперь еще рано и темно. Можно пойти и... и украсть одну!

Сенька озяб, хоть и обмотался для тепла старым маминым платком, упрятав его под курточку, чтобы не смеялись. Но было очень холодно и дул ветер. Шагал Сенька медленно — он думал. И потому, что думал, не заметил, как подобрались к нему мальчишки... Двое обогнали его, о чем-то посмеиваясь, и тут же один из них упал Сеньке в ноги. Сенька споткнулся и полетел в снег и только тогда со страхом смекнул, что это его поймал Шуряй...

Шуряй был братом другого Шуряя, который уже давно в тюрьме, но во дворе его не забывали и в память о нем побаивались

младшего брата, которого тоже звали Шуряем, пока не было старшего. И младший за старшего тоже поворовывал, и прогуливал школу, и пропадал на базаре. Были у Шуряя свои ребята, и всей оравой они иногда устраивали толкотню в дверях магазина и выдергивали под шумок у какой-нибудь старушки сумку, или кто-то из них лез отвлекать продавщицу, а другие в это время тибрили что-нибудь незаметно. А если кто-то и замечал, то Шуряй грозил братом и показывал финку.

...Сенька было вскочил, но оказалось, что сзади его уже держат. Они не дали ему подняться, а Шуряй наклонился к Сеньке, обозвал его и сказал:

— Гони, гад, гроши!

— А у меня нету...

— Врешь, ты же в булочную шел, мы за тобой следили... Вот как обыщем сейчас и что найдем, то наше. За вранье за твое...

— У меня только карточки, а денег нету,— сказал Сенька и пожалел, что сказал. Глаза у Шуряя разгорелись.

Тут они все подняли Сеньку и, пихая его и подталкивая со всех сторон, да так, что он не успевал заметить, кто его бьет, погнали тычками за дом. Они всего его растрепали и растормошили, а потом надели Сеньке на лицо его шапку и завязали на затылке тесемки и... вдруг разбежались.

Сенька сперва обрадовался, решил, что кто-то идет, вот они и перепугались. Но тут же сердце его екнуло, и он понял: нет, ничего они не испугались, а просто забрали карточки, и все... Сенька снял шапку и увидел, что сбоку на курточке вырезан бритвой целый квадрат материи там, где был карман.

Что делать? Бежать, догонять? Но куда они все подевались?

Сенька побежал к булочной. Вид у него был дикий: шапка в руке, распахнутая курточка, висящие концы драного платка, измазанное кровью лицо, но сам он ни о чем не думал и не помнил. Единственное слово «карточки», «карточки» было у него на уме. Не успел он взбежать на крылечко, как из булочной ему навстречу вывалилась вся орава Шуряя, у каждого в руке была сайка. Они уже жевали и смеялись, а увидев Сеньку, снова его окружили, принялись тыкать ему в лицо хлеб и опять толкали его, устроив игру в «пятый угол». Им было весело.

Сенька рассвирепел. Он еще никогда в жизни не был таким смелым и отчаянным, как в эту минуту. Теперь он никого не боялся. Он отшвырнул от себя одного из мальчишек и пошел прямо к Шуряю, подошел к нему и громко, ясно сказал:

— Вор! Отдавай мои карточки! Отдай лучше, а то...

— За вора ответишь...— зашипел Шуряй.— Ты знаешь, кто я? А про карточки забудь. Попели твои карточки, нету...

— Атас! — крикнул кто-то.— Сматывайся, мент идет!

И снова все закружилось и завертелось, как в чертовом колесе: мальчишки сорвались с места и кинулись прочь. Сенька бросился за ними. Он нагнал Шуряя и вцепился в него, думая про себя, что ни за что на свете не отцепится теперь, а будет держать его, как бульдог, мертвой хваткой. Шуряй подставил Сеньке ножку, ударил его. Но, падая, Сенька все же не выпустил Шуряя, и они повалились вместе. А позади грянул неподалеку милицейский свисток. И впереди послышался свист...

— Облава! Шуряй, облава! — кричали мальчишки, разбегаясь кто куда.

Сенька, зажмуря глаза, принимал один удар за другим и ждал, ждал, изо всех сил вцепившись в ногу Шуряя.

Так прошла минута, может быть, две — времени никто не считал. А потом послышался скрип под чьими-то бегущими ногами и чей-то густой голос скомандовал:

— А ну кончай драку! Встать!

Сенька открыл глаза. Потом медленно поднялся. Вот тут-то он не выдержал — всхлипнул, еще раз всхлипнул и заплакал. Его крепко держали. Потом его вели и подсаживали в закрытую милицейскую машину, в темном кузове которой было уже тесно от мальчишек и почему-то пахло елками. Последним в машину влез тот милиционер, который вел Сеньку и Шуряя. Дверь захлопнулась, и машина покатилась куда-то.

Сенька сидел на жесткой деревянной лавке за барьером, среди Шуряевой компании. Он уже не плакал, слушал, как допрашивают по одному его соседей. Оказывается, прежде чем отнять у него карточки, они ходили на каток воровать елки. Но мальчишки не сознавались, и, сидя среди них, Сенька хорошо понимал, что молчат они только потому, что боятся Шуряя. А еще он увидел, как Шуряй вытащил потихоньку финку из кармана и кинул ее под лавку.

Настала Сенькина очередь, и его спросили, брал ли он елки. Или он, как все, тоже будет упорствовать и врать?

— Я не буду врать,—сказал Сенька, вставая, а милиционер, который спрашивал, и другой, который писал, и те, кто стерегли их всех, глянули на Сеньку с удивлением и интересом.

— Это почему же ты не будешь врать, не любишь, что ли?

— Да, не люблю. Только я сначала хочу сказать, что я не с ними...— И Сенька запнулся, потому что все и даже мальчишки на этих словах рассмеялись: никто ему, было ясно, не верит.

— Ну да, ты, конечно, не с ними, и ты честный человек. Так, что ли? — спросил тот, кто спрашивал, и усмехнулся.

— Я? Да они же у меня карточки украли. Вот! — И Сенька показал дыру на курточке.— Только я хотел об этом потом сказать, а сначала я сам хочу сознаться.

Милиционеры переглянулись, а тот, кто спрашивал, спросил:

— В чем сознаться-то? Давай говори, а мы запишем!

— В том, что и я тоже хотел себе елку украсть.

Сенька до последнего мига не верил, что сможет это сказать, а когда сказал, то вдруг стало ему легко и свободно, он даже улыбнулся. И тот, кто спрашивал, улыбнулся ему.

— Ну и почему же ты не украл, как хотел? Помешали?

— Нет. А просто я никогда ничего не украду. Даю честное слово! Только вы заберите у них мои карточки, а то мама...

И Сенька вдруг сообразил, что он уже часа два, как ушел из дому, и что мама уже проснулась, и что Ленка уже, наверно, попрошайничает, а хлеба-то ведь у них сегодня не будет!

— Слушай, парень, ты про какие же карточки, что-то я не пойму тебя? — спросил Сеньку милиционер.

И тогда Сенька, захлебываясь и едва сдерживая слезы, стал рассказывать сразу обо всем: как они его били и как сожрали хлеб, как отняли карточки и что денег у них дома ни копейки, а мама больна.

Его никто не перебивал, все молчали. Даже вошедший в середине рассказа какой-то милицейский начальник встал послушать и, чтобы лучше слышать, приложил к уху ладонь.

Сенька говорил сначала тихо, чуть ли не шепотом, потом погромче, а под конец он почти кричал, сам того не замечая.

— А вот он,—и Сенька ткнул пальцем в

Шуряя,— вот он у них самый главный, и все они его боятся. Он, у него финка! Посмотрите под лавкой, он ее туда бросил... Он вор!

Один из милиционеров тихонечко пробрался между другими, зашел за барьер и, молча согнав кого-то из мальчишек с лавки, пошарил рукой по полу, а когда встал, в руках у него блеснула финка. Милиционер передал ее тому, кто записывал, и снова стал шарить под лавкой, а Сенька все говорил:

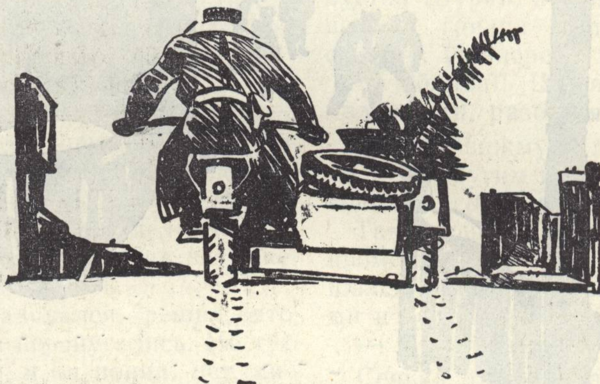
— Они всех мальчишек во дворе бьют. Их все боятся и молчат. Я и сам раньше боялся...

— А теперь? — перебил его тот, который вошел позже.

— Теперь не буду. Очень мне надо их бояться. Не боюсь!

И Сенька оглянулся к Шуряю.

— Что? Думаешь, что я прояберничал? Ну и думай. А я не хочу, чтобы из-за тебя у меня мать без хлеба сидела. Ясно?

— Ясно, ясно,— ответил за Шуряя тот, кто спрашивал.— Все ясно, парень. Выходи оттуда сюда...— И он сам вывел Сеньку из-за барьера, а всю Шуряеву команду велел отвести в камеру.

Карточки у Шуряя отобрали, но сегодняшний хлеб был уже получен и съеден... Сенька сидел на стуле возле того, кто записывал, молчал и слушал. Теперь говорили милиционеры, они решали вслух: что делать, как помочь ему, Сеньке? И от того, как и что они говорили, ему снова очень захотелось плакать, однако Сенька все же пересилил себя. А потом его повели умываться, а когда он вернулся, тот, кто спрашивал, вручил ему стопку каких-то талонов и позвал идти вместе с ним.

Сенька пошел с ним куда-то на второй этаж милиции. Оказалось, что там у милиционеров столовая, и еще оказалось, что талоны это обеденные, и Сеньке налили большой бидон горячего супу и дали кастрюлю каши с котлетами, да еще пакет с хлебом.

Сенька был счастлив, но тут же выяснилось, что события этого дня далеко не исчерпаны. Внизу Сеньку укутали в постовой бараний тулуп и посадили в мотоциклетную коляску. Тот, кто спрашивал, сел верхом, и они тронулись было, но раздалось на весь двор откуда-то из окна, сверху:

— Стойте!

Выбежал из дверей начальник, тот, кто пришел попозже и внимательно слушал Сеньку; он велел Сенькиному провожатому взять из отобранных одну елку.

— Под мою ответственность,— сказал он.

...Мотоциклетка катилась очень быстро, и путь-то был не длинным, но все же проехаться было здорово, особенно, когда под боком стоит горячий бидон, а в руке зажата колкая елочка.

...Сеньке казалось, что это не с ним и что ничего этого вообще не было, но он катился в мотоциклетке, потом в сопровождении милиционера поднимался по лестнице и шел через коридор...

— Достукался! — сказала Евдокия.—Я же говорила...

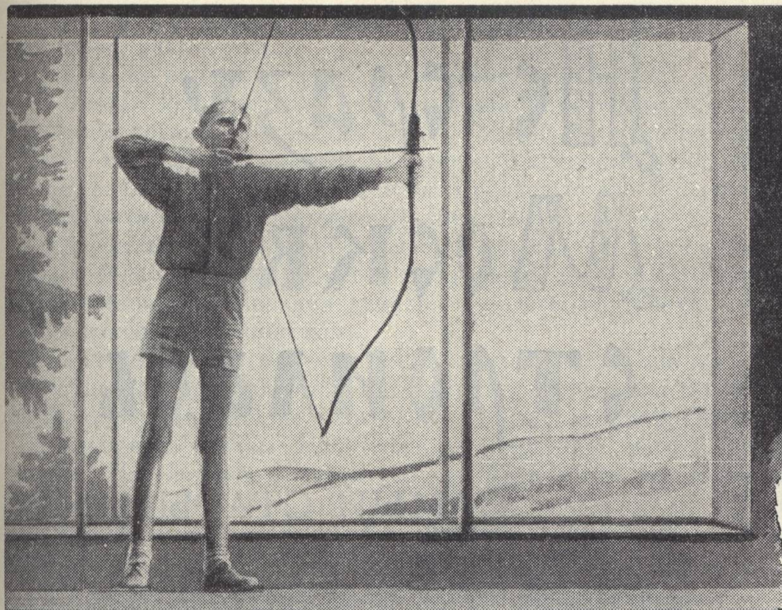
— Сеня!—вскрикнула мама.—Боже мой, полураздетый!.. Где ты был столько времени? С ума сойти... Сеня, ты украл елку? Он украл, товарищ милиционер?

— Нет, это подарок! — И, ничуть не улыбаясь, тот, кто спрашивал, произнес, точно он вручал Сеньке награду: — Это подарок от милиции вашему сыну.

— Что ты сделал? За что? — воскликнула мама и поглядела на милиционера, но тот уже уходил и прощался.

— Он вам сам расскажет, до свидания...

По пути он как бы нечаянно вытеснил из комнаты Евдокию, а затем дверь за ними закрылась.

ОДИННАДЦАТИЛЕТНИЙ „РОБИН ГУД"

Л. МАТВЕЕВА
Фото А. Рандмера.

Кто из вас не стрелял хоть раз в жизни из лука? Конечно, это же совсем просто, берешь палку, стягиваешь ее концы веревочкой: вот он, лук. А потом отыскиваешь ровную палочку — чем не стрела? — и целишься в дерево. И даже иногда попадаешь.

А кто из вас видел, как спортсмены-лучники стреляют из настоящего лука? Я тоже раньше видела лучников только на картинке. А тут приезжаю в эстонский городок Пярну и смотрю: стоят на полигоне мишени, а стройные молчаливые мальчишки по этим мишеням бьют из луков.

Я познакомилась с этими ребятами, а с одним из них, пятиклассником Тыну Кууском, даже подружилась. После тренировки он дал мне свой лук и разрешил разок стрельнуть. Я очень старалась, но все-таки промахнулась: стрела воткнулась в угол щита, не задев мишени. Правда, ребята не стали надо мной смеяться, а сказали вежливо: «Еще научитесь». И мне захотелось им поверить.

По городу шагает мальчишка. За спиной лук. На поясе — колчан со стрелами.

— Здравствуй, Ингрид,—приветствует Тыну встречную девочку с нотной папкой.— Ты опять на спевку?

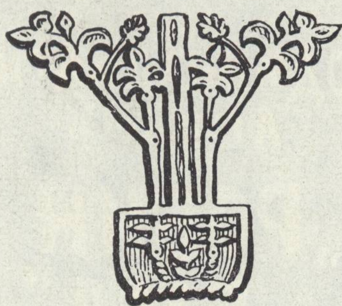
— Здравствуй, Робин Гуд,— смеется Ингрид,— я опять на спевку. А ты опять стрелять? Да?

Робин Гуд — Тыну — идет дальше. Ему нравится быть Робин Гудом. Нравится, как поют стрелы. Нравятся взрослые лучники — Эва Суйтис, Аста Рандмер, Юрий Никсон. Ого, как они стреляют!

Тыну понимает: он еще не настоящий Робин Гуд. Но ведь совсем недавно он и лука настоящего в руках не держал. И когда пришел в секцию и пустил первую настоящую стрелу, она полетела «за пивом», как говорят в Эстонии, когда бьют мимо цели. Но он упорный мальчишка, этот Тыну. И он все стрелял и стрелял. И все чаще бил в десятку.

И вот сейчас Тыну целится в мишень, а фотоаппарат приглядывается к Тыну. Но Тыну не смотрит на аппарат: он занят делом — брови нахмурены, лицо замкнутое, глаза — на мишень.

И смотрите: стрела угодила точно в десятку.

Не сразу Москва строилась

М. Г. РАБИНОВИЧ

Рисунки В. ФЕДЯЕВСКОЙ.

САМЫЙ СТАРЫЙ ДОМ

— Так это первый? Мы открыли первый московский дом?

— Ну, не первый, наверное. В этом месте, пожалуй, не мог быть первый. Здесь все же окраина тогдашней Москвы. Но пока самый древний.

Разговор происходил в Кремле, неподалеку от Успенского собора, возле старых Патриарших палат.

Молодой археолог Центральных научно-реставрационных мастерских Нонна Сергеевна Шеляпина справедливо гордилась своим открытием.

Пока самый древний московский дом... Вот он виднеется в узкой, глубокой земляной выработке, намного ниже фундамента церкви.

Посмотрим поближе. Угол сруба из круглых, хорошо очищенных от коры бревен. К ним не прикасалась пила. Бревна срублены и соединены на концах только при помощи топора. Каждое лежит в полукруглой «чашке», вырубленной в нижнем бревне. И весь сруб крепко держится без единого гвоздя — вот продержался уже около девятисот лет. По крайней мере — восемь нижних венцов. Два-три самых нижних врыты в желтый песок — «материк», как говорят археологи. А все остальные когда-то были на поверхности земли. Постепенно, год за годом, вокруг сруба наслаивались те отложения, которые археологи называют «культурным слоем»,— кора и щепки от строительства ближайших построек, черепки разбитой посуды, брошенные и потерянные вещи.

Возле сруба упали осколки грубых горшков из глины с примесью толченого гранита. Обожгли горшок плохо — видимо, в обыкновенной домашней печи, а не в специальном горне. Да и сформовали на гончарном круге, который вращался еще медленно. Орнамент на стенки наносили зачастую и вовсе не на круге, а на какой-то подставке. Так работали на заре развития русского гончарного ремесла примерно в одиннадцатом веке.

Вместе с черепками попали вещи, привезенные в Москву. Грузики-«пряслица» из розового волынского шифера — пряхи надевали их на веретена. Обломок крупного сосуда-амфоры — в таких везли на Русь из византийских владений вино и масло.

Намного позже, когда вокруг сруба наросло сантиметров восемьдесят культурного слоя, в него попали первые обломки стеклянных браслетов. Сначала крученых и витых, позже гладких. Браслеты из разноцветного стекла вошли в моду в XII—XIII столетиях. А наш сруб построили, видно, намного раньше середины XII века, лет на пятьдесят, а то и на восемьдесят.

Главы из книги «Первое в Москве». Книга выйдет в издательстве «Детская литература».

Вот почему мы и считаем этот дом самым древним в Москве.

Пока, разумеется...

Пока не найдем другого, более древнего.

Правда, несколько лет назад мы едва не потеряли надежду найти когда-нибудь первый московский дом. Во время археологических раскопок в Кремле мы увидели, что весь мыс древней крепости, отгороженный рвом и валом, начисто срезан землекопами. Произошло это лет двести назад, когда задумали строить грандиозный кремлевский дворец.

Замыслы эти тогда не осуществились, но на месте крепости остался лишь глубоко врезанный в песок треугольник древнейшего крепостного рва. А ведь были все основания думать, что здесь, внутри укреплений, можно найти наиболее древние дома.

Дома XII века и более поздние попадались нам при раскопках. Но они не могли быть древнейшими. Иначе что же огораживал собой ров, который вырыли, по-видимому, не позже XI века? Пустое пространство?

Глубокой осенью 1963 года реставраторы, желая укрепить здание старых Патриарших палат и церковь Двенадцати апостолов, вскрыли их фундаменты. Оказалось, что фундамент покоится на дубовых сваях, а сваи вбиты не в материковый песок, а в черный влажный культурный слой.

Тут уже главная работа археологов. Углубляясь пласт за пластом в жирную черную землю, они увидели, что церковь и Патриаршие палаты выстроены на давно уже обжитом месте. Фундамент церкви перекрыл и срубы домов XIII—XV веков и более древнее кладбище. А эти срубы перекрыли еще более древний сруб. Получилось, что погреб более нового (хотя для нас уже очень старого) дома врезался в совсем древнее жилище.

Нижние венцы древнейшего сруба уцелели, и, расчистив их, археологи убедились, что дом этот был построен на месте, прежде не заселенном. Его владельцы были здесь первыми поселенцами.

И вот мы стоим в довольно глубокой уже шахте и советуемся друг с другом: что это за сруб? Когда и отчего он погиб? Сгорел или просто был брошен за ветхостью? Кому он мог принадлежать?

Дом был невелик — всего четыре метра в длину и примерно столько же в ширину. Четыре его стены выходили почти точно на север, восток, юг и запад.

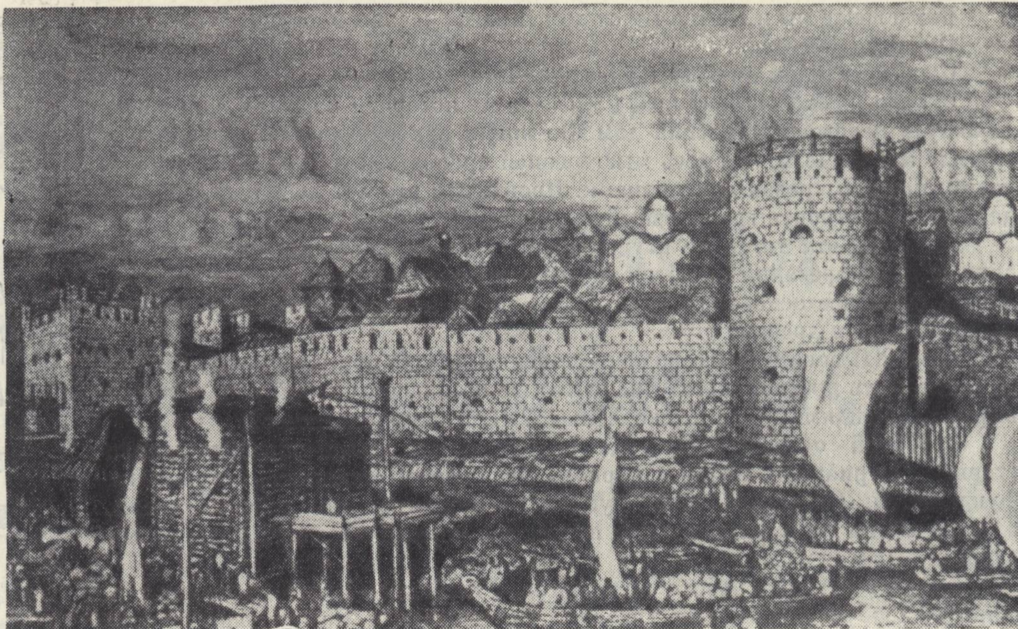
Так строили в Москве дома и позже, и мы могли теперь предположить, что это был дом с дощатым полом, настланным на уровне третьего или четвертого снизу венца,— чуть выше поверхности земли. В горницу, наверное, с улицы или со двора вели две-три ступеньки. Других помещений в доме, по-видимому, не было. Почти треть маленькой комнаты занимала большая глинобитная печь, конечно, без дымовой трубы. Когда печь топили, в доме нечем было дышать от дыма. Зато лучше сохранялось тепло и дров шло меньше. Оконца были маленькие, без рам. Их затягивали бычьим пузырем или слюдой, иногда задвигали деревянной задвижкой, а то и просто затыкали тряпкой.

Света было мало. Не только в длинные зимние вечера, но и днем стояли потемки. Неярким светом озаряла комнату лучина, воткнутая в железный светец.

Так выглядят остатки самого древнего сруба. Ему девятьсот лет.

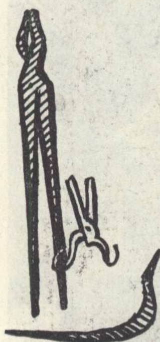

Белокаменный кремль... Таким изобразил его на своей картине художник и историк Аполлинарий Михайлович Васнецов.

Стоял дом не в крепости, а на окраине городка, на не защищенном от врагов городском посаде. Так жили в средние века горожане во всех странах Европы и Азии.

В центре города, за рвом и валом, жил князь или его наместник, бояре и другие феодалы. Укрепления защищали их не только от нападения внешних врагов, но и от народных восстаний.

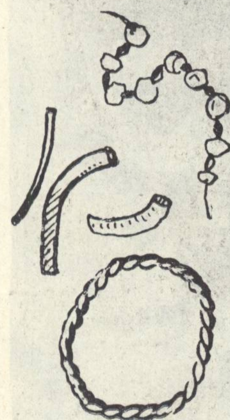

И, конечно, феодалы жили не в курных избах. Они строили себе высокие хоромы из множества срубов. Здесь были и теплые помещения — «истобки» (от слова «топить»), и высокие башни — «повалуши» в несколько этажей, и терема с затейливыми кровлями, и светлицы для женских работ, и обширные террасы на втором этаже — «сени», где любили пировать.

Вот как описывает дом русской знати древняя русская былина:

Три терема златоверховаты
Да трои сени решетчатые!
Хорошо в теремах изукрашено:
На небе солнце — в тереме солнце,
На небе месяц — в тереме месяц,
На небе звезды — в тереме звезды,
На небе заря — в тереме заря
И вся красота поднебесная.

Видно, не только резьба, затейливые решетки и «золотые» кровли украшали дворец. Стены и потолки комнат были покрыты росписью, изображавшей, например, дневное и ночное небо.

Был ли в Москве такой дворец, сказать трудно. Но даже если и был, то уцелеть, конечно, не мог. Москву не раз дотла разоряли враги. А каждая новая стройка основательно стирала следы предыдущей.

Все же мы не оставляем надежды найти когда-нибудь в Кремле и какие-то остатки одного из первых московских домов. Хоть не княжеского дворца, не боярских хором. Может быть, избы, где на краю двора жила челядь,— такой кусочек мог и уцелеть.

БЕЛОКАМЕННАЯ

Так называли Москву и в древности и в недавние времена.

А что же, собственно, означает «белокаменная»?

Строители на Руси издавна называли «белым камнем» известняк — мягкую породу, залежи которой часто встречаются в Волго-Окском между-

речье. Известняк довольно легко добывать, и он хорошо поддается обработке. И вместе с тем белый камень крепок и надежен, построенные из него здания стоят века. Резьба по его белой поверхности поражает игрой света и теней. А одно время ее любили покрывать яркими красками.

Одним словом, белый камень — прекрасный строительный материал, надежный и благодарный, и притом на Руси вовсе не редкий. Это вполне оценили русские зодчие уже более восьмисот лет назад.

В старинной Владимиро-Суздальской земле, в городах и селах, и сейчас можно увидеть здания, возведенные из белого камня. Одни из них скупо украшены, другие почти сплошь покрыты резным узором.

В подавляющем большинстве это церкви. Ведь при тогдашнем отоплении в жилом доме из белого камня всегда была бы сырость, и даже самые богатые бояре и князья ставили себе хоромы из дерева.

Владимирский князь Андрей, сын Юрия Долгорукого, первым построил себе дворец из белого камня в селе Боголюбово, недалеко от Владимира.

Долгое время Боголюбовский замок оставался единственным белокаменным жилым зданием на Руси. Белокаменных церквей было довольно много, а в больших городах были и белокаменные соборы.

Во Владимире, считавшемся в те времена первым из русских городов, жил глава всей русской церкви — митрополит.

В 1326 году по настоянию московских князей митрополит Петр переехал в Москву и сделал ее религиозным центром Руси. Сейчас же для него начали строить каменный храм — это и было первое белокаменное здание в Москве. Назвали его, как и во Владимире, Успенским собором.

Москва росла. В городе было много ремесленников и купцов, труд которых приносил московским князьям немалые доходы. И вслед за Успенским собором князья приказали выстроить в Москве новые каменные церкви — Иоанна Лествичника, Спаса на Бору, Михаила Архангела, собор Богоявленского монастыря.

Столь бурное строительство само по себе могло произвести на современников такое впечатление, что они уже тогда прозвали Москву «Белокаменной», хоть и была она еще почти сплошь деревянной. Но это маловероятно. В древней Руси город называли каменным, только если он имел каменные укрепления. Ведь и самое-то слово «город» обозначало прежде всего городские стены, крепость.

А каменные стены в Москве были построены только в 1367 году.

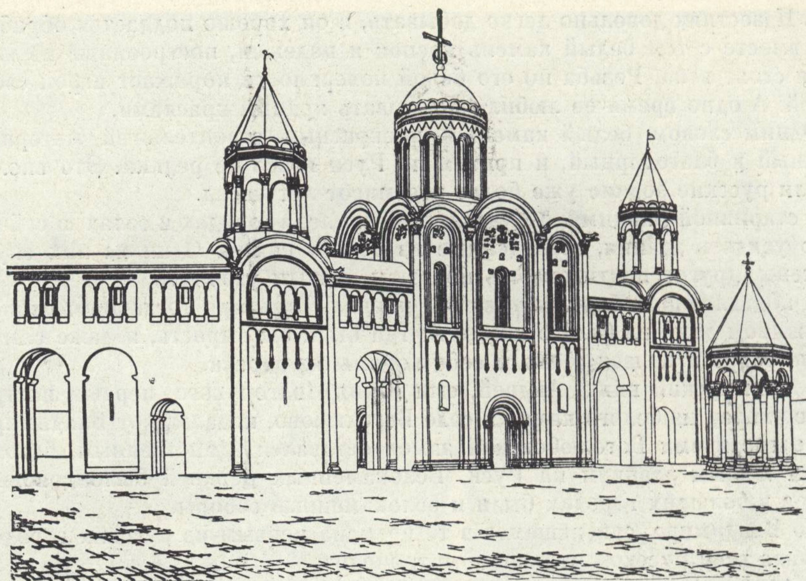
Это было трудное и опасное время. Москве приходилось вести тяжелую борьбу не только с татарской ордой, но и с Литовским государством и с соперничавшими русскими княжествами — Тверским и Рязанским. Нужны были надежные укрепления. И вот после одного из сильных пожаров, во время которого, по всей вероятности, выгорели и дубовые заборолы Кремля, шестнадцатилетний московский князь Дмитрий Иванович, «погадав с братом своим с князем Володимиром Андреевичем и со всеми бояры старейшими и сдумаша ставити город камен Москву, да еже умышлиша, то и сотвориша. Тое же зимы повезоша камение к городу»,— писал летописец.

Попробуем представить себе, что нужно было сделать, чтобы построить в Москве каменную крепость, немногим меньше Кремля, который стоит в наши дни.

Залежи белого камня в Подмосковье есть как выше Кремля по реке — в районе Дорогомилова,— так и ниже его, примерно в пятидесяти километрах, в районе Мячкова. Но в Дорогомилове, по-видимому, тогда камень не добывали. Строилась Москва из мячковского камня. И возили его в город зимой по льду реки: летом против течения доставлять было труднее.

Наверно, так выглядели белокаменные палаты Андрея Боголюбского. Их вид восстановлен по данным раскопок профессором Н. Н. Ворониным.

Камень грузили на сани и везли к городу обозами. А в Москве по линии будущего «града» копали рвы для фундаментов стен и башен. Общая длина этих рвов была почти два километра. Строителям пришлось поднять и переместить более семнадцати с половиной тысяч кубометров земли. А для того, чтобы выстроить кремлевские стены длиной примерно тысячу девятьсот метров, толщиной метра в два и высотой в восемь да еще с девятью башнями, нужно было добыть, привезти и уложить не менее пятидесяти четырех тысяч кубометров камня.

Сотни людей занимались добычей и перевозкой камня. Но нужны были еще работники для приготовления извести и раствора. Немало народу трудилось над укладкой основания и тела стен и башен.

Ежедневно на строительстве белокаменной крепости в Москве должно было работать не менее двух тысяч людей...

Стены и башни Кремля отличали теперь Москву от всех тогдашних русских городов, где были обычно деревянные и земляные укрепления.

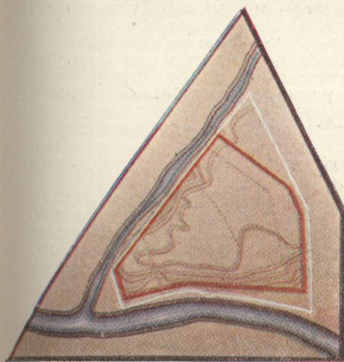
И все же из белого камня продолжали строить в основном церкви. Первая каменная палата была построена для московского митрополита Ионы только в 1451 году. Через восемь лет такая же палата с церковью выросла в Кремле и на подворье Симонова монастыря. Обе палаты не были жилыми. Они предназначались для торжественных трапез — «кормов», как тогда говорили, для хранения казны и книг.

Во второй половине XV века в Москве впервые начали применять кирпич. Но он был дорог поначалу, и достать его было трудно. Поэтому применяли кирпич в первое время только для облицовки зданий.

И еще в XIX веке Москву продолжали называть «Белокаменная». Это прозвище стало как бы вторым именем русской столицы. Поэт-декабрист Федор Глинка писал, вспоминая тяжелый 1812 год:

Ты, как мученик, горела,
Белокаменная!
И река в тебе кипела
Бурнопламенная!
И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты вставала
Неизменною!..
Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!
Град срединный, град сердечный,
Коренной России град!

«Не сразу Москва строилась»,— говорит пословица. Старинная миниатюра, которую вы видите здесь, рассказывает о строительстве Московского Кремля. Это уже не первый Кремль — первые были деревянными. Взгляните на схему в нижнем углу слева. Там показано, как изменялись границы Кремля, как век от века они раздвигались, шагали вширь от маленького мыска при впадении речки Неглинки в Москву-реку в сторону теперешней Красной площади.

Пунктиром обозначены границы несколько раз возводившихся деревянных стен. Красный жирный контур — первые кремлевские стены из камня, построенные при Дмитрии Донском. Белыми линиями показаны стены, возводившиеся на протяжении многих лет (вот уж подлинно «не сразу»!). Они стоят и сегодня.

Строители, изображенные на древней миниатюре, сооружают как раз белокаменный Кремль Дмитрия Донского. Обстоятельно, со знанием дела нарисовал художник стройку. По рисунку вполне можно представить древнее строительство. Велико было мастерство русских строителей! Кремлевские стены и башни не только красивы и пропорциональны. Для своего времени это была неприступная твердыня, одна из выдающихся крепостей средневековья.

МЫ СТРОИМ ДОМ

ДЛЯ КОСМОНАВТОВ.

Саша Бабушкин и Алик Сидеропуло.

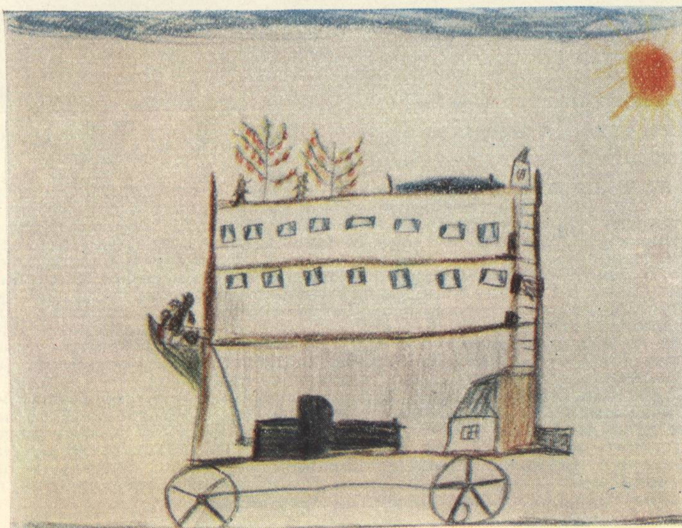
Саша Бабушкин и Алик Сидеропуло из Свердловска прислали нам проект дома для космонавтов. Обязательно покажем его космонавтам и спросим: годится ли?

А вот дом на колесах с садом и бассейном на крыше — смело задумано!

Шаровидный дом на толстой ноге. Это для лаборатории на Марсе. Интересно.

Цилиндрические дома-башни хороши тем, что почти не занимают на земле места. Под ними свободно разъезжают машины. Вокруг домов видны самодвижущиеся тротуары. Это город будущего Лиды Коган.

В детском саду на Сатурне понадобится особый дом с многоэтажным садом. Почему? Потому что там нет атмосферы. Правда, на рисунке растут деревья, но, может быть, это искусственные, для красоты?

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЯ ПУТЕШЕСТВИЙ.

Сережа Трубин, г. Свердловск.

ДЛЯ РАБОТЫ УЧЕНЫХ НА МАРСЕ.

Валера Стадухин, Толя Зайцев. г. Свердловск.

ГОРОД БУДУЩЕГО.

Лида Коган. г. Москва.

СТРОЮ ДЕТСКИЙ САД НА САТУРНЕ.

Лена Филатова. г. Москва.

И был в городе голод сильный, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было многое множество.

Повесть временных лет.

Белгородский кисель

Крепость

В прозрачном Ирпене дрожит
Стены крепостной отраженье.
Град Белгород Русь сторожит
От злого степного вторженья.

Отсюда с обрыва видать,
Не двинется ль рать кочевая.
Сверкает ирпеньская гладь.
Туманится ширь полевая.

Ю. ВРОНСКИЙ

Гравюры
А. МАКСИМОВА.

Беда идет

Руси угрожая бедой,
Скрипят кочевые телеги...
Орда за ордой,
Орда за ордой
Идут из степей печенеги...

Волна за волной,
Волна за волной
Текут, словно воды морские.
Война за войной, война за войной
Сметает гнездовья людские.

Оставив свой княжеский
стол
И Киев родной без призора,
Владимир на север ушел,
Чтоб войско собрать для отпора.

Покуда на севере князь,
На Белгород гости степные
Напали, с налету стремясь
Ворота разбить крепостные.

Но в городе ждали гостей
И встретили перед стенами...
Звон сабель, хрустенье костей,
Воинственный клич и стенанье...

Старец

Негоже лежать на печи,
Негоже томиться без дела,
Когда громыхают мечи
И свищут каленые стрелы!

И старец, седой, как туман,
В седло боевое садится
И мчится разить басурман,
Согнувшись, как хищная птица.

Не крепко сидит он в седле,
А конь это чует, проклятый!..
Прыжок — и седок на земле,
Стыдом и бессильем объятый.

Недвижного старца домой
Несут, как покойника, трое...
Глядит он на небо с тоской
И слушает отзвуки боя...

Осада

Отбившись с великим трудом,
Укрылись в стенах горожане.
Кишат печенеги кругом,
Костры загорелись в их стане.

Там режут на ужин коней:
Вся сила — в печеной конине!
Скуластые дети степей
Недолго бывают в унынье!

Не вышло с налету — ну что ж! —
Измором возьмут они город!
Где тупится сабля и нож,
Там справится время и голод!

Беда пришла

В несчастье кончается день.
В несчастье рождается новый.
Упала на Белгород тень.
Удел ему выпал суровый.

Не то, что промыслить еды —
Коня не напоишь в Ирпене!
Для русских в годину беды
Одно остается — терпенье.

Как вымерший, город затих.
Младенцы молчат в колыбели.
Печальные личики их
От голода поголубели.

Вече

В осаде проходит сто дней.
Владимир, как видно, далече.
А ждать все трудней,
А голод сильней...
И вот собирается вече.

Гудит белгородский народ:
— Владимира нам не дождаться,
А смерть возле каждых ворот...
Пожалуй, что лучше нам сдаться...

Но слышатся крики кругом:
— Вы разумом, верно, ослабли!..
От голода лучше умрем,
Чем лечь под поганые сабли!..

И тут же в ответ им кричат:
— Не всех перебьют, может статься...
Авось, пощадят хоть ребят...
Нет, лучше нам все-таки сдаться...

В прозрачном Ирпене дрожит
Стены крепостной отраженье...
А старец на печке лежит,
Лежит с того дня без движенья.

Томительно тянутся дни,
А люди сгорают, как свечи...
И вот он узнал от родни,
Что сдаться решили на вече.

Не выдержать долее нам,
А князя дождемся едва ли...
Но старец седой сыновьям
Велит, чтоб старейшин созвали.

Приходят старейшины в дом.
На лицах — тяжелая дума.
Поклон отдают и потом
На лавки садятся угрюмо.

— Послушайте, братья, меня...
Я давеча слышал о сдаче...
Но если потерпим три дня,
То, может быть, выйдет иначе...

С трудом языком шевеля
И тихо вздыхая от боли,
Велит он сварить киселя
И сыты пресладкой поболе...

Две добрые кади потом,
Как варево будет готово,
Наполнить велит киселем
И сладкою сытой медовой.

От русских явился гонец!
Наверное, просят пощады!
Сдаются! Осаде конец!
Уж то-то поганые рады!

Ликуют степные князья,
Пируют, коней пожирают
И, городу взором грозя,
Посольство туда снаряжают.

И семь печенежских мужей,
Покрепче умом, чем иные,
И видом всех прочих дюжей,
В ворота идут крепостные.

Навстречу им семь горожан —
Заложники от белгородцев —
Уходят во вражеский стан,
Как исстари всюду ведется.

Глядят печенеги кругом —
На чуждую жизнь городскую,
На храм с золоченым крестом,
На улицы, на мостовую...

И ждут, нетерпеньем горя:
Когда ж им объявят о сдаче!
Но слышат: — Вы маетесь зря,
Вам здесь не дождаться удачи!

Нас кормит родная земля!
Глядите! — И тут белгородцы
У них на глазах киселя
Достали себе из колодца.

По-своему гости галдят,
На пищу глядят обалдело.
А русские пьют и едят.
Им чудо — привычное дело!

А русские им киселя
И сыты налили в корчаги.
Смятеньем народ веселя,
Пошли восвояси, бедняги!

И все рассказали, как есть,
Когда пред князьями явились.
И стали князья пить и есть
И тоже немало дивились.

Кочевники грузят шатры,
И жен, и котлы на телеги,
А также шелка, и ковры,
И все, что дают им набеги.

Сверкает ирпеньская гладь.
Туманится даль голубая.
Скрывается хищная рать,
В туманную даль убегая.

Капитан из Лисса

К 85-летию со дня рождения

АЛЕКСАНДРА ГРИНА

В последних числах июня 1896 года в веселом, знойном южном городе Одессе на берегу моря стоял худощавый мальчик. На нем была соломенная шляпа, парусиновая блуза, подпоясанная ученическим ремнем с медной бляхой, парусиновые брюки были засунуты в высокие, до бедер, тяжелые охотничьи сапоги с ремешками под коленями.

Он жадно, полной грудью вдыхал воздух, в котором перемешивалось множество запахов: соленой воды, угольной пыли, нагретого камня, пароходного дыма.

Прямо перед ним гремел порт: тяжело ворочались краны, стучали лебедки, и длинная вереница пестро одетых грузчиков сновала вверх и вниз по сходням.

А дальше, за причалами и кораблями, играло в теплых лучах солнца искристое синее море. Гладь его бороздили маленькие, казавшиеся слабосильными буксиры и стремительные яхты с огромным крылом паруса. Утром и вечером, когда всходило или садилось солнце, далекий парус на секунду вспыхивал алым цветом.

Мальчику еще не было шестнадцати. Он обходил пароходы, просил принять его матросом, но капитаны, критически окинув взглядом тщедушную фигуру, раздраженно или насмешливо отвечали: «Нет».

Море лежало перед мальчиком, как дорога в огромный, таинственный и прекрасный мир, полный «смертельно любопытных уголков». Но этот мир, видимо, не нуждался в нем.

Мальчик не подозревал, какая трудная дорога жизни ему предстоит и какая посмертная слава его ожидает.

Звали мальчика Саша Гриневский.

Если вы не читали «Алые паруса» — самую обаятельную книгу Александра Грина, значит, вы еще прочтете ее. Ибо мимо нее не может пройти никто.

Я помню, как мне она впервые попалась в двенадцать лет. Я прочел книгу, не отрываясь. В те часы мир для меня словно не существовал: был только дальний берег моря и одинокая фигурка девушки, стремительно протянувшей руки к высокому белому кораблю, на котором победно реяли алые паруса.

Когда я вырос, я прочел другие книги Грина — дерзкие, ироничные, солнечные, мужественные. Помню мое огромное удивление, когда я узнал, что почти ничего не известно о жизни Грина. «Как же так,— думал я,— ведь книги писателя разошлись в миллионах экземпляров и никто не написал, как жил и работал этот человек?» Позже я понял, что ошибался. Писать о жизни Грина пытались, но каждый раз сталкивались с одним и тем же: отсутствием материала. Между тем А. Грин написал «Автобиографическую повесть», она оканчивается 1905 годом. А ведь писатель прожил еще двадцать семь лет...

Грин был молчалив, замкнут. Он не любил говорить о себе случайным знакомым да и близким рассказывал без особой охоты. О Грине начали складываться легенды. Рассказывали, что писатель был морским офицером, объездил весь мир и был разжалован в матросы за революционные настроения. Другие легенды повествовали, что Грин бежал с каторги, куда был сослан за убийство английского капитана.

Мне очень захотелось собрать как можно больше документов о жизни Грина. Я рылся в архивах, старых газетах и журналах, разыскивал людей, близко знавших писателя. На это ушли годы и годы. Зато теперь я могу рассказать вам правду об этой удивительной жизни.

Саша Гриневский (Грин — литературный псевдоним писателя) родился в августе 1880 года в маленьком городке Слободском, в 30 километрах от Вятки. Отец его семнадцатилетним юношей был арестован за принадлежность к «мятежной шайке» (по данным охранки), некоторое время

Село Пинега Архангельской губернии — место ссылки А. Грина.

просидел в тюрьме, а потом был выслан в Сибирь, откуда перебрался в Вятку.

Первое, что запомнил мальчик: зимняя дорога. Саша на руках у матери. Запрокинув голову, он внимательно разглядывал звездное небо. И ему казалось, что не он едет, а звезды плывут над ним. Грин говорил, что звездная дорога родила в нем сказку, задумчивость, любовь к прекрасному.

Любимым развлечением Саши Гриневского была охота. «Я любил,— писал Грин,—шум леса, запах мха и травы, пестроту цветов, волнующую охотника заросль болот, треск крыльев дикой птицы,— выстрелы, стелющийся пороховой дым; любил искать и неожиданно находить.

Множество раз я строил, мысленно, дикий дом из бревен, с очагом и звериными шкурами на стенах, с книжной полкой в углу; под потолком были развешаны сети, в кладовой висели медвежьи окорока, мешки с «пеммиканом», маисом и кофе. Сжимая в руках ружье с взведенным курком, я протискивался среди густых ветвей чащи, представляя, что меня ждет засада или погоня».

На дворе мальчик рубил деревянным мечом крапиву и лопухи, делал фейерверки, мастерил ракеты, клеил бумажные фонарики, словом, хватался сразу за множество дел, ничего не доводя до конца, «мечтами возмещая недостатки своей работы».

Потом Александр Гриневский уехал в Одессу. Начались долгие скитания по России. Он был босяком, грузчиком, чернорабочим, маркировщиком в пакгаузе, сделал два рейса малого каботажа в качестве ученика по Черному морю, а весной 1897 года ему удалось совершить рейс в Александрию.

После Одессы юноша попал в Баку, рыбачил на Каспии, работал такелажником в порту, матросом на пароходе «Атрек», но главным образом голодал, потому что постоянная работа попадалась редко.

Заболев малярией, Александр Гриневский вернулся в Вятку к родителям, но вскоре пешком ушел на Урал добывать золото. Там он работал в шахте, на чугунном заводе, рубил лес. В маленькой хижине под тысячелетним кедром юноша познакомился с дроворубом-гигантом Ильей. «Илья,— писал Грин,— был моей постоянной аудиторией. Неграмотный, он очень любил слушать, а я, рассказывая, увлекался его восхищением. За две недели я передал ему весь мой богатый запас: Перро, братьев Гримм, Афанасьева, Андерсена; когда же запас кончился, я начинал варьировать и импровизировать сам по способу Шахерезады... Стоило посмотреть, как он, тороп-

ливо жуя и понукая: «Ну, ну... а царь что сказал?» — ревет, как бык, над «Снежной королевой» Андерсена, дико, до слез, хохочет над приключениями Иванушки-дурачка и задумывается, распустив толстые губы, над «Аленьким цветочком».

Иногда же, улегшись и потушив лампу, я слушал его хриплый, заикающийся бас:

— Угробила она его, ведьма...»

И кто знает, может быть, именно там, на Урале, под вековым кедром родился будущий писатель Александр Грин.

В 1902 году Грин пошел служить в армию. Его «послужной список» оказался необычайно коротким.

●

«1902 год. Март, 18-го: зачислен в батальон рядовым. Июль, 8-го: исключен из списков батальона бежавшим. Июль, 17-го: зачислен в списки батальона из бегов. Июль, 28-го: предан суду. Ноябрь 28-го: исключен из списка батальона бежавшим».

В рассказе «Тюремная старина» А. Грин писал: «Моя служба прошла под знаком беспрерывного и неистового бунта против насилия... Я поднимал такие скандалы, что не однажды ставили вопрос о дисциплинарных взысканиях...»

Бежав от солдатской службы, Грин ушел в подполье на революционную работу.

Ему достали паспорт на имя мещанина из города Пензы Александра Степановича Григорьева. Под этой фамилией Грин работал пропагандистом в нескольких городах.

11 ноября 1903 года в Севастополе на Графской пристани Грин был арестован.

На допросе Грин отвечать отказался. Отвечал молчанием. Севастопольские жандармы сообщают о нем начальству: «Натура замкнутая, озлобленная, способная на все, даже рискуя жизнью. Пытался бежать из тюрьмы, голодал. Будучи арестован 11 ноября 1903 года, пока не ответил ни на один вопрос».

О каком побеге упоминают жандармы?

После нескольких дней заключения Грину через одного распропагандированного надзирателя удалось наладить связь с волей. Он узнал, что друзья собрали для побега деньги, на которые было куплено парусное судно. Стояло оно где-то в отдаленной бухте. Судно должно было отвезти Грина в Болгарию. Был подкуплен извозчик, согласившийся доставить беглеца к месту стоянки шхуны. И вот Грин начал деятельно готовиться к побегу. Он сообщил друзьям, что лучше всего бежать днем, около двух часов, сразу после обеда во время прогулки.

День побега был назначен на 17 декабря. День был холодный, ветреный. Грин вышел на прогулку в накинутом на плечи пальто. Арестанты прогуливались по двору. Грину надо было через калитку выбежать во двор, где находились бани,— там должна была быть перекинута веревка. В тот день случилось непредвиденное. Во дворе арестантки натянули веревки и развешивали белье. На крыльцо вышел помощник смотрителя. Он заметил, что один из арестантов ведет себя несколько необычно, нервно. Наконец, Грин увидел, что друзья перекинули веревку в условленном месте — за стеной был пустырь. Помощник смотрителя ее не видит, но и не уходит, наблюдает за Грином. Веревку видят арестантки, видят и молчат. Желание свободы слишком велико. Грин доходит до калитки, бросает пальто и, согнувшись, несется к ограде. Мокрое белье с силой бьет по лицу. Но вот и стена. И тут приходит первое разочарование. Друзья перекинули слишком тонкую веревку, с редкими узлами, а он просил толстую и с частыми. Но что это! Грин тянет за веревку, и она спокойно ложится у его ног. Беглец нервничает. Сзади уже слышен топот ног. Помощник смотрителя зычно командует: «Держите! Стреляйте! Стреляйте!»

Наконец веревка натягивается. Грин лихорадочно взбирается наверх. Еще немного, и он у бруствера. Внизу под собой он слышит лязганье затвора и команду: «Стреляй!» У Грина хватает сообразительности отпустить руки. Он падает в траву. В том месте, где он только что был, сыплются осколки кирпича: пуля ударилась в бруствер.

В наказание Грина посадили в нижнюю камеру, где решетка была на уровне с землей.

Полтора года просидел Грин в севастопольской тюрьме. Потом его перевезли в Феодосию, и он опять пытался бежать. Друзья переправили ему в продуктовой посылке пять огромных гвоздей. Он сделал из гвоздей «кошку», а из простыней и белья — веревку с частыми узлами. И вновь неудача. Грин был уже у самого гребня высокой тюремной стены, когда веревка оборвалась. Арестанта вновь перевели в севастопольскую тюрьму, как более надежную.

Александр Грин. 1924 год.

Освободила его амнистия 1905 года. Адмирал Чухнин, командовавший в то время Черноморским флотом, согласился выпустить из тюрьмы всех, кроме Гриневского. Его адмирал еще раньше обещал «сгноить в тюрьме». Тогда четверо заключенных закрылись вместе с Грином в одной из камер и заявили, что выйдут только все вместе.

Через двадцать четыре часа их освободили.

7 января 1906 года в числе других в Петербурге был арестован мещанин местечка Новый Двор, Волковышского уезда, Гродненской губернии, Николай Иванович Мальцев. Это был Грин.

На этот раз Грина отправляют в ссылку в Сибирь, в Туринск. Он следует по этапу, но в Тюмени, у пересыльной тюрьмы, встречает знакомого, который вновь вручает ему фальшивый паспорт и деньги.

Приехав в Туринск, Грин напоил принявшего его пристава и бежал.

Через Саратов, Самару Грин добрался до Москвы. Здесь он написал свой первый рассказ, «Заслуга рядового Пантелеева». У рассказа этого удивительная судьба. Рассказ отпечатали в типографии небольшой брошюркой. Но когда весь тираж был готов к отправке, наскочили жандармы и все брошюры сожгли. Один экземпляр они передали в фонд «Вещественные доказательства», где он и пролежал больше пятидесяти лет. Сам Грин считал рассказ навсегда утраченным.

Теперь уже писательство всецело захватило его. У Грина есть что сказать людям. Ему только 26 лет, но прожито и пережито столько, что этого хватило бы, наверное, на несколько жизней. Из того, что он видел и слышал за время своих долгих скитаний, можно черпать и черпать без конца. Интересными случаями, просившимися в рассказы, Грин был богат необычайно. Первые его новеллы свидетельствуют о несомненном мастерстве, умении увлекательно построить сюжет, прочной словесной кладке. Грин описывал только то, что сам видел. Он, вероятно, еще не знал, что самым интересным в его творчестве станет фантазия.

После поражения первой русской революции 1905—1907 годов появилось много людей усталых, надорванных, разуверившихся в прекрасных идеалах, которыми они раньше жили.

Грин ненавидел отчаявшихся мещан, уставших от волнений и жизненных забот, везде проповедующих смирение и как конечную радость жизни — смерть.

Надо было показать людям новые горизонты, надо было показать людям, что их возможности безграничны, что человек сам творец жизни, что не властен над ним слепой случай.

И Грин написал рассказ «Остров Рено» о матросе, который вырвался из затхлого, цепкого мира обывательщины в «мир, открытый настежь бешенству ветров». Тарт, так зовут героя рассказа «Остров Рено», погибает в битве со старым миром, но не мотив смерти звучит в рассказе, а радость и торжество жизни.

Грин понял, что он на верном пути. Что он нашел свою, единственно верную дорогу в литературе.

Но... 6-го августа 1910 года из Петербурга тобольскому губернатору с грифом «секретно» было отправлено письмо следующего содержания:

«27-го минувшего июля в С.-Петербурге, по 6-й линии Васильевского острова, дом 1, кв. 33, арестован неизвестный, проживающий по чужому паспорту на имя личного

почетного гражданина Алексея Алексеевича Мальгинова.

Задержанный при допросе в Окружном отделении показал, что в действительности он есть Александр Степанович Гриневский, скрывшийся с места высылки из Тобольской губернии, где состоял под гласным надзором полиции».

Грина отправили в ссылку в Архангельскую губернию, откуда он вернулся только в мае 1912 года. В Петербурге Грин описывал девственные уголки земли, куда бежали в поисках счастья его герои... А тут в Архангельской губернии писатель сам попал в такой девственный уголок. Кругом на много десятков километров тянулась глухомань, шумел лес и неспешно несли воды темные северные реки.

В ссылке Грин много писал, охотился, совершал дальние прогулки в лес. Здесь, в глухом таежном углу, вдали от шумных городов, он окончательно убедился в правильности выбранного писательского пути.

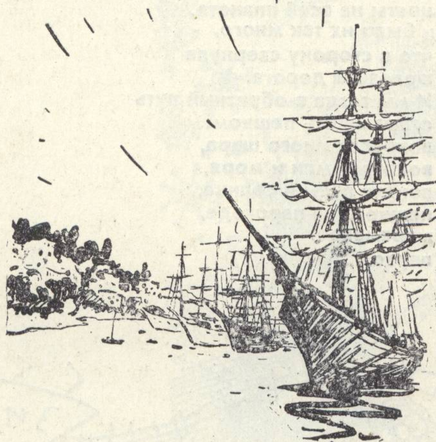
В Архангельской губернии окончательно и сформировался большой русский писатель Александр Грин.

Знаете, что сделал Грин? Он создал в своих книгах целую страну с городами, полями, лесами, реками, морями, деревушками, кораблями, населенную удивительными людьми, мужественными, добрыми, самоотверженными, всегда готовыми прийти на помощь другу, хорошо знающими, что такое дружба, любовь, верность и вовремя сказанное нужное слово.

Страны Грина нет ни на одной самой подробной карте, но когда вы будете читать его книги, вы не поверите, что ее в действительности нет.

Грин обладал редким и счастливым талантом придавать вымыслу черты реалистической законченности. В стране Грина такие же горы, деревья, реки, облака, дома. Люди так же ссорятся, поют песни, охотятся, думают, но в ней добро всегда обязательно побеждает зло.

Кстати, для самого писателя его страна не была выдуманной. Грин мог с совершенно одинаковой обстоятельностью объяснить, как пройти от реальнейшего Петербурга до реальной станции Шувалово и, скажем, от Лисса до Покета — городов своей вымышленной географии.

Как-то Э. Арнольди, в то время начинающий журналист, поинтересовался одним из маршрутов в стране Грина. Писатель обстоятельно объяснил ему дорогу, назвав десятки примет. Каково же было удивление молодого журналиста, когда через некоторое время он поинтересовался тем же маршрутом и получил такой же подробный, как и в первый раз, ответ, с теми же приметами.

Герои Грина носят странные, загадочные имена, которые нигде не встречаются: Ред, Пед, Тарт, Гупи, Мард. Но разве в именах дело! Прочтите книги Грина, а потом оглянитесь вокруг, и вы заметите черты героев Грина у ваших друзей, знакомых, приятелей.

Грин своими книгами говорит людям: поймите, делать в жизни добро, своими руками творить прекрасное или по крайней мере всей душой стремиться к нему — это счастье.

После Октябрьской революции Грин был призван в армию. Его полк стоял сначала в Витебске, потом его перевели в город Остров. Грин служил в телефонной команде. В начале 1920 года писатель, получив месячный отпуск, приехал в Петроград и заболел сыпным тифом. Спас Грина Алексей Максимович Горький. В то необычайно трудное время он достал для больного собрата белый хлеб, масло, кофе и прислал это в больницу.

Когда Грин выздоровел, Горький устроил ему комнату в писательском общежитии — «Доме Искусств».

Здесь и были написаны «Алые паруса».

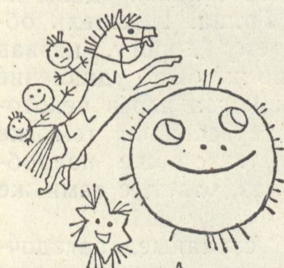
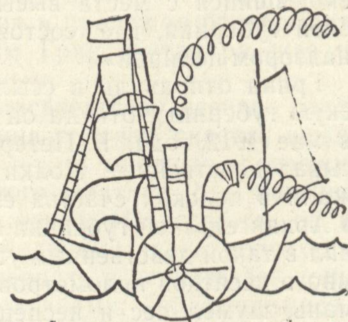
Последние годы жизни Грин провел в Крыму. Зимой по утрам он писал. Летом любил совершать дальние прогулки по каменистым крымским дорогам.

Умер Александр Грин 8 июля 1932 года в маленьком городке — Старом Крыму.

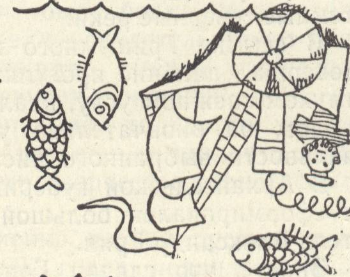
Вл. САНДЛЕР

Жак ПРЕВЕР
Перевел М. Кудинов.

Когда из школы вышли мы...

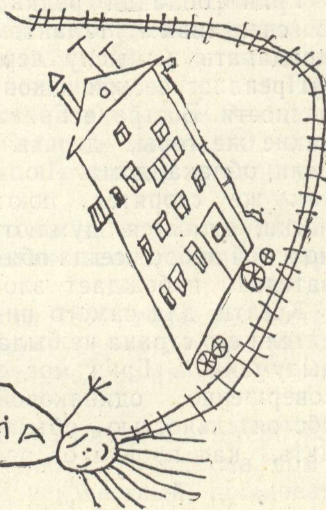
Когда из школы вышли мы,
то повстречали вдруг
железную дорогу,
которая вокруг
всего земного шара
нас повезла, и вскоре,
во время путешествия,
мы повстречали море
с ракушками его,
со всеми островами,
с копченою селедкой,
а также с кораблями,
которые при случае
могли пойти ко дну...
Потом над морем встретили
мы звезды и луну,
они в страну далекую, в Японию, спешили.
А на подводной лодке
три мушкетера плыли,
в шесть рук они работали и рычаги
крутили,

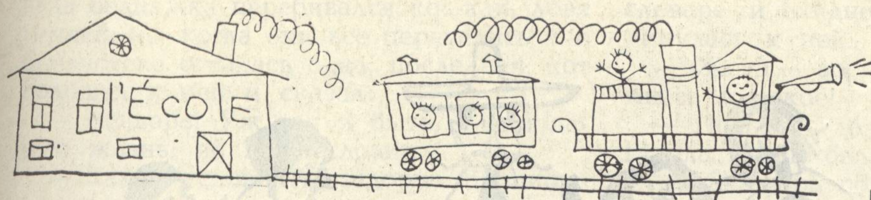

чтоб лодка их достигла дна,
и там, среди камней,
смогли бы мушкетеры
ловить морских ежей...
Тут мы к вагону нашему
вернулись. А потом
увидели мы зиму
и у дороги дом.
Тот дом, вскочив на рельсы,
Помчался, с ветром споря,
вокруг земного шара,
вокруг земли и моря...
Катился дом по рельсам,
спасаясь от зимы.
И мы за ней погнались,
ее догнали мы
и тут же раздавили...
Остановился дом.
Весна навстречу вышла к нам,
И выросли кругом
цветы на всей планете,
и было их так много,
что в сторону свернула
железная дорога.
И мы тогда в обратный путь
отправились пешком:
вокруг земного шара,
вокруг земли и моря,
вокруг луны и солнца,
пешком, на пароходе,
в трамвае и
верхом...

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Стихи Жака Превера

Жак Превер — поэт. Он живет во Франции. У нас в Союзе совсем скоро выпустят в свет его новую книгу. Кто любит поэзию, возьмите это на заметку!

Стихи у Жака Превера разные: и грустные и веселые и детские и взрослые, но главное — интересные. И когда переводчик принес к нам в редакцию вот эти стихотворения, мы обрадовались тому, что и все вы, получив номер журнала, узнаете хорошие стихи хорошего поэта.

И еще одно. В прежних номерах вы могли прочитать у нас стихи на немецком языке, и на английском, и на испанском. Здесь предлагаются вам стихи на французском. Прочтите их. Кстати, многие ребята сами пробуют переводить то, что мы печатаем, и присылают нам свои переводы. Лучшие из них мы обещали опубликовать и обязательно сделаем это. Следите за будущими номерами. А теперь перед вами Жак Превер.

CHANSON
pour les enfants l'hiver

Dans la nuit de l'hiver
galope un grand homme blanc
galope un grand homme blanc

C'est un bonhomme de neige
avec une pipe en bois
un grand bonhomme de neige
poursuivi par le froid

Il arrive au village
il arrive au village
voyant de la lumière
le voilà rassuré

Dans une petite maison
il entre sans frapper
Dans une petite maison
il entre sans frapper
et pour se réchauffer
et pour se réchauffer
s'assoit sur le poêle rouge
et d'un coup disparaît
ne laissant que sa pipe
au milieu d'une flaque d'eau
ne laissant que sa pipe
et puis son vieux chapeau...

Зимняя песенка для детей

Однажды зимней ночью,
Однажды зимней ночью
От стужи улепетывал
Толстый человек.

Он был из снега вылеплен,
Держал во рту он трубку,
Шла стужа по пятам за ним,
И был повсюду снег.

И человек из снега
В деревню зимней ночью
Вошел и, свет увидев,
Обрадовался очень...

И, к дому подойдя,
И, к дому подойдя,
Поднялся по ступенькам он,
Помешкал на крылечке,

А после, не стучась,
А после, не стучась,
Вошел он в дом и сел,
Погреться сел у печки...

И тут же вдруг исчез,
И тут же вдруг исчез.
Исчез, у печки сидя,
Исчез, удрав от стужи.

И только шляпа старая
И трубка деревянная
Валялись возле печки,
Валялись в луже.

Сказка о коте и мышке

Эрмило Обрео ГОМЕС,
мексиканский писатель.

Рисунки Ф. ЛЕМКУЛЯ.

...И в эту зиму, как и во все прошлые, муниципалитет городка Санта Лусия собрался, чтобы утвердить бюджет. Первым делом сеньоры депутаты, разумеется, поспешили увеличить свое жалованье, но когда зашел разговор об ассигнованиях на городскую библиотеку, мнения разделились.

Стоит ли впредь держать в библиотеке кота, чтобы мыши не грызли книжные корешки?

Один депутат сказал:

— Что может быть дешевле и надежнее кота?

— Ну, это смотря для кого! — неодобрительно заметил алькальд (он боялся за своих голубей: окна его дома выходили во двор библиотеки).

Другой сеньор сказал, что, пожалуй, лучше поставить мышеловки.

— Да, но тогда надо все время покупать сыр,— закричали другие депутаты.— Нет, положительно, кот обойдется дешевле!

Все единодушно проголосовали за кота и порешили отпускать на него двадцать сентаво в месяц...

Алькальд приказал принести кота. Директор библиотеки пошел за ним и, принеся, положил кота на круглый стол в центре зала. Кот испуганно съежился, на кончиках его усов повисло недоверие... Кота осмотрели, затем снова отнесли в библиотеку.

С этого дня директор библиотеки тратил отпущенные двадцать сентаво так: пять — на мясо для кота, а пятнадцать — себе на сигареты. Кот худел не по дням, а по часам. Через пару месяцев от него остались лишь хвост да белые усы. Сна-

чала бедняжка перебивался кое-как, ловя мышей, но, когда они все перевелись и в библиотеке осталась одна, последняя, кот подошел к ней и сказал:

— Сеньора! Уж так и быть, я вам дарую жизнь, но при условии...

— Каком условии? — задорно пропищала мышь.

— Весьма простом. Раз или два в неделю вы будете являться в зал заседаний и, вспрыгнув на кафедру оратора, напоминать о том, что я имею право на эти жалкие сентаво.

— И все?

— И все.

— Мне этого мало.

— Мало жизни?

— Мало.

— Что еще ты хочешь?

— Чтоб вы меня пускали в кухню алькальда.

— Ну хорошо (кот мог бы сам туда ходить, но — честь идальго! — никто в его роду не воровал!), кормись на кухне — только по ночам!

— Порешили?

— Порешили!

●

С этого дня для мыши настало райское житье. Она сновала среди толстых пыльных книг и полюбила рассматривать картинки. Раз в неделю, согласно уговору, мышь прибегала в зал заседаний и, вспрыгнув на дубовый стол (вы помните, стоял он в центре зала), напоминала депутатам, что кот недаром ест свои колбасные обрезки.

Все было хорошо, пока наш кот однажды не решил жениться.

На свадьбу пригласили соседских толстых кошек и, конечно, ученую сову. Беднее этой свадьбы не было в округе: ни рыбы, ни сметаны... А когда невеста увидала мышь, которая сидела на толстом словаре и ехидно улыбалась, то, ясно, кинулась к ней...

— Жена, — воскликнул кот, — оставь мышь в покое!

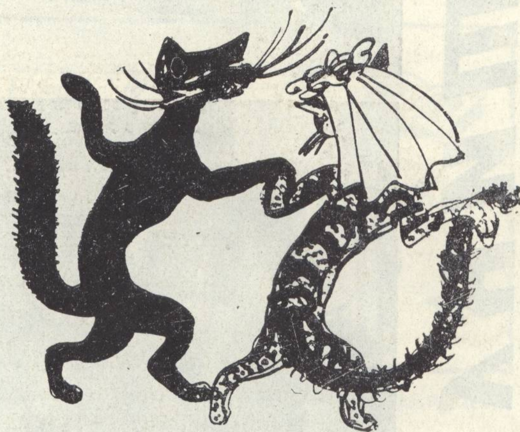
— Почему? Где это видано, чтобы мышь гуляла среди бела дня?

— Не спорь со мной, жена, так надо.

— Не понимаю, — надулась кошка, забралась в дальний угол и больше за целый вечер не проронила ни слова.

Наутро, снова увидев мышь, которая спокойно умывалась, сидя на ее постели, кошка мгновенно выпустила когти.

— Не надо, оставь ее в покое, — опять сказал кот.

— Неслыханно! — вскричала кошка. — Мой муж не ест мышей! Какой позор! Я или мышь?

— Мышь, — ответил кот.

И жена ушла, воинственно подняв хвост.

Но кот остался верным слову. Бедняга опять худел день ото дня. Сеньора мышь, тучнея на чужих хлебах, из жалости таскала ему с кухни кости (кот мог бы сам туда ходить, но — честь кабальеро! — никто в его роду не воровал!)...

КАК ТЫ УЧИШЬСЯ?

Что такое внимание?

Вот ты читаешь эту страничку в журнале. А вместе с тем слышишь какие-то звуки, краешком глаза замечаешь что-то вокруг. Но ведь несколько секунд назад все это не привлекало твоего внимания. Правда? Твое сознание было направлено только на эту страничку, сосредоточено только на ней. Именно такую направленность и сосредоточенность сознания психологи и называют вниманием.

Оказывается, внимание бывает разным. За стеной что-то упало, громко стукнулось; раздались шаги, послышался чей-то разговор. Хочешь не хочешь, а поднимешь голову и станешь прислушиваться. А прислушиваемся мы для того, чтобы понять, что там такое происходит. Именно так мы часто разбираемся в том, что делается вокруг нас. Такое невольное внимание называется *ориентировочным*.

А вот еще одно внимание.

Читаешь приключенческую повесть, да такую занимательную, что не слышишь и не видишь, что вокруг творится. А вот повесть читаешь абсолютно внимательно: все улавливаешь, все запоминаешь.

Такое внимание возникает само собой, оттого, что нам интересно; возникает оно потому, что мы увлечены, захвачены. И у этого внимания тоже есть строгое научное название. Называется оно *непроизвольным*.

И это все? Как бы не так! Еще одно внимание есть на свете. А может быть, оно и у тебя есть, тогда ты серьезный человек.

Вот, скажем, сидишь на уроке и слушаешь учителя. Он целых сорок пять минут объясняет что-то, говорит и говорит... А за окном ребята в хоккей играют. А на соседней парте кто-то вырвал из тетради лист да и делает голубя... Но если умеешь заставить себя не отвлечься, если по-настоящему стараешься вникнуть в объяснения учителя,— значит, у тебя есть самое ценное внимание — *произвольное*, то есть такое, над которым хозяин ты сам.

Человек, воспитавший в себе устойчивое произвольное внимание, *не может учиться плохо*.

И мы предлагаем тебе проверить, внимательный ли ты человек.

ВОТ КАК БЫВАЕТ НА УРОКЕ.

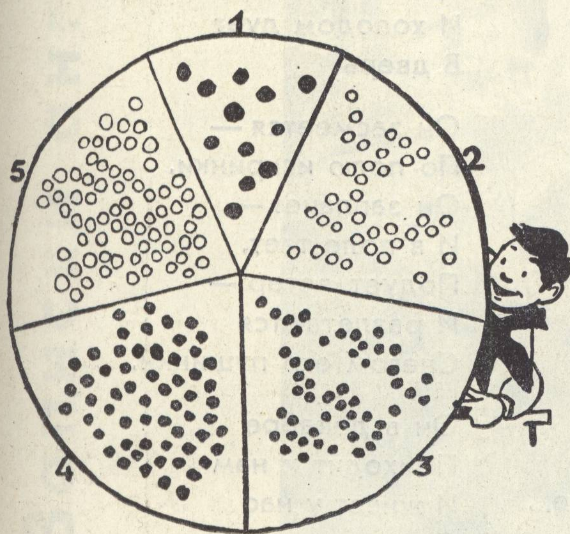
1. «Ольга Ивановна, я могу повторить, о чем вы рассказывали!»

2. «Знаю, знаю, это ты, Смирнов, стреляешься!»

3. «Что бы подарить Жене на день рождения?»

Попробуй сосчитать кружочки в каждом из пяти секторов. А начни с того сектора, в котором кружочков меньше всего. Водить по кружочкам пальцем или карандашом запрещается!

Чем раньше ты собьешься, тем меньше у тебя сосредоточенного внимания. Но не отчаивайся: такое внимание ты можешь выработать в себе. Конечно, если серьезно отнесешься к этому.

Умеешь ли ты *распределять внимание?*

Сосчитай отдельно мужчин и женщин, нарисованных на картинке. Потом повтори про себя: мужчина — раз, женщина — раз, женщина — два, мужчина — два, женщина — три и так — до конца.

А теперь проверим *объем* твоего *внимания.* Сколько предметов ты сумеешь запомнить, поглядев несколько мгновений на эту картинку?

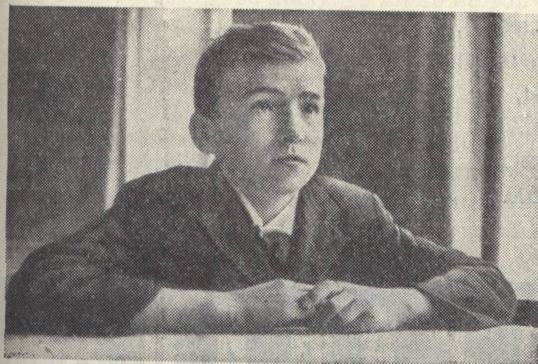
Можно ли *тренировать свое внимание?*

Вот тебе несколько советов.

Когда ты слушаешь учителя или сам занимаешься дома уроками, а тебя кто-то отвлекает, прикажи себе: не отвлекаться!

Старайся, слушая учителя, выделять в его объяснении смысловые куски, как бы разбивать это объяснение на главы.

Будешь стараться внимательно слушать учителя, внимательно читать главу учебника, вскоре заметишь, что все это тоже интересно тебе, что все это начало тебя увлекать.

«Надо сосредоточиться... О чем это Ольга Ивановна?»

«Ничего не получается, самое главное прослушал...»

Нина ЗАГРАЕВСКАЯ

Белая крепость

Белая крепость,
Белая крепость,
Снежный ветер
В стенах гудит...
Синее небо, зимнее небо
В белую крепость глядит.
Мальчишки — там,
И тут — мальчишки...
Снежки, снежки,
Белые, как сахар,
Быстрые, как мышки,
Холодные льдышки!
По лбу — бац!
По шапке — шлеп!
Летят в окошки
Снежки, снежки —
К страху мам, к удивлению пап,
К умилению бабушки.
Снежки, снежки
Обжигают ладошки —
Круглые, лепле́ные, крепкие, каленые...
Побеждают красные,
Сдаются зеленые!
Но белый флаг — летучий снег
Мирит всех.
И снова намокшие варежки
Катают снежки, кидают снежки.

Зима

Зима — это просто
Зверь многохвостый,
Многоголовый зверь.
Он под окнами воет
Грозно
И холодом дует
В дверь.

Он засмеется —
По полю искринки.
Он заплачет —
И в поле тает.
Подует ветер —
И разлетаются
Снегом его пушинки.

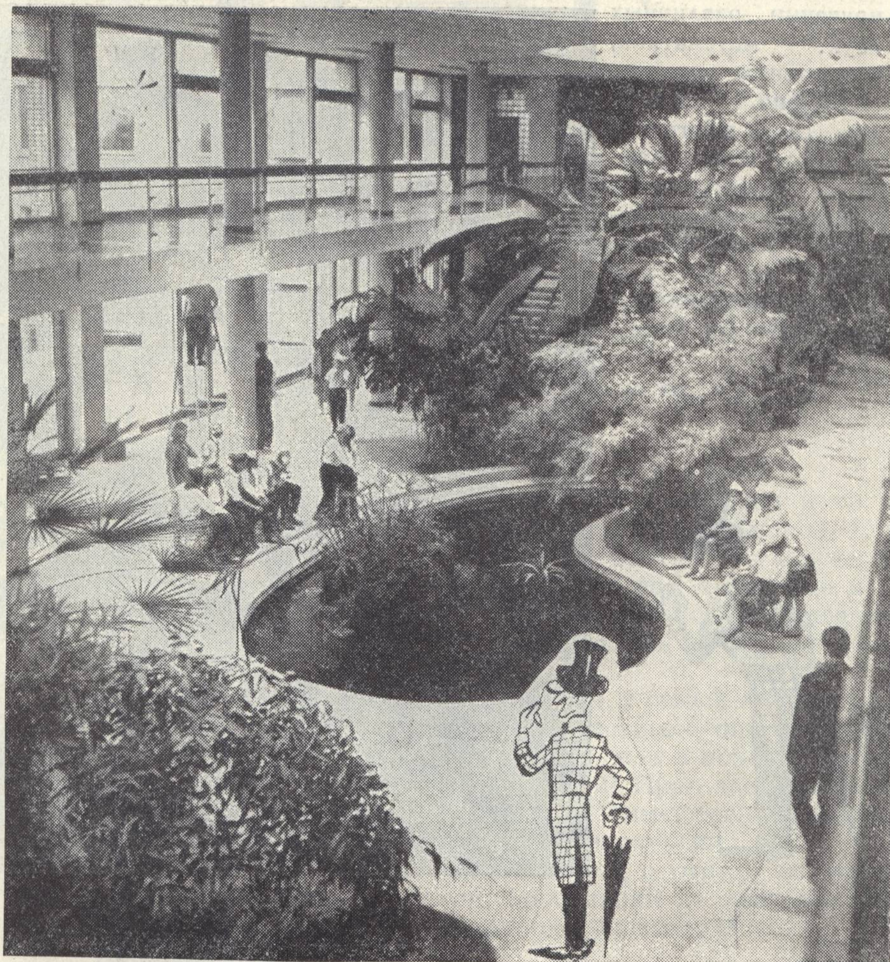
Он в декабре
Приходит к нам
И живет у нас
До весны.
Белые головы —
На лугах.
Хвосты —
На тропах лесных.

* * *

От белого снега
Белое небо.
И солнце в снеге,
Как в белом шелке.
Белые глыбы,
Белые глади...
Только костер
Глядит глазом
Желтым.

ЗИМНЯЯ СТРАНИЦА

Записки английского туриста

Англичанин Джон Вильсон побывал в Москве в начале октября. Наша столица очаровала его. Он просто влюбился в вид ее с высоты хорошо известных ему из русской истории Воробьевых гор.

Он охотно колесил по московским улицам на автомобиле и не менее охотно бродил по ним пешком, шутливо жалуясь лишь на то, что в Москве «часто приходится подниматься в гору». Он привык больше к лондонским идеально ровным стритам.

Он осмотрел древний Московский Кремль и взобрался даже на колокольню Ивана Великого, чтобы оттуда еще раз взглянуть на наше знаменитое московское семихолмие — те семь холмов, на которых издревле строилась наша столица.

Но, пожалуй, больше всего его заинтересовали в Москве дети.

Он наблюдал за ними из окон своего номера, приглядывался к ним на улицах. И однажды заметил, как колонны юных москвичей шагали куда-то прямо по середине улицы.

— Куда они идут? — спросил он.

— В свой дворец,— ответили ему.

И тут Джон Вильсон удивился. Оказывается, у ребят в Москве есть свой дворец! Естественно, он захотел посетить его немедленно. Сейчас же.

Этому посещению Джон Вильсон отводит в своих записках целых двенадцать страниц. Его поразил вид дворца — из тьмы октябрьских сумерек дворец встал перед ним, «весь залитый ярким электрическим светом», как сказочное видение.

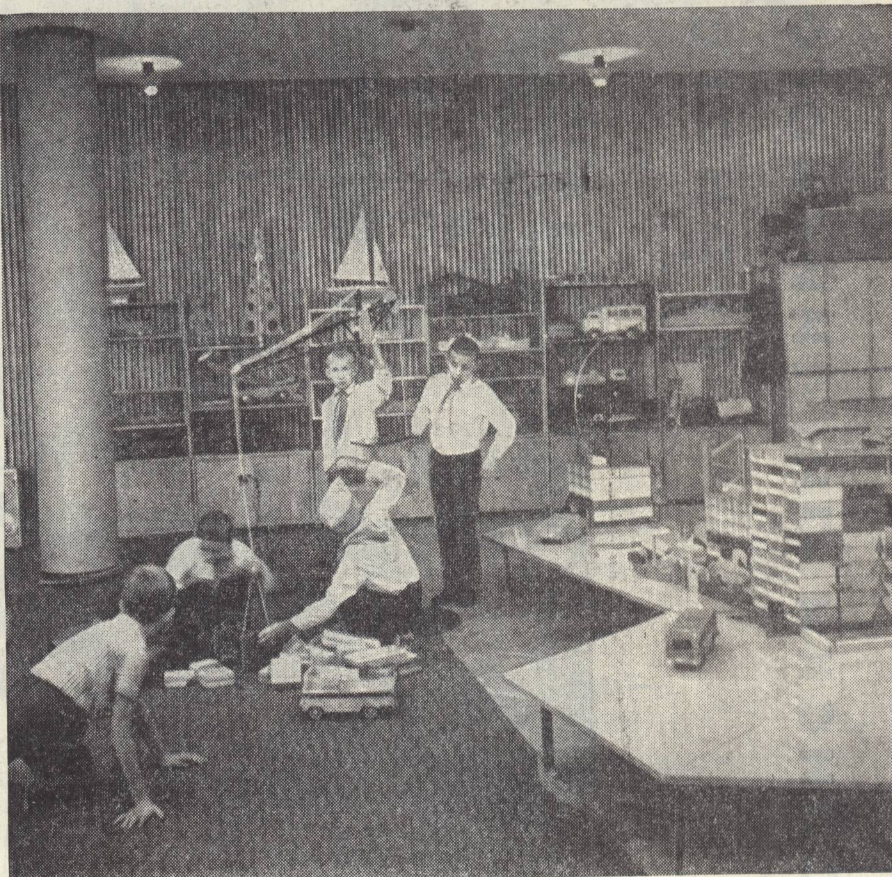
Англичанину показали один за другим все залы дворца. «Они были просторны и красиво отделаны», — заметил англичанин. В каждом из них ребята занимались интереснейшими делами.

В зале танцев около сорока мальчиков и девочек разучивали под руководством балетмейстера какой-то классический танец. Зал для игр был полон ребят. Англичанину понравилось, что многие игры представляли, по существу, еще и «великолепные пособия при

изучении различных наук: математики, грамматики, истории, географии, астрономии. Было много игр на сказочные сюжеты».

Вильсон обошел хорошо оборудованные мастерские, где при помощи мастеров трудились ребята. Побы-

вал в научных лабораториях, посетил огромный читальный зал и библиотеку, в которой была собрана в подлинниках и переводах детская литература всего мира.

И ребята во дворце Вильсону понравились. «Дети вели себя совершенно свободно,— записал он в своем дневнике.— Мне понравилась эта дисциплинированная свобода».

Он покинул дворец лишь поздно вечером, потрясенный увиденным...

Но, пожалуй, пришла пора открыть один секрет.

Англичанин Джон Вильсон никогда не был во дворце, который он описал в своих записках. И не приезжал он к нам в Москву. И даже самого этого англичанина Джона Вильсона не существует на свете. Записки английского туриста — выдумка.

Чья же это выдумка, и кому она была нужна?

Путевой дневник Джона Вильсона был опубликован более пятидесяти лет назад в дореволюционном журнале «Светоч». Под заголовком было поставлено слово «утопия».

Это означало, что все, что увидел англичанин у нас в Москве,— это прекрасная, несбыточная сказка. Дореволюционному автору очень хотелось бы, чтобы у ребят были свои дворцы, но он понимал, что это утопическая, неосуществимая мечта. Путешествие Джона Вильсона в Москву он поместил в 2012 год. Английский турист осматривал дворец, который, по разумению автора, мог быть построен в Москве никак не раньше двухтысячного года.

Мы теперь только улыбаемся, прочитав в старом, пожелтевшем от времени журнале записки Джона Вильсона. Прекрасные дворцы у нас в стране были отданы детям уже в первые годы после революции. Первый Дворец пионеров открылся в Харькове в 1925 году, то есть всего лишь тринадцать лет спустя после опубликования утопических записок.

А Московский Дворец пионеров ныне поражает иностранных туристов так же, как вымышленного Джона Вильсона поразил выдуманный детский дворец.

К. КОНОВАЛОВА

ТРУБИТЕ СБОР!

Марат Шафиков (г. Уфа, школа № 11) спрашивает:
«Смотр — это соревнование? Значит, главное стать первым?»
Смотр — это когда смотрят: кто лучше работает.
Кто смотрит? Мы сами. Все вместе.
Смотр — это соревнование: какой из отрядов лучше.
А какой лучше? Тот, кто больше всех сделал?
В одном отряде
и уголок интернациональной дружбы есть,
и кукольный театр,
и тимуровская команда.
Хороший вроде отряд. Может быть, он лучший?
Но посмотрели повнимательнее и увидели: одни и те же ребята — шесть человек: Таня Терещенко (председатель), Соня Якиманская (звеньевая), Лена Кононова (член совета дружины), Вера и Таня Петровы да Галя Самохина — вот они-то все и делали. А остальные? А мальчишки? Они только посмеивались: трудитесь, трудитесь, а мы поглядим. Авось и победителями станем!

Ну и ну! Вот вам и хороший, вот вам и самый лучший!

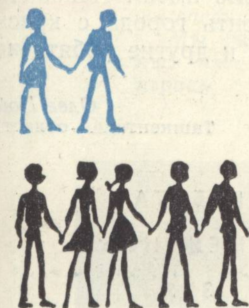
Или вот другой отряд. Что ни воскресенье — они все вместе на каток или на экскурсию, на сбор лома или в поход. Поглядите-ка! Может быть, это он самый лучший? Пригляделись повнимательнее — и что же? Если б не Ирина Тимофеевна (классный руководитель), не было бы ни катка, ни экскурсии.

Заболела как-то Ирина Тимофеевна, и в отряде тотчас нелады пошли, и споры, и распри. Мальчишки на девчонок обиделись, девчонки друг с другом вконец перессорились.

Хороший отряд?

Прослышали ребята из третьего отряда, что за победу в эстафете искусств будет премия — поездка в Москву, в Большой театр, и ночей не спят: пантомимой всех удивили, вечер фокусов устроили. А пенсионерка-учительница, которой ребята с три короба наобещали, так с той поры их больше и не видела, и друзей-октябрят забросили, и учиться даже стали похуже.

Уж не они ли победители в эстафете искусств?!

СМОТР — ЭТО СОРЕВНОВАНИЕ. В соревновании всегда есть первые. **Но в нашем пионерском соревновании-смотре первые** не те, кто только ради награды старается, **а те, кто**
дружно,
вместе,
самостоятельно
настоящие дела находит, по-боевому их делает — РАДИ ОБЩЕЙ ПОЛЬЗЫ.

ТРУБИТЕ СБОР!

ВЫРУЧИЛ МЕНЯ ВОВА

Дело было так. В одной из школ Ждановского района Ленинграда группу старших пионеров передавали в комсомол. Школа решила пригласить старых комсомольцев — теперь уже пожилых людей, чтобы они рассказали ребятам о комсомольцах их поколения. Пригласили и меня. Я обещала приехать.

Вижу и слышу я теперь плохо, и мы условились, что меня встретят. Но, наверное, мы плохо сговорились, где встретиться, и не нашли друг друга. И вот я стою на улице, беспомощно озираюсь по сторонам и понимаю, что я уже опаздываю. А адреса и номера школы, надеясь, что меня встретят, я не спросила. Что же мне делать?

И вдруг почти рядом со мной прошел мальчик, совсем небольшой. Он шел так близко, что я сумела разглядеть красную полоску галстука.

— Мальчик, — позвала я. Он подошел, и я рассказала ему о своей беде.

Мальчик меня внимательно выслушал и сказал:

— Здесь рядом пять школ, но я пойду поищу.

Мне показалось, что его долго не было, и я даже подумала, что он не придет. А он пришел. Он нашел школу, которая мне была нужна, и помог до нее добраться. Я успела прийти на собрание к комсомольцам и поговорить с ними.

Спасибо, Вова.

Б. Мебиль,
г. Ленинград.

Я ПОДРУЖИЛСЯ С ХИТРЫМ

Я очень люблю ездить на лошадях. Галопом или рысью, а иногда и потихоньку. Сначала я ездила на лошадях, которые бегают не быстро, а потом на быстрых.

Этим летом я подружилась с Хитрым, научила его ходить впереди всех лошадей. Хитрый очень умный и меня слушается.

Все говорят, что я хорошо умею ездить на лошадях.

Галя Шукина,
Архангельская область.

ЧТО ТАКОЕ НАСТОЯЩИЙ СБОР!

Раньше в отряде мы делали так: хотим играть в военную игру — сбор, идем в поход — сбор, браним лентяев и нерях — опять сбор.

Когда в конце месяца сосчитали, сколько у нас было сборов, оказалось пятнадцать. Даже рассмеялись: выходит, мы только и делаем, что заседаем.

Теперь мы собираем сбор только тогда, когда нам нужно поговорить об очень важных вопросах. И еще вот что. Раньше решим мы поиграть — заставляем остаться весь отряд. Теперь у нас только в сборах должны участвовать все. А когда играем или в поход идем, собирается, кто хочет. А как у вас проходят сборы?

Инара Гулбе,
Кримулдская восьмилетняя школа,
Латвийская ССР.

О МОЕЙ МЕЧТЕ

Дорогая редакция, очень прошу поместить мое письмо в журнал.

Я живу в колхозе «Свердлов», учусь в школе имени Поповича. Моя мечта — стать архитектором. Я хочу строить города с красивыми кинотеатрами, парками и школами. Пусть и другие ребята напишут о своей мечте.

Олег Цой,
Ташкентская область.

Летом и зимой

Я живу на Севере. Лето у нас коротенькое. Зато летом и днем и ночью светло. Если на часы не посмотришь, то и не будешь знать, день или ночь сейчас на материке.

Зимой у нас очень много снега. Сугробы громадные кругом. Мы в них лазы делаем и играем. А то с крыши в сугробы прыгаем. Как в перину, еще мягче даже. Еще мы на лыжах, на санках катаемся.

Галя Войчейская,
поселок Нижние Кресты,
Якутская АССР.

РЕБЯТА СМЕЯЛИСЬ ЗРЯ

Я занимаюсь в кружке вышивания. Ребята из нашего отряда смеялись сначала надо мной, но я не обращал внимания, и они перестали.

Раньше я немножко умел вышивать: нарисую домик или самолет и вышиваю, а теперь я крестом умею и гладью — любой девчонке нос утру.

У меня есть соседка Валя, она в этом году в школу пошла. Я ее тоже научу вышивать и ее подружек буду учить.

Володя Пиварь,
Диксон.

Наша газета

Наша команда «Пионерского фонарика» выпускает газету.

Если кто-то в дружине за чужую спину прячется, если кто-то друга подвел, от общего дела отлынивает, тому в нашей газете ох как не поздоровится, а тем, кто за пионерское дело болеет,— тому похвала.

Наша газета помогает и нам и всем ребятам.

Т. Куките, А. Пейманис, Э. Эйсак.
Лапмежциемская восьмилетняя школа,
Латвийская ССР.

НАЙДА

Мы с мамой возвращались домой. Накануне утром выпал снег, и все кругом блестело. Я подошел к забору и посмотрел в щелку. Возле горки снега, съежившись, сидел щенок. Он лаял на двух больших собак. Они зло рычали и надвигались на щенка. Я перепрыгнул через забор, взял щенка и полез обратно. Мы с мамой понесли щенка домой. Дома я положил его на пол. Щенок побежал к печке. Он бежал странно, по-утиному. Он был весь серый, с белым пятном на спине, а морда у него была веселая...

На другое утро Найда вышла во двор и стала осматриваться. У нас во дворе живут две семьи. Тетя Варя не любит ни собак, ни кошек, а тетя Вера любит. Когда я вывел Найду во двор, тетя Вера обрадовалась и начала хвалить Найду:

— Какая красивая! Какая веселая!

А тетя Варя наоборот:

– Уф-ф-ф! Сейчас будет гадить везде! И откуда ты ее принес?!

Я побежал в сарай, нашел там две доски и начал делать конуру.

Вдруг рядом послышалось мурлыканье. Это кошка, Барбосик, из соседнего двора пришла гоняться за курами тети Вари. Найда зарычала и бросилась на Барбосика. Барбосик поджал хвост и убежал со двора.

— Вот, тетя Варя,—сказал я,—Найда всегда будет прогонять Барбосика.

Руслан Сагабалян,
г. Ереван.

ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!

В прошлом году в сентябрском номере журнала «Пионер» была напечатана пьеса Любимовой «Одолень-трава». Она нам понравилась, и мы ее поставили. Посылаем вам снимок одной сцены.

Нашему драмкружку пять лет. Есть у нас свои «ветераны», которые играют со дня его основания,— это ребята из 10-х и 11-х классов. Есть и младшая группа — третьеклассники и первоклассники. Они пробуют инсценировать стихи и сказки.

Мы сыграли много спектаклей, новогодних сказок, одноактных пьес. Пьесы Валентины Александровны Любимовой мы играем с удовольствием, а зрители с радостью их смотрят.

г. Чирчик,
Узбекская ССР.

На улице мороз, но все же интересно сходить на Кузнечиху половить рыбу. Может, кто-нибудь и клюнет: окунь, или ерш, или подъязки. Бывает, сижу, сижу — не клюет, а другие вытаскивают из лунок рыбу. Обидно. И домой идешь пустой, а все тебя по пути спрашивают:

— Много поймал?

Я им в шутку:

— На уху хватит.

Прихожу домой и говорю:

— Давайте уху варить! — и вынимаю три маленьких ершика.

А мама говорит:

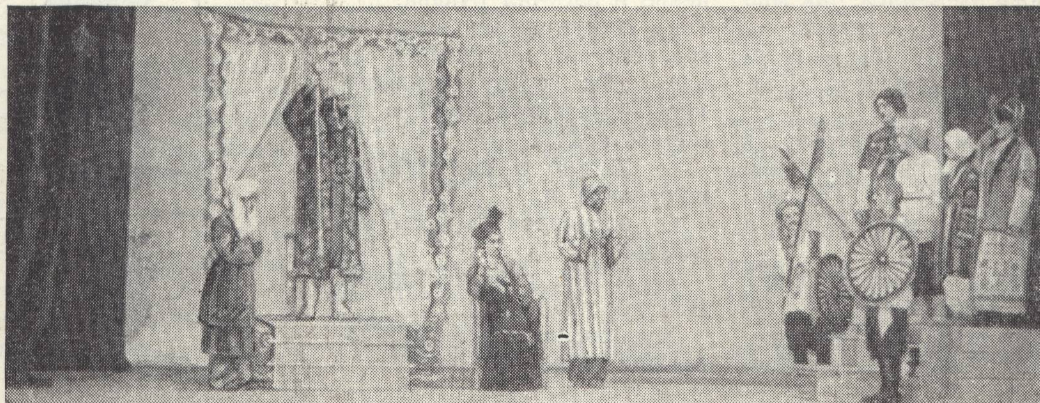
— Ты кошку покорми, а в следующий раз наловишь больше.

Саша Плаксин,
г. Архангельск,
Соломбала.

Подсчитали мы, сколько писем получил «Пионер» в этом году. Оказалось, очень, очень много. Только для журнала. Всегда кажется, что писем еще мало. Потому что «Пионер» хочет знать обо всех ребятах.

Как вы дружите? Во что играете? Чем в отряде заняты? Какие приключения случались?

Пусть каждый напишет о том, что больше всего на свете интересует его.

Семен ЛАСКИН
Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Непредвиденные обстоятельства

Мы встретились с Севкой без пятнадцати девять. Школа рядом, метров триста отсюда, но именно эти триста метров приятно пройти вдвоем: к утру набирается много новостей.

— Вот чудеса! — сказал я. — Уже второй день приходим на пятнадцать минут раньше. Если рассказать, никто не поверит.

— Надо бы всегда так, — сказал Севка солидно.

— Конечно, — согласился я. — Открыл глаза — и вскакивай с кровати.

Дело в том, что позавчера мы опоздали на урок физики. А физик у нас директор. Пришлось пообещать, что в последний раз.

— Жаль, что сегодня первый урок черчение, а не физика, — сказал Севка. — Как раз Евгений Алексеевич любит в класс пораньше прийти. Заходит... а мы за партой!

Я даже засмеялся: так мне понравилась эта картина.

— Неплохо бы, — говорю. — Мы и директор. Первые ученики.

И так нам стало весело от этого, что я Севку по спине портфелем саданул. Он развеселился — и меня. Тогда я говорю:

— Давай наперегонки? До того «Москвича»...

Мне-то ясно: толстый и неуклюжий Севка даже с первоклашками наперегонки не побежит.

Я бросился вперед и остановился около «Москвича». Было слышно, как сзади отдувается Севка.

Около машины стоял владелец — человек пожилой, лет тридцати. На нем был черный костюм, черный галстук и очки. Одним словом, академик или аспирант какой-то. Он сразу заинтересовался нами.

— Тэ-эк... — сказал академик и подмигнул. — Значит, тэ-эк, мальчики... Загвоздочка вышла.

Он сел за руль и дал газ. Машина фыркнула, но не пошла.

— Что-то нужно искать, ребята, — сказал он.

— А вы внимательнее посмотрите, — посоветовал Севка.

Академик снял пиджак, аккуратно положил на сиденье и засучил рукава.

— Аккумулятор, мотор, — говорил он, поглядывая на нас. Мы сразу соглашались. — Пожалуй... нужно поменять воду.

— Можно и поменять, — поддержал я.

Он посмотрел на нас с надеждой.

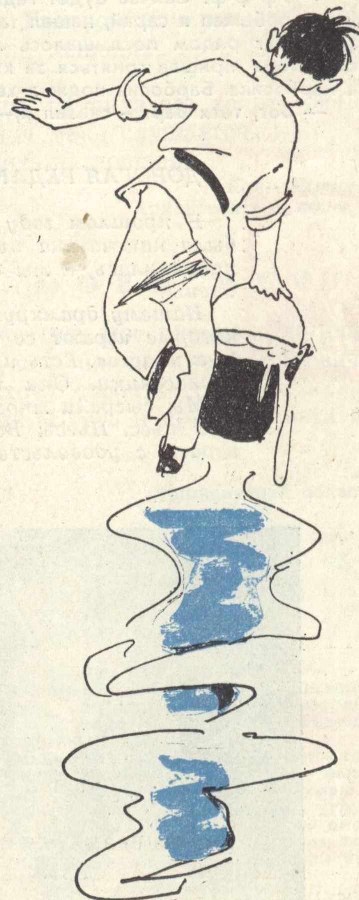
— А ну, ребятки, живо! Вон там прачечная.

Мы бросили портфели и побежали за водой.

На прачечной висел замок: утром никто не стирал.

— Нужно найти дворника, — сказал я. — Ты беги направо, а я — налево. Объяснишь: нам машину не завести.

Я пробежал три лестницы: всего восемнадцать этажей.

Дворника не было. Тогда я бросился назад и сразу увидел Севку. Он сиял, как медная кастрюля. В одной руке у него было ведро, а в другой — метла. Дворник стоял рядом.

— Прачечная за углом, — сказал дворник.

Он шел медленно, но торопить его было неудобно: человек и так делал нам любезность.

— Стой! — неожиданно крикнул дворник. — Ключи-то дома!

— Мы сбегаем.

— Тогда быстро! — скомандовал дворник. — Квартира первая. Там глухая старушка, так ты дольше звони.

Я не стал ждать Севку и побежал: одному быстрее. Звонил я минут пять. Наконец, послышались шаги.

— Кто?

— Я, — сказал я. — То есть не я, а дворник послал за ключами.

— За какими чашками? — сказала старушка.

— За ключами! — крикнул я что есть силы.

— А? — переспросила старушка. — Говорите громче.

— Куда же громче, — сказал я. — Откройте, пожалуйста. Мне нужны ключи от прачечной.

Старушка молчала.

— Прачечная не здесь, — наконец сказала она. — Это отдельная квартира. Прачечная во дворе направо.

— Сам знаю, что не здесь, — разозлился я.

— А сам знаешь, — обиделась старушка, — так чего ломишься?

Было слышно, как затихают ее шаги. Я не знал, что делать, и побежал назад.

— Достал? — издалека закричал Севка. Ему надоело ждать.

— Не открывает, — сказал я.

— Так и думал, — вздохнул дворник. — Придется пойти самому. Вы, ребята, немного дорожку подметите. Вон вторая метла.

— Хорошо, — согласился я. — Лучше уж подметать, чем стоять без дела. Севка, берись за метлу!

И мы взялись за работу.

Уже минут через десять мне руки было не поднять. Я чувствовал, что Севка так и ждет, когда можно метлу бросить. Тогда я стал еще сильнее мести. Махну метлой, а сам прибавлю:

— Раззудись плечо! Размахнись рука!

Наконец появился дворник.

— Вот водичка, — сказал он. — Приходите помогать.

— С удовольствием, — сказал я из вежливости, а Севка схватил ведро и сразу так окатился, что его штаны стали напоминать две резиновые трубки.

Пришлось нести вдвоем.

Академик все еще думал.

— Принесли? — сказал он. — Это хорошо... Хотя, возможно, она и не нужна... Да-с, мальчики. Загвоздочка, наверное, не здесь...

— А где?

— Будем делать так! — скомандовал академик. — Я стою здесь и разбираюсь в моторе. Вы сидите там, — он показал широким жестом на кабину, — и читаете мне эту книжку. Она совсем маленькая, страниц сорок, называется «Ин-струк-ция». — Потом улыбнулся мне. — Читать будешь ты. У тебя более выразительное лицо.

Я просиял, а Севка обиделся.

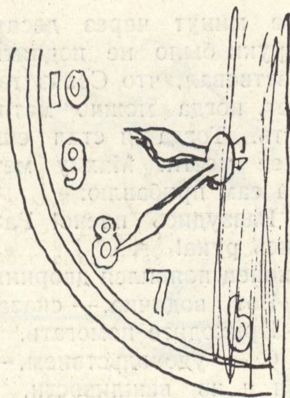
Я взял книгу, устроился на сиденье поглубже. И вдруг что-то металлическое упирается мне в спину.

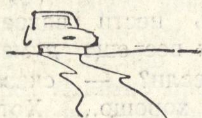
— Минуточку, — извиняюсь я и вытаскиваю небольшой цилиндрик.

Академик смотрит с недовольством — что это я важное время на пустяки трачу? — и вдруг всплескивает руками.

— Свеча? — спрашивает он у меня. — Это же свеча! — кричит он и хохочет. — Я ее сам вчера вечером вывинтил!

Академик даже приосанился: вот что значит удача.

— Ключ! — приказывает он.

— Ветошь! — улыбается он.

— По местам! — командует он.

Мы хватаем портфели и садимся в машину.

— Куда вас? — почтительно спрашивает академик.

— Через дорогу.

Академик жмет нам руки.

— Здорово мы... — говорю я и хлопаю дверцей.

Севка молчит. Стоит рядом и куда-то вверх смотрит.

Я тоже смотрю туда. Вижу часы.

...Был ли я тогда без сознания, сказать трудно, но то, что пришли мы к уроку физики, а физик у нас директор школы, — это я сообразил быстро.

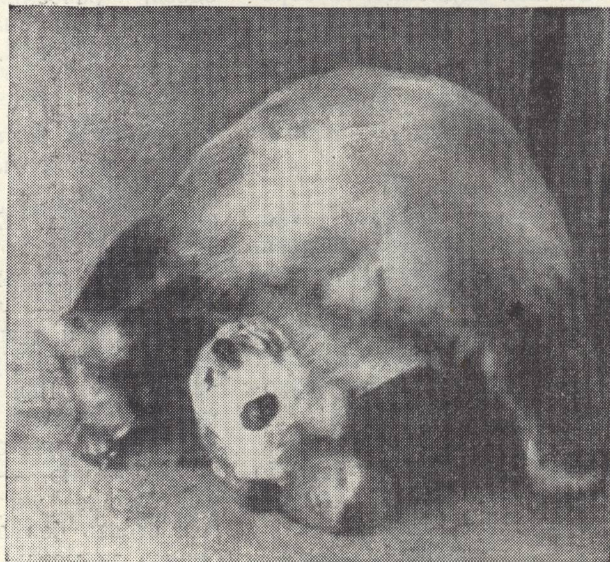
Зоопарк

Тяни-Толкая

— Сегодня у нас, как в цирке. Самый веселый зверь зоопарка в хорошем настроении и развлекает нас своими забавными номерами. Посмотрите: у него и наряд пестрый, как у клоуна! Это бамбуковый медведь, или большая панда.

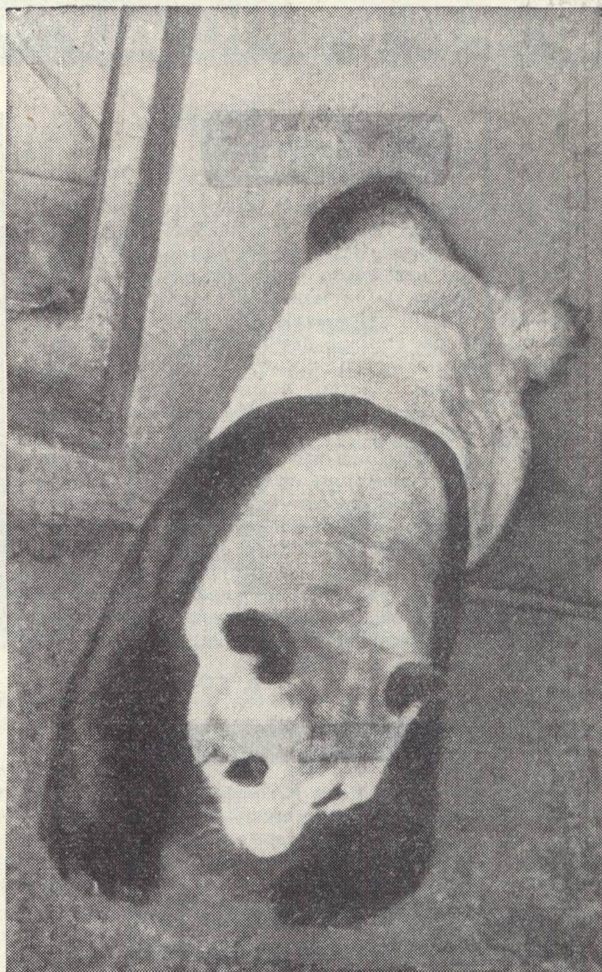
Пока этого удивительного зверя не увидишь своими глазами, не можешь поверить, что медведь — тяжелое, неповоротливое существо — способен на такую акробатику. Легко ли поднять кверху полтора центнера своего веса!

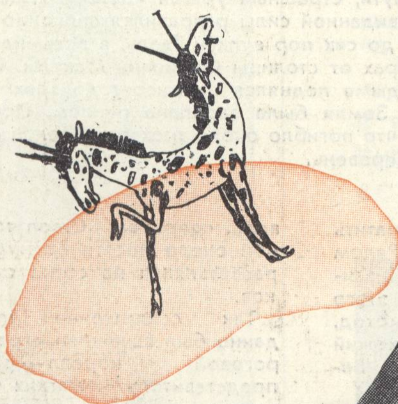
ДЕЛАЕМ КУВЫРОК...

ПРИГОТОВИЛИСЬ...

ДЕЛАЕМ СТОЙКУ...

УФ!..

Помощники-невидимки

Незримыми, но могучими помощниками человека становятся сейчас космические лучи. Эти лучи-невидимки в любое время дня и ночи обрушиваются на нас нескончаемыми потоками. Вот и сейчас, когда ты читаешь эти строки, они пронизывают тебя и устремляются в землю. Для некоторых из них вообще нет никаких преград: частица нейтрино легко проходит сквозь земной шар. Но таких частиц немного. Большинство из них, встречая препятствие, быстро выбивается из сил и «затухает».

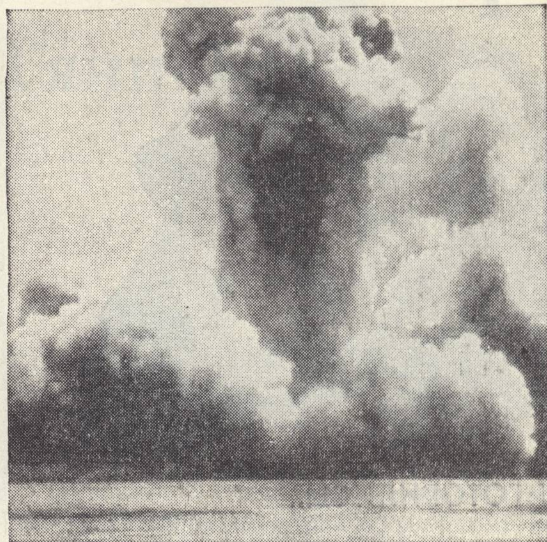
Ученые решили, что это свойство космических лучей поможет измерять толщину тех препятствий, которые задерживают бег частиц. Таким образом строители метро могут заранее узнать, каким будет давление сверху на будущий туннель. Геологам лучи помогут определять контуры и плотность залежей полезных ископаемых. А недавно этим же способом ученые «взвесили» гостиницу «Москва»! Оказалось, вес ее равен сорока восьми тысячам тонн.

В. СОЛДАТЕНКОВ

В поисках оазиса

В засушливых районах Южной Америки встречается удивительное растение — селагинела. Когда в почве иссякает влага, растение вместе с корнем свертывается в маленький упругий шарик, и ветер мчит его по пустыне. Там, где достаточно влаги, растение вновь развертывается, и корешок уходит в землю.

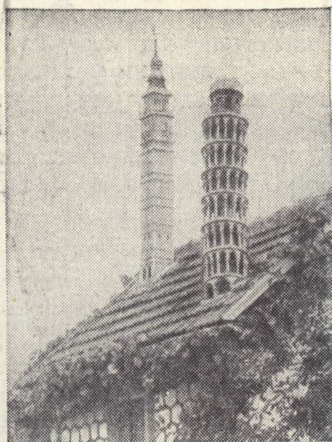
С. ФРОЛОВ

Тааль проснулся

В нынешнем году много стихийных бедствий обрушилось на нашу землю. Пронесся, сокрушая все на пути, страшный ураган «Бетси». Извержением невиданной силы разразился спокойно дремавший до сих пор вулкан Тааль, в восьмидесяти километрах от столицы Филиппин Манилы. Столб огня и дыма поднялся на высоту до трех километров. Земля была засыпана пеплом. Предполагают, что погибло около трехсот жителей окрестных деревень.

Музей на крыше

Посмотрите на снимок. Как видите, настоящий мастер своего дела может и обыкновенную печную трубу превратить в «музейный экспонат». Рядом с моделью падающей Пизанской башни на крыше этого дома возник новый дымоход, как две капли воды похожий на лондонского Большого Бена.

Эти диковины сделал французский каменщик из пригорода Парижа Гуссенвиля.

Подводные леса

Научно - экспедиционное судно пересекало Охотское море. Время от времени за борт опускали трал, и он приносил ученым богатый улов: диковинных рыб, трепангов, морских лилий, раковины, морскую траву и водоросли. Однажды трал ушел особенно глубоко, почти на четыреста метров. На этот раз он принес большое ярко-розовое... «дерево». Ствол толщиной около десяти сантиметров разветвлялся на сотни отростков.

Так совершенно неожиданно был выловлен огромный роговой коралл — редкий представитель мягких кораллов дальневосточных морей.

Ученые предполагают, что в глубинах Охотского моря раскинулись огромные коралловые леса.

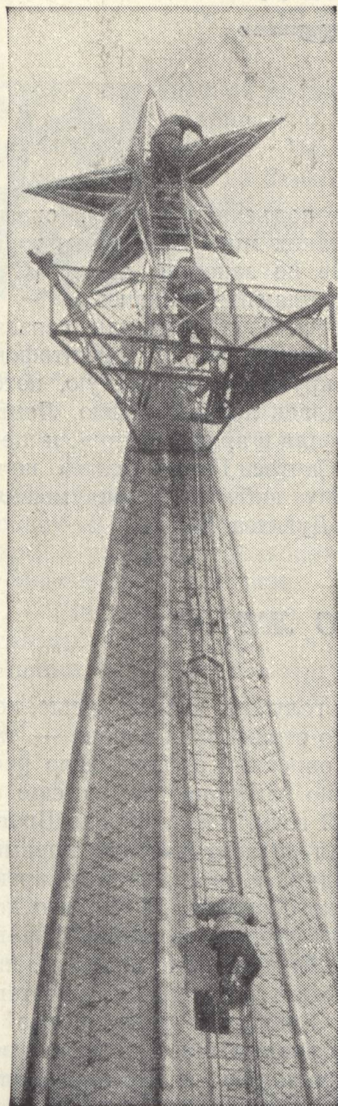
Ю. КОТЛЯР

25 и 50000

Чтобы нам с тобой выучиться английскому или немецкому языку, надо прежде всего знать алфавит. В латинском алфавите 25 букв. А вот китайскому или японскому школьнику только для того,

чтобы научиться грамоте, нужно знать по крайней мере 1500 иероглифов. И вдвое больше нужно знать, чтобы прочесть газету. Книга потребует еще больше — 6 000 знаков. Всего этих знаков приблизительно 50 000.

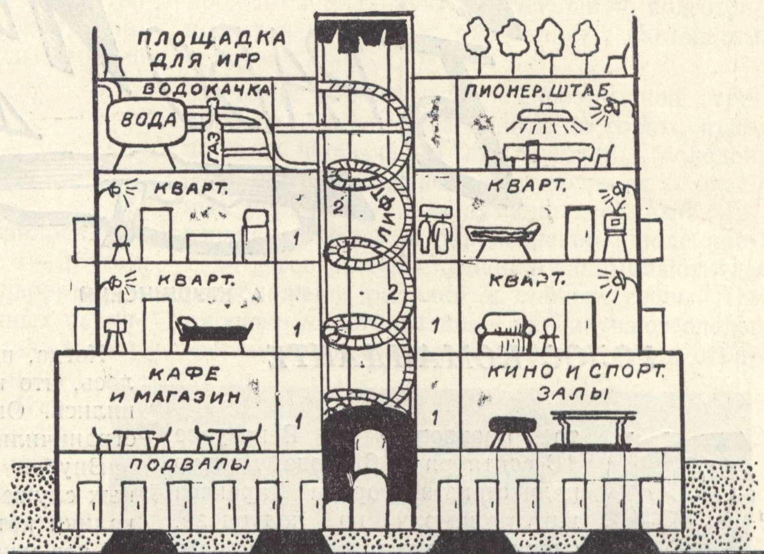
К. АУЭРБАХ

„Туалет" звезды

Вот так, время от времени, поднимаются к звездам люди, заботливо осматривают и чистят их. Следить за «туалетом» кремлевских звезд поручено бригаде замечательных мастеров-верхолазов.

МЫ СТРОИМ ДОМ

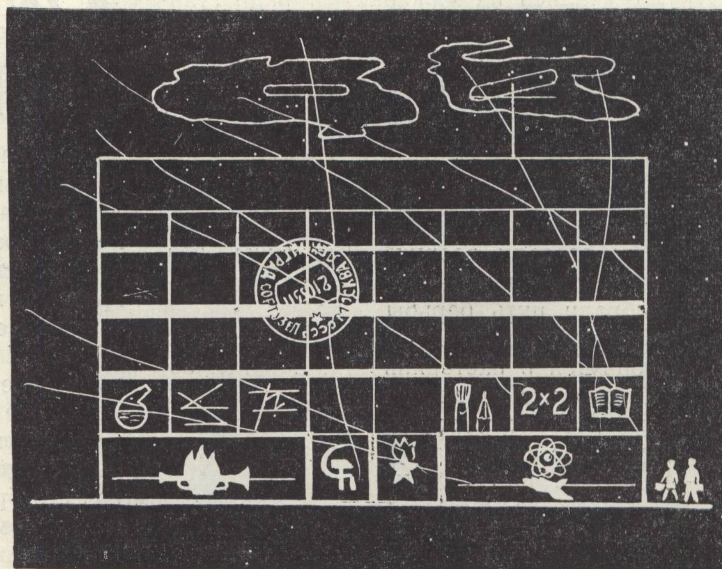
На нашей цветной вклейке мы познакомили тебя с четырьмя проектами домов, которые прислали нам ребята. А вот еще два.

Наверху — проект жилого дома, предложенный Юрой Пономаревым из г. Каменск-Уральского. Смотри, какой интересный!

Внизу — проект школы, в которой хотел бы учиться Миша Поздняев. Не удивляйтесь: почтовый штемпель появился на рисунке потому, что Миша прислал самодельную открытку по почте.

Больше сотни проектов получили мы от ребят. А к концу декабря их будет, конечно, еще больше.

В ЯНВАРЕ НОВОГО, 1966 ГОДА В МОСКОВСКОМ ДВОРЦЕ ПИОНЕРОВ НА ЛЕНИНСКИХ ГОРАХ ОТКРОЕТСЯ ВЫСТАВКА ВСЕХ ПРОЕКТОВ, ПРИСЛАННЫХ НАШИМИ ЧИТАТЕЛЯМИ.

ДУГЛАС БРАВО И ЕГО БОЕВЫЕ ДРУЗЬЯ

А. КРУШИНСКИЙ

ГОЛОС КОМАНДАНТЕ

Это произошло в Венесуэле 10 сентября 1963 года. Диктор радиостанции города Каракаса вдруг замолк на полуслове, словно поперхнулся. В приемниках некоторое время слышался непонятный шум. Потом наступила тишина. Потом снова зазвучал голос. Но это не был ровный баритон диктора. Голос был взволнованным, то и дело прерывался.

— Мы выражаем волю угнетенного народа! — раздавалось из репродукторов. — Казнями и пытками волю народа не сломить!..

— Да это Дуглас Браво! Команданте[1] Дуглас Браво говорит по радио! — догадались на улице слушатели.

Пронзительно завыли сирены, полицейские патрули мчались на «джипах» к радиостанции. А над городом звучали гневные слова:

— Почему наш народ в нищете? Почему наши дети умирают от голода? Почему на богатой венесуэльской земле хозяйничают американцы, грабят нашу нефть, железо и золото? Почему страной правят предатели, а патриотов пытают и расстреливают в тюрьмах?

— Мы создали вооруженные силы, чтобы защищать родину, — продолжал голос. — Мы выбрали путь борьбы!..

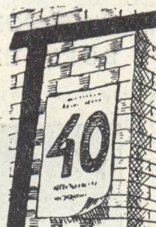
Вокруг радиостанции собрались полицейские, топчутся в растерянности, а войти боятся, потому что на дверях надпись: «Заминировано». Стоят и слушают, как изо всех репродукторов гремит партизанская клятва:

— Свобода или смерть!

Когда, наконец, подъехали саперы, оказалось, что нет никаких мин. Партизаны торопились. Они даже не заперли дверь. Они ограничились устрашающей надписью.

Внутри полицейские обнаружили связанных служащих радиостанции и магнитофон, валики которого крутились вхолостую, потому что уже кончилась лента с речью. Ленту и магнитофон отвезли в архив «улик», и шеф тайной полиции Сантос Гомес целую ночь метался по своему кабинету, придумывая, как же изловить Дугласа Браво.

КТО ЖЕ ОН?

Глаза голубые, волосы русые, коротко стриженная борода — такое описание примет было расклеено на стенах домов еще в 1962 году, когда Дуглас Браво бежал из политической тюрьмы и поднял в горах знамя партизанского отряда. Тому, кто доставит смельчака, полиция предлагала награду. Живым или мертвым, не важно, лишь бы было доказано, что доставленный — Дуглас Браво. Позднее не раз и не два правительственные газеты оповещали, что «опасный мятежник» убит. Но проходило время, и на стенах появлялись новые листки с теми же приметами, но с более высокой наградой. Сейчас сумма полицейской «премии» уже достигла сорока тысяч боливаров.

Кто же он, этот неуловимый партизанский команданте? Лет десять назад Дуглас Браво был студентом, но доучиться не смог: пять раз его бросали в тюрьму. Потом работал на цементном заводе. Его снова арестовали. Когда он бежал, рота солдат сровняла с зем-

[1] Команданте — майор, высшее воинское звание в партизанском отряде.

лей домик его матери в городке Кобуре. Ему тридцать три года, и он уже пять лет член Центрального Комитета Коммунистической партии Венесуэлы. У его бойцов разные биографии, в отряде есть рабочие, солдаты, крестьяне, студенты. Но все они, как один, пламенные патриоты, сильные и смелые люди.

В ГОРАХ

едавно мне посчастливилось разговаривать с Альберто — другом Дугласа Браво. Альберто — один из самых отважных партизанских командиров, и за голову его полиция тоже назначила большую награду. К сожалению, Альберто не мог рассказать многих интересных подробностей из жизни отряда, не мог назвать даже своего настоящего имени: ведь партизанам приходится соблюдать строгую конспирацию.

— Полицейский шеф Сантос Гомес сейчас ищет меня в горах. Только понапрасну он расходует американские доллары, — улыбнулся Альберто.

Мы говорили о Москве.

— Непривычно ходить по улицам без оглядки, не опасаясь агентов тайной полиции, — сказал Альберто. — Непривычно даже жить под крышей, в комнате, где есть стул, кровать, электричество...

Последние два года он жил в горах. Там партизан окружают ущелья, бездонные пропасти, непроходимые джунгли. Ночевка в пещере считается комфортом, потому что очень часто надо круглые сутки оставаться под открытым небом, даже если хлещет тропический ливень.

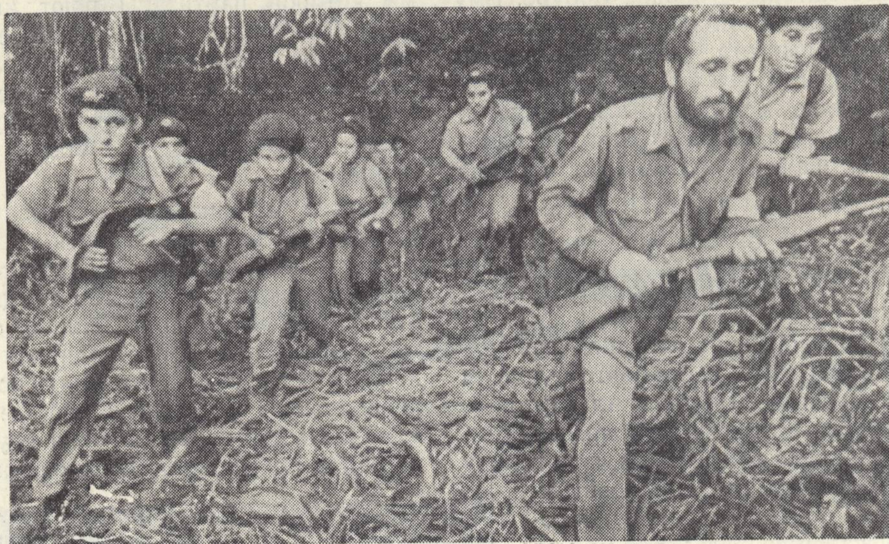
Партизаны кочуют, переходят с места на место, чтобы не попасть в окружение. Им почти всегда удается перехитрить врага. Свои разведчики и крестьяне, которые приносят в отряд продовольствие, немедленно сообщают о приближении карателей. Часто бывает, что жители какой-нибудь деревни после схватки с полицией являются в отряд с трофейным оружием. Их зачисляют в партизаны.

Прием новичков — радостное событие в отряде. Это особая церемония, во время которой партизаны поют национальный гимн Венесуэлы, революционные песни и читают стихи. Но это — только начало. Новичок, будь он даже военным по профессии, должен пройти специальную партизанскую подготовку, только тогда он станет настоящим бойцом.

Учение начинается с физической тренировки. Ведь чтобы ходить по горам, нужно быть необычайно выносливым. Молодой боец выполняет множество трудных и опасных упражнений, придуманных самими партизанами. Затем в партизанской школе проходят «географию»: ученики запоминают, где расположены родники и тайные тропы. На «уроках естествознания» они изучают следы зверей и крики птиц. Бывают в жизни отря-

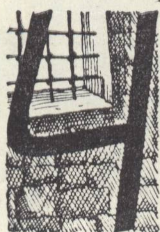
Привал закончен. Бойцы собирают походные мешки. Слева стоит командир — неутомимый Дуглас Браво.

Отряд Дугласа Браво выходит на боевую операцию.

да такие случаи, когда тысячи солдат правительственной армии прочесывают горы. И тогда нельзя разжигать костров, нельзя стрелять, нельзя разговаривать даже шепотом. Поэтому в программе школы бойцов есть система тренировок против истощения от голода...

ПАРТИЗАНСКИЕ ОПЕРАЦИИ

асто партизаны спускаются с гор и проводят смелые операции. О них Альберто мне много рассказывал.

...Однажды несколько партизан тайно поднялись на борт торгового судна «Алсоатеги». Когда оно вышло в открытое море, партизаны установили на нем власть Фронта национального освобождения. Семь дней за революционным кораблем охотились крейсеры, подводные лодки, военные самолеты Венесуэлы и Соединенных Штатов. Семь дней корабельная радиостанция призывала венесуэльский народ к борьбе с угнетателями. Семь дней весь мир с волнением следил за героическим рейсом. А когда американские самолеты выследили «Алсоатеги» и стали сбрасывать торпеды, партизаны не пали духом. Они ответили стрельбой из автоматов. Они заявили, что погибнут, но не сдадутся. На седьмой день им удалось пристать к бразильскому берегу и покинуть корабль...

А вот еще одна операция.

Проверяя вечером камеру «государственного преступника» Теодоро Петкова, тюремщики убедились, что «все в порядке»: истерзанный пытками молодой коммунист казался едва живым, он лежал на койке, беспомощно запрокинув голову. Войдя в камеру через три часа, полицейские обнаружили, что она пуста. Железная решетка распилена. К кровати привязана и переброшена в окно бесконечно длинная нейлоновая леска. Обыскивая тюремный госпиталь сверху донизу — вплоть до мусорных ящиков и водопроводных цистерн, — полицейские вспомнили, что полтора часа назад вся охрана была вовлечена в перестрелку возле соседнего здания. Тогда им показалась странной «нелепая диверсия» партизан. Да еще вспомнили они шум «по ошибке» появившегося здесь автомобиля.

Вот и все обстоятельства организованного партизанами побега из тщательно охраняемой камеры тюремного госпиталя на седьмом этаже.

В разных районах Венесуэлы действуют партизанские отряды, такие же сильные и отважные, как отряд Дугласа Браво.

— Венесуэла — это страна партизан, — сказал мне, прощаясь, Альберто. — Народ всегда с нами. И мы победим!

ВЕСТИ ОТ ДРУЗЕЙ. ВЕСТИ ОТ ДРУЗЕЙ

НАГРАДА... ЗА ДВОЙКИ И ЕДИНИЦЫ

Есть у юных тельмановцев Германской Демократической Республики высшая награда — значок «Голубой спутник». Получить его не просто. Во-первых, надо записаться в технический кружок самому и заставить сделать то же самое всех своих одноклассников. Во-вторых, надо ходить в походы, научиться быстро разжигать костер и ставить палатку. В-третьих, придумать для своего отряда интересные дела, подружиться с малышами.

Кавалеры этого значка — люди энергичные. Они и концерт мигом организуют, и не спасуют на математическом турнире, и сумеют постоять за честь своего отряда на футбольном поле или беговой дорожке.

Ребята что надо! И к тому же хорошие ученики. Пусть не всегда круглые отличники, но зато уже непременно... твердые двоечники! В школах ГДР существует такая же, как и у нас, пятибалльная система, но вот счет оценкам ведется наоборот, начиная с единицы.

Приходит домой какой-нибудь мальчишка и, размахивая портфелем, торжественно извещает своих родителей:

— А я сегодня две единицы и одну двойку получил!

Оля Долматова учится в 15-й московской школе-интернате. Ребята из отряда имени Эрнста Тельмана дружат с пионерами ГДР. Они завоевали право стать кавалерами значка «Голубой спутник».

Друзья бедняков

Кубио Косто, крестьянин из небольшой деревушки на острове Кипр, строил дом. Строил с утра и до ночи, но работа подвигалась медленно.

Однажды возле Кубио остановились четверо незнакомых мальчишек.

— Мы тебе поможем.

— Тоже помощники!

Но мальчишки оказались неплохими строителями.

Кубио забеспокоился.

«Помощь—хорошо,— думал он,—но чем я заплачу?»

— Ты не беспокойся,— усмехнулись ребята.— Мы не возьмем с тебя денег.

Через неделю вырос новый дом. На новоселье пришли односельчане.

Но ребята не смогли прийти. В другом селе тоже строился дом. Надвигалась зима, и надо торопиться...

Кто они, эти мальчишки?

Они пионеры Кипра, этого маленького, многострадального острова. Они не могут назвать себя, потому что пионерская организация запрещена и преследуется. Но кто запретит им бороться за светлое будущее и спешить на помощь к тем, кому трудно?..

На груди малийских пионеров галстуки цвета знамени республики — золотистые, зеленые, красные.
Девиз пионеров Мали — «Действовать!». Действовать, помогая взрослым строить социализм.

РИСУНКИ НА ПЛОЩАДИ

Два раза в год, весной и осенью, в столице Югославии Белграде устраиваются состязания художников. Участвовать в них может любой школьник города. И для этого ему не надо запасаться холстом и красками. Требуется лишь набор разноцветных мелков. Юным живописцам и графикам не выделяют залы картинных галерей, им просто отдают самую большую площадь города. Рисуйте.

Прекращается движение транспорта. Площадь расцветает сотнями самых удивительных картин.

Строгое авторитетное жюри рассматривает все работы. Рисунки победителей фотографируются, а самих лауреатов торжественно награждают и чествуют тут же.

Потом площадь снова начинает свою будничную, деловую жизнь. Но долго еще под колесами машин и под ногами пешехода разрезают небо космические корабли, скачут на конях лихие воины, цветут необыкновенные цветы.

Может быть, кто-то из этих мальчишек станет чемпионом Венгрии или даже призером Олимпийских игр.

Традиции «Лесного народа»

Все было, как на самом настоящем аукционе. Председательствующий стучал молотком и громко объявлял:

— Продается набор самых сладких, самых питательных, самых свежих конфет: две ириски и два леденца.

Закипал долгий и бурный торг. С каждым ударом молотка росли цены, накалялись страсти.

— Раз,— стучал молотком председатель.— Брайтен Стенли — одна песня, три анекдота. Два... Кто больше?

На этом аукционе не нужны были ни пенсы, ни шиллинги, ни даже фунты. Предметы распродажи — конфеты, печенье и прочие сладости — шли с молотка за песни, веселые рассказы и анекдоты, за танцы и новые игры. В конце торгов, когда все было съедено, покупатели, рассчитываясь, выступили с таким концертом, что он затянулся почти до ночи.

Такие «сладкие» и веселые аукционы любят проводить английские ребята из организации «Лесной народ». Не думайте, что они все время живут в лесу. Нет, «Лесной народ» — дети рабочих, жители больших городов. Но они очень любят природу и часто уходят в походы в леса, к полям и рекам. Там разбивают свои палатки, слушают пение птиц и говор ручьев и рек, разучивают игры, устраивают веселые празднества. Они учатся в разных школах, живут на разных улицах, но как только выпадают свободные часы, непременно собираются вместе.

У «Лесного народа» свои традиции. Вот, например, вы привыкли в лагере просыпаться под звук горна. У юных британцев эта процедура выглядит иначе. Горнистов у них нет. А просто на середину лужайки, где выстроились палатки, выходит самый горластый мальчишка и кричит на весь лес:

— Все, кто живет в этом лагере, проснитесь! Земля спешит сбросить черное покрывало ночи и надеть белое платье дня. Проснитесь, вставайте!

И так горланит до тех пор, пока всех не разбудит. Никто, правда, не показывается из палаток, но дежурный крикун догадывается о том, проснулись ли обитатели той или иной палатки, по количеству выставленных возле нее пустых кружек. В эти кружки он нальет горячий чай с молоком. Ребята выпьют его и лишь тогда — такова уж традиция — выскочат на зарядку.

Когда по дорогам Англии идут демонстранты и несут плакаты и лозунги против войны, за мир и дружбу, в их рядах вы непременно увидите мальчишек и девчонок в зеленых куртках, на рукавах которых — эмблема: две стройные зеленые ели и огненный шар поднимающегося солнца.

ВЗРОСЛЫМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!

Недавно Эрика Грейса, жителя Цюриха, избрали мэром. День выборов по случайному совпадению стал для него двойным праздником: в этот день свежеиспеченному мэру стукнуло ровно тринадцать лет.

Свою деятельность он начал с того, что вывесил на воротах города, оказавшего ему доверие, строгое объявление: «Взрослым вход воспрещен!». Горожане горячо поддержали мэра. Действительно, что делать взрослым в их городе! При своем росте они того гляди своротят какое-нибудь важное здание или ненароком растопчут целую площадь.

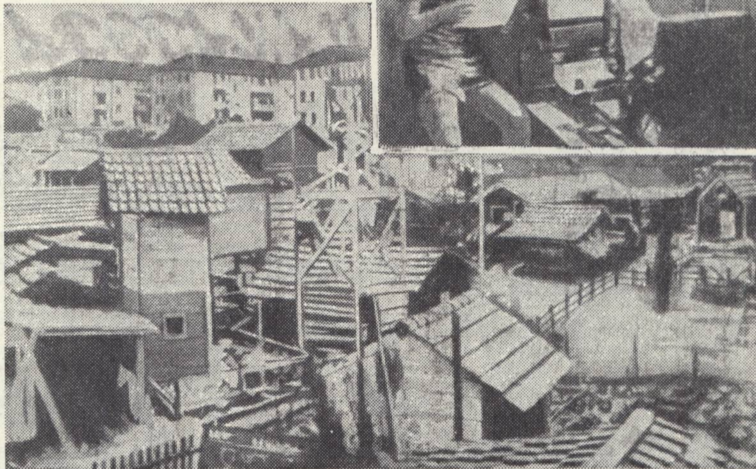
Эрик — первый в мире мэр первого ребячьего города. Его выстроили на большой площадке в центре Цюриха сами мальчишки и девчонки. Пусть не очень велики дома ребячьего города, но зато каждый на свой вкус, по своим собственным проектам. Вот дом, похожий на вертолет. Другой напоминает подводную лодку, третий — сказочный дворец, четвертый — индейскую хижину... Вокруг домов — сады и огороды.

Поселиться в этом городе может каждый желающий, если, конечно, ему не больше пятнадцати... Надо только самому подготовить проект дома, утвердить его у мэра и городского архитектора.

Городские власти следят за порядком и выпускают газету. Есть в городе и своя телефонная станция. Если соскучитесь вдруг по папам и мамам, наберите номер, и услышите их голоса.

В девять часов вечера город пустеет. Уходят жители. Покидает свой пост мэр до следующего утра.

В городской газете печатаются новости, репортажи и объявления, а также предложения о наименовании площадей и улиц. Уже есть улицы Пирожковая, Кукол, Луны, «Не робей, приятель!».

Самый забавный случай

В одной из варшавских школ объявили конкурс на... самый забавный случай из жизни ребят.

●

Ядвига учит спряжение глаголов.
— Если, например, ты поешь,— объясняет учительница,— то ты говоришь «я пою». Но как ты скажешь, когда будет петь твой сосед?
— Перестань!

●

— Рената,— сказал учитель,— в последнее время ты стала лучше учиться. Тебе кто-нибудь помогает?
— Да,— ответила Рената,— мастер из телевизионного ателье. Третью неделю не может починить телевизор.

●

Кто твой отец, Стефан?
— Он болеет, пан учитель.
— Я хотел бы знать, что он делает?
— Он лежит.

●

...Мама, ты не могла бы завтра приготовить самое любимое папино кушанье?
— А зачем?
— А я завтра принесу свой дневник.

Буссио бьет в барабан

Буссио всего десять лет. Она живет в Гане, в небольшой деревне неподалеку от Аккры.

Каждое утро Буссио должна толочь крепкий маис.

Буссио работает, а мальчишки учатся бить в большой барабан. По старому обычаю ни одна девочка не имеет права прикасаться к большому барабану.

Окончив работу, Буссио идет к своему учителю.
— Я хочу стать мальчиком.
Учитель улыбается.
— Сколько ног у твоего брата Мамаду?
— Две ноги,— отвечает Буссио удивленно.
— А у тебя?
— Тоже две.
— А сколько рук у Мамаду?
— Две руки у Мамаду,— говорит Буссио.
— А у кого голова умнее? — спрашивает учитель.

Буссио смотрит на пол и смеется. Во всех хижинах знают: Буссио — лучшая ученица.

И тогда учитель сказал:
— Нашей родине нужно много умных голов и умелых рук, Буссио. Большой дождь делает мальчиков такими же мокрыми, как и девочек.

Буссио смеется и убегает. Она бежит к реке, где мальчишки бьют в большой барабан.
— Ты коза,— наступает на сестру Мамаду.— Кто хочет бить в барабан, должен быть сильным и мужественным, как леопард. А ты девчонка...
— Большой дождь делает мальчиков такими же мокрыми, как и девочек,— говорит Буссио. И бьет в барабан.

Мальчишки отступают. В этой девчонке и впрямь что-то от леопарда...

ВЕСТИ ОТ ДРУЗЕЙ, ВЕСТИ ОТ ДРУЗЕЙ

ЧАКАРЭРА

Allegro

Ча.ка.рэ.ра, ча.ка.

.рэ.ра, от ко.либ. ри слы.шал я, буд.то сол.ныш.ку под

ут.ро снит.ся пе.сен.ка тво.я. Для повторения (3).ка. Для окончания 4.Ча.ка.

.рэ.ра, ча.ка. рэ.ра, пой же гром. че, звон. че пой, пля.шут

жел.ты. е ко.лось.я под на.пев ве.се. лый твой.

Чакарэра, чакарэра,
от колибри
слышал я,
будто солнышку
под утро
снится песенка твоя.
Чакарэра, чакарэра,
попугай, зеленый бок,
говорит, что эту
песню
травы знают назубок.
Чакарэра, чакарэра,
слышал я от голубка,
что за песенкой
твоею,
как щенок, бежит
река.
Чакарэра, чакарэра,
пой же громче,
звонче пой,
пляшут желтые
колосья
под напев веселый
твой.

Перевел с испанского
Павел ГРУШКО.

Чакарэра — слово не простое. Индейское племя Кичуа, населявшее Перу еще до испанского нашествия, называло так кукурузное поле. Теперь в Латинской Америке так называют женщину-крестьянку. А еще чакарэрой называют веселый, стремительный народный танец. На мотив чакарэры распевают и песенки. Чакарэру танцуют и чакарэру поют.

Здесь перед вами одна из любимых чакарэр. Привез ее нам из Уругвая Рубен Акасусо, редактор детского журнала «Чурринче». А эти рисунки сделала уругвайская девочка Денисе Бетанкур. Если песенка понравится, разучи ее и пой на здоровье.

Однажды к вечеру мы услышали торопливый стук в дверь. На пороге стоял московский семиклассник Илюша Медовой.

— Я прочитал в одиннадцатом номере журнала,— сказал Илюша,— что вы собираете коллекцию коллекций, устраиваете выставку редкостей...

Вести из страны хобби

РАССМАТРИВАЯ МОНЕТЫ

В моей коллекции шестьсот монет, больше чем из ста стран мира. Многим из них пришлось проделать немалый путь, прежде чем очутиться в одном из отделений моей плексигласовой коробки.

Мне хочется привести как пример часть письма, которое прислал мне из Киргизии научный работник М. А. Рудов:

«Три монеты, что посланы тебе, взяты из могильника на Иссык-Куле. Представляешь, тысячу лет назад на азиатском базаре, шумном и пестром, в рядах, где шла торговля ножами из Дамаска, шелками из Бейпина, сладостями из бухарской земли, древний житель—ремесленник или воин—долго рядился с торговцем и наконец, отсчитав монеты, уносил в подарок кому-то нож в чехле из тисненой кожи или звонкую фарфоровую пиалу. Торговец уплатил побор в казну правительства. Когда умер правитель — маленький князек тюркского племени,— его похоронили по обычаю, с почестями и стенаниями. В могилу положили все, что при жизни имел князек, что должно было утешить его в загробном мире. Конечно, положили у ног и деньги. Их насыпали в кувшин — простой глиняный сосуд нехитрой работы. Так и пролежали они в земле тысячу лет, а может, и больше. Приглядись внимательно — ты увидишь иероглифы на одной из монет. На другой — надпись по-арабски.

Такие деньги были в ходу среди тюркских и иных племен Семиречья в период господства Караханидов. Их чеканили в Китае...»

Очень интересно рассматривать монеты. Иногда сразу можно угадать страну, которой они принадлежат, иногда это сделать очень трудно. На монетах ОАР изображен египетский сфинкс. На пиастрах Ливана — кедр, на французской десятифранковой монете — гордый галльский петух, на бразильском крузейро вычеканена карта этой страны. На монетах Бирмы скалят свои пасти сказочные чудовища — чинтьи.

Многое рассказывают мне серебряные и бронзовые кружочки не только о странах, выпустивших их, но и о прошедших временах и древних исторических событиях.

Илья Медовой,
г. Москва.

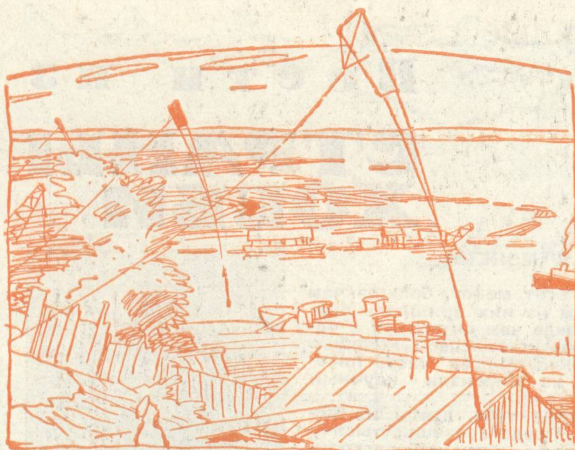

ВНИМАНИЕ, НУМИЗМАТЫ, ВИКТОРИНА ДЛЯ ВАС!

1. Почему на албанской монете изображен итальянский король?
2. Какой страны эта монета с изображением руки?
3. Какой значимости монета, которую ты видишь, в какой стране она в ходу?
4. Кем и для чего была выпущена эта монета?
5. Это иранская монета. Что на ней изображено?
6. Где была отчеканена эта монета?
7. Почему на немецкой монете 1916 года стоит номинал «2 копейки»?
8. До какого времени на русских монетах год чеканки обозначался славянскими буквами?

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Передо мной пачка писем. Я беру одно из них и читаю: «...Мне очень нравятся люди с такими характерами. Дорогая редакция, если это правда, то ответьте, пожалуйста, на такие вопросы: в каком городе это произошло? Стал ли Владик видеть? Перешел ли Гена в шестой класс? И какая дальнейшая судьба этих ребят?» Это пишет Боря Гуменюк, пятиклассник из Винницкой области. Речь идет о повести **«Та сторона, где ветер».**

Письма ваши мне прислали из редакции «Пионера». И, честное слово, ребята, они принесли мне очень большую радость. Ведь повесть написана для вас. Вы главные судьи, вы решаете, удалась она или нет. И если вы спрашиваете про Владика, Генку и других мальчишек из повести, значит, вам они понравились.

Генка.

Писем много, но некоторые вопросы встречаются почти в каждом. Постараюсь ответить на них по порядку.

Правда ли то, что написано в повести?

Для автора этот вопрос, по-моему, самый сложный. В каждом художественном произведении события из жизни и авторский вымысел сплетаются неразрывно. Герои книги, которых читатель полюбил, становятся в один ряд с реальными людьми. Действительно, можно ли представить, что на свете не было Тома Сойера, Оливера Твиста, Гавроша, Тимура?

Однако я понимаю, что вам все-таки нужен ясный ответ: правда то, что написано в повести, или нет? Правда. Только дать адреса этих ребят я не могу, хотя и об этом спрашивают некоторые читатели.

Зато на другие вопросы мне ответить легче. Ведь я, как автор, обязан знать все о своих героях.

Вы спрашиваете: встретились ли потом Владик и Генка? Конечно, встретились. Ведь Владик уехал в Одессу не навсегда.

ЧНЧ — Что нам читать?

Стал ли Владик видеть после операции? Да. Стопроцентное зрение врачи вернуть ему не смогли, но все-таки операция была успешной.

Перешел ли Генка в шестой класс? Перешел. Отличником он, впрочем, не стал и английский язык до сих пор тянет только на тройку, но ведь не все сразу!

Многие ребята сами строят догадки, что было дальше, и пишут мне об этом. А кое-кто попытался даже предсказать дальнейшую судьбу Генки, Владика и их товарищей. «Я думаю так,—пишет Нина Сюсюкина из Волгоградской области,— Владик стал метеорологом. А Гена окончил школу и тоже стал метеорологом. Он жил и работал вместе с Владиком. Яша стал хорошим инженером, Илька учится в летном училище...»

Так это будет или не так? Трудно сказать. Сначала этим ребятам надо вырасти. Ведь они ваши ровесники, учатся и живут, как и вы. А дальше будет видно. Думаю, что своего они добьются. Только вот Яшка Воробей никогда не станет инженером. И дело не в том, что он плохой человек или лодырь. Он совсем неплохой был мальчишка, хотя и любил повредничать. Беда в том, что несчастья случаются не только с плохими людьми, но и с хорошими.

Владик.

И последний ваш вопрос: будет ли продолжение повести?

До недавнего времени о продолжении я не думал. Казалось, что все доведено до точки и писать больше не о чем. В самом деле: не сидеть же над новой повестью только для того, чтобы сообщить об удачной операции и такой же удачной переэкзаменовке. Для этого хватило, как видите, нескольких строк. Но после ваших писем я почувствовал, что и мне жаль расставаться со своими мальчишками-«змеевиками», что их дальнейшая судьба волнует меня, как и вас.

Особенно привлекает меня малыш Илька, который недавно сказал мне:

— Не хочу стоять на берегу...

Это было под Севастополем, куда мы недавно вместе ездили. Море закипало от ветра, и волны вместе с обрывками пены швыряли на берег пригоршни обточенных камней. Илька поежился от холодных брызг, потом сердито прищурился и начал стаскивать рубашку...

Может быть, я и напишу продолжение.

В. КРАПИВИН

Тем, кто любит выдумку и веселые стихи

Живет в Англии поэт Роберт Грейвз. Почти полвека пишет он стихи — очень хорошие стихи для взрослых. За стихи ему присвоили звание профессора поэзии Оксфордского университета. А в 1960 году вышла его книжка для детей под названием «Скрипка за пенни», теперь ее выпустило на русском языке издательство «Детская литература».

В этой интересной книжке тесно переплетаются сказка и настоящая жизнь. Есть в ней стихи веселые, есть грустные. Поэт обращается к тем, у кого богатое воображение, кто любит фантазировать.

Первое стихотворение в книжке начинается так:

Если думать не боишься
О прекрасной, беспредельной,
Неожиданной, бесценной,
Удивительной земле,
На которой ты живешь...

Одним словом, если тебя манят приключения и нераскрытые тайны, отправляйся вслед за поэтом. Почти в каждом его стихотворении есть какое-нибудь маленькое чудо.

Бежали к заливу и стар и млад,
Забыв приятные сны,
И долго молча на берегу
Стояли удивлены:
Похожий на призрак пустой корабль
Чернел при свете луны.

И старая женщина, чьи глаза
Давно застилал туман,
Вдруг крикнула: — Это же «Элис Джин»
Вернулся из дальних стран!
На нем лет сорок тому назад
Мой Джон ушел в океан.

Люди ей не верили, даже смеялись над ней, и все же она оказалась права: это действительно был корабль, на котором ушел в океан ее сын. Почему же старая, слепая женщина оказалась прозорливей других, зрячих?

Ты, наверно, поймешь, почему, когда прочтешь стихи. Поймешь, вероятно, почему заиграла скрипка, которая стоит всего пенни.

Я спросил в изумленье девчонку:
— Как ты можешь на ней играть? —
Рассмеявшись, сказала девчонка:
— Попробуй сам угадать!

В стихотворении «Короли и королевы» поэт говорит:

Мы все королевы, мы все короли,
Как наши знакомые Джек и Джил.
Вот если б к тому же каждый из нас
Друг другу что-нибудь подарил!

Книжка **РОБЕРТА ГРЕЙВЗА «СКРИПКА ЗА ПЕННИ»** — чудесный подарок тем, кто любит стихи, кто хочет помечтать, кто не боится трудных дорог.

Когда ты будешь закрывать эту книжку, не забудь поблагодарить Андрея Сергеева — переводчика, так здорово сумевшего донести до нас обаяние стихов замечательного, прежде неизвестного нам английского поэта.

И. АДРИАНОВ

КНИГА ОБ ОТВАЖНЫХ

Да, это повесть об отважных, о храбрецах, о тех, кто не побоялся ринуться в бой с превосходящими силами противника, с самим «медным змием»... И это не сказка. Герои книги жили на самом деле, даже «медный змий» существовал (так юные бунтари прозвали злейшего своего врага — ректора императорской Академии художеств).

Тринадцать отважных бросили вызов ему и всему мертвящему, академическому искусству, которое он представлял. Тринадцать молодых борцов за правду покинули академию, добровольно отказавшись от всех ее благ—стипендии, прочного положения, поездки в Италию на государственный счет...

Враждебный мир угрожал им, ни у кого из молодых энтузиастов не было ни денег, ни связей... Но в жизни каждого человека наступает минута, когда приходится выбирать между тем, что удобно, и тем, что велит совесть. Герои книги выбрали второй, трудный путь, потому что верили в правоту своего нового, нужного народу искусства, верили друг в друга.

«Поодиночке—пропадем, все вместе — выстоим»,— твердил вдохновитель движения — прекрасный художник и удивительный человек Иван Николаевич Крамской.

...Значит, это книга о художниках?.. Да, разумеется, в повести «Мятежная молодость» говорится о русских художниках-реалистах, известных под именем «передвижники», об их работе, об их друзьях и врагах... Но книга обращена не только к тем, кто интересуется искусством. Это прежде всего повесть о людях, страстно ненавидящих всяческие сделки с совестью, всякое влияние, всякую полуправду. О них живо, свежо и, главное, горячо рассказывает писательница Римма Канделаки.

Ю. НОВИКОВА

Для вас, почемучки

В школе ты учишь географию. Тысячу раз видел глобус, и тебе кажется, что хорошо знаешь карту. А попробуй сделать так. Переведи контуры всех частей света на бумагу, потом вырежь их и приложи Северную Америку к Европе, Южную — к Африке, а Австралия, оказывается, умещается «под мышкой» у Азии. Как ты думаешь, почему так получилось?

А знаешь ли ты, что самое толстое дерево на свете — калифорнийская секвойя? Ствол ее достигает иногда 46 метров в обхвате. На пне от такого дерева как-то построили домик для редакции журнала «Известия дерева-гиганта». На другом пне разместился оркестр из четырех инструментов, пианино и шестнадцать танцующих пар.

А как ты думаешь:

Можно ли просверлить землю насквозь?

Почему люди в знак приветствия подают друг другу руки?

Откуда взялась музыка?

Кто строил египетские пирамиды?

Понимают ли животные человеческую речь?

Все это ты можешь узнать, прочитав книгу **«Кто! Когда! Почему!»**.

Ты часто пишешь в наш отдел «Почему и отчего». Тебя интересует очень многое. Польских ребят—тоже. В детское польское издательство «Искра» приходили вопросы от ребят. Все они были чрезвычайно интересные. И вот польские ученые решили ответить на них. Так появилась книга «Кто? Когда? Почему?».

Ю. Б. Щепкина-Мирская перевела ее на русский язык, и она вышла у нас в издательстве «Детская литература».

Книга расскажет тебе о том, как возникла наша Земля, долго ли будет светить Солнце, что дарит человеку дно моря.

Ты узнаешь, какая змея самая большая и какая птица летает выше всех, какой музыкальный инструмент самый старый, какая скульптура самая большая на свете, как появился театр и пережил ли Джек Лондон те приключения, которые описал в своих произведениях...

В книге много рисунков известного французского художника-карикатуриста Жака Эйфеля.

Мне кажется, эта книга тебе понравится.

Н. ЕЛИСТРАТОВА

Чудо на Волхове

...Над Невой низко нависло серое зимнее небо. И лед на реке был серым. Если бы не черная полоска строений да не дымящиеся трубы заводов на том берегу, не различить, где кончается лед и где начинается небо. Стоял январь — самый унылый и мрачный месяц петроградской зимы. Но невысокий коренастый человек в форменном черном пальто и примятой инженерной фуражке с перекрещенными молоточками не замечал ни промозглого воздуха, ни пустынных, словно вымерших улиц, ни молчаливых домов.

Неужели мечта его жизни может осуществиться именно теперь, когда, казалось бы, надо навсегда с ней распроститься? Скоро минет пятнадцать лет с того дня, когда он впервые воплотил в чертежах и расчетах свою заветную мысль о покорении Волхова, о сооружении на этой порожистой реке гидростанции.

И вдруг это неожиданное предложение приехать в Смольный институт и рассказать о проекте. О его проекте! А затем короткая беседа в комнате, куда непрерывно входили вооруженные люди и, получив приказы, быстро уходили.

И фраза, которую он мечтал услышать пятнадцать лет и которую он меньше всего предполагал услышать здесь, в цитадели большевиков!

— Не можете ли вы в самое короткое время представить разработанный вами проект Волховской гидростанции? Председатель Совета Народных Комиссаров товарищ Ленин хотел бы получить и примерную смету строительства.

Непонятные люди! Не прошло еще и трех месяцев после переворота, в стране пылает гражданская война, а они, окруженные врагами, вспомнили инженера Графтио и его проект.

Нет, он не имеет права отказываться от такого предложения.

Первая электрическая станция в России была построена лишь в 1885 году. Была она мощностью в 505 киловатт и освещала только одно здание столицы, правда, имевшее тысячу комнат,— Зимний дворец императора Александра III.

Прошло тридцать два года, и в России появилось уже несколько сот электростанций, преимущественно небольших, дававших энергию фабрикам и заводам, освещавших театры, шикарные магазины, дома богатых людей. Но по-настоящему крупной гидростанции в стране не было.

И самое грустное: все до одной электростанции принадлежали иностранным капиталистам. Русская промышленность не выпускала никакого электрооборудования. Даже простые лампочки ввозили из-за границы. Из-за рубежа привозили и уголь, который сжигали топки станций.

Все это давало огромную прибыль иностранным хозяевам электрической энергии. И понятно, что они находили способы не дать возможности инженеру Г. О. Графтио осуществить свой проект.

Только Октябрьская революция освободила Россию от иностранной зависимости. И одним из первых было решение Совета Народных Комиссаров начать строительство государственных мощных электростанций на торфяных болотах Шатуры и Каширы и на реках Волхове, Свири и Днепре.

Молодая Республика Советов переживала тогда самые трудные свои дни. Страна голодала. Фабрики и заводы почти не работали: не было ни сырья, ни топлива. Поезд из Москвы в Тулу тащился порой неделю.

И в таких-то условиях советские люди начали строить самую большую в Европе электростанцию на Волхове! Начали строить и построили.

Среди комсомольцев, пришедших по призыву партии строить первую советскую гидростанцию, был юноша — журналист **Лев Разгон**. И вот теперь он вспомнил о тех удивительных днях и написал книжку **«Шестая станция»**.

Нынешним ребятам даже трудно представить себе, как жили, работали, боролись, грустили, голодали и холодали, но никогда не теряли бодрости первые комсомольцы. Автор «Шестой станции» не только испытал все это на себе, но и сумел так живо, занимательно, горячо, весело об этих днях написать, что, читая, переносишься на сорок с лишним лет назад.

Мне не хочется рассказывать о том, что написано в книжке, чтобы не портить впечатления. Прочитайте ее сами.

А. ДОРОХОВ

Елочка

Кто не знает песню о елочке! Целый год она будто бы забыта людьми и лежит где-то в глубине их памяти. Но вот наступает новогодний вечер, и, где бы это ни было: в квартирах, где маленькая елочка вся умещается на столе, или в огромном зале клуба, где сверкающая ее вершина достает высокого лепного потолка,— всюду дети поют эту незатейливую песню о елочке. Подпевают им и взрослые, их лица становятся как-то мягче, улыбчивее, с этой песней у них связаны воспоминания о своем детстве, когда они вот так же водили вокруг елки веселые хороводы.

Если спросить кого-нибудь, есть ли у этой песни автор и когда она была написана, то в ответ услышишь, вероятно:

— Кто написал? Да ребята сочинили. Плясали возле елки и сочинили. Один слово сказал, другой добавил, ну и пошла песня. А когда появилась песня? Мудреный вопрос. Ее ведь и прадеды наши пели. Так что тут не ответишь точно. А в общем, кажется, вечно она существует.

— Вечно? — смеется Раиса Адамовна Кудашова, листая пожелтевшие страницы журнала «Малютка» за 1903 год.

Здесь впервые была напечатана «Елка», автор ее — Раиса Адамовна.

Раисе Адамовне сейчас 86 лет. Она и сейчас пишет стихи для детей. А ее стихотворение «Елка» издательство «Детская литература» выпустило отдельной книжкой.

КОМУ ДОСТАНЕТСЯ ПРЕМИЯ?

У тебя в руках последний номер этого года. Сейчас ты его закроешь, отложишь в сторону — журнальный год окончен.

Целых двенадцать месяцев писали для тебя писатели, рисовали художники, журналисты ездили по нашему заданию в командировки, засиживались по вечерам сотрудники редакции, работала типография, а потом почта. А еще потом вы оставались наедине: ты и свежий номер журнала. Он лежал перед тобой, а ты его читал. Так было ровно двенадцать раз.

Ну-ка, если ты внимателен, если у тебя хорошая память, если ты думаешь о прочитанном, если чтение не развлечение для тебя, а настоящее увлечение, тогда...

Тогда вот что.

Какая, по-твоему, из наших повестей была самая интересная и что в ней особенно тебя заинтересовало?

Какой из рассказов года кажется тебе самым лучшим?

А стихи? Любишь ли ты стихи и какие стихи были хороши в этом году у нас в «Пионере»?

Здесь, в углу странички, есть анкетка, ты подумай сначала и вспомни, а потом, не торопясь, сам или вместе с товарищем — так даже еще интереснее — напиши нам о том, что тебе больше всего понравилось из двенадцати номеров нашего журнала. Анкетку эту осторожно вырежь и пошли нам.

Зачем? Затем, что в новом году наш «Пионер» хочет быть еще интереснее, еще увлекательнее, а для этого он должен знать, что же думают его друзья, те, кто получает его и читает.

Писателям, чьи вещи пришлись по душе большинству ребят, мы, во-первых, покажем ваши письма, а во-вторых, **придумаем у себя в редакции премии.**

Ну вот и все. А о результатах опроса смотри на этом же месте в журнале ровно через три месяца — в третьем номере 1966 года.

АНКЕТА

Лучшие произведения 1965 года

повесть

рассказ

стихи

рисунки

очерк

Дело было совсем под Новый год, времени оставалось мало, и Смехотрон торопился: работал, писал поздравления тем ребятам, кто прислал ему хорошие смешинки. Им он писал стихами:

Поздравляю я подряд
Всех моих смехотронят.
Будьте счастливы, ребята,
Верные смехотронята!

Так он писал, но вдруг зазвенел телефон.

— Алло! Можно Смехотрона? — раздался в трубке странный, хриплый и квакающий голос.

— Это я. Я слушаю вас,— ответил Смехотрон.

— Скажите, пожалуйста, это правда, что по дереву электричество не проходит? Мне надо обязательно это узнать!

— Правда. Но это все знают,— удивился Смехотрон.

А квакающий голос снова заквакал и захрипел в трубке:

— Значит, деревянная тумбочка — это изолятор?

— М-м... Да. Конечно. Но с кем это я разговариваю?

— Вы разговариваете с неизвестным,— прохрипела трубка и задала Смехотрону новый и по-старому нелепый вопрос: — Значит, и деревянная бадейка — тоже изолятор?

— Да, разумеется. Все деревянное не пропускает ток. Но зачем это вам?

— Не ваше дело! — грубо квакнула трубка, и голос смолк.

— Что-то непонятное,— улыбнулся Смехотрон и вновь углубился в заклеивание конвертов. Вообще переписка — это его страсть, он весь в чернилах с головы и до ног, весь в клею, что-то сочиняет, шепчет себе под нос, посмеивается, перечитывая свои ответы ребятам и ребячьи письма... Но только увлекся было Смехотрон, как снова загремел телефон. На этот раз трубка верещала голосом девчонки, которой льют за шиворот холодную воду:

— Смехотрончик, миленький, это вы? Я вас сразу узнала. Меня зовут Люся. Я испекла пирог, и у нас елка! Приходите ко мне на елку. Будет очень много ребят.

— Да я, вы знаете, уже обещал...— стал Смехотрон отнекиваться, потому что он действительно обещал прийти на елку к ребятам из одного кружка ЮТ, с которыми очень подружился, когда однажды помог им избавиться от взбесившегося робота...

— Нет-нет, миленький-красивенький Смехотрончик! Мы ждем!

Не забудь написать нам о себе: где ты живешь, сколько тебе лет, в каком классе ты учишься, да и все, что тебе захочется, напиши — нам интересно.

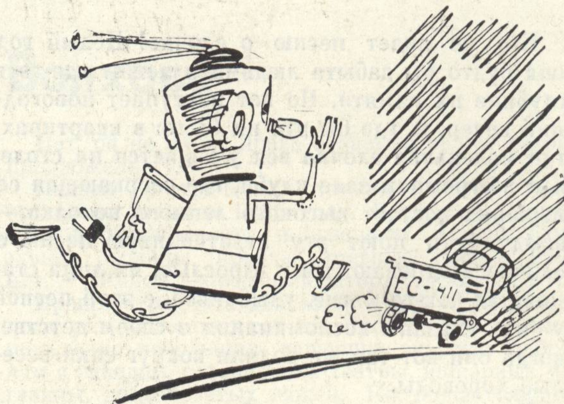
Смехотрону удалось договориться со знакомым Кибером (электронно-вычислительным устройством), чтобы он по-приятельски помог ему подсчитать все ответы ребят.

ЗОВУТ — ИДУ!

На краю гибели... Драка и другие приключения перед Новым годом.

Тут в трубке закашлялись, и сквозь верезжащие звуки можно было легко различать некоторое подозрительное кваканье и хрипение, весьма напоминающее первый и очень странный телефонный разговор. Но Смехотрон всегда беспечен и простодушен, тем более под праздник. Хоть и железный, но все-таки он мальчишка. К тому же эта мнимая девочка пела в трубку такую похвалу, что...

— Смехотрончик, без вас нам будет скучно! А с вами мы будем хохотать, вы такой смешной, такой веселый... Приходите!

— Я бы пришел, но уже договорился и пообещал...

— Ах, Смехотроша! — заверещал голосок еще сильнее.— Ох, ох! Кажется, я схватилась за оголенные провода... Да-да! Так оно и есть, и меня всю трясет. Теперь вы уже не можете не прийти, потому что меня бьет ток! Смехотрон, спасите!

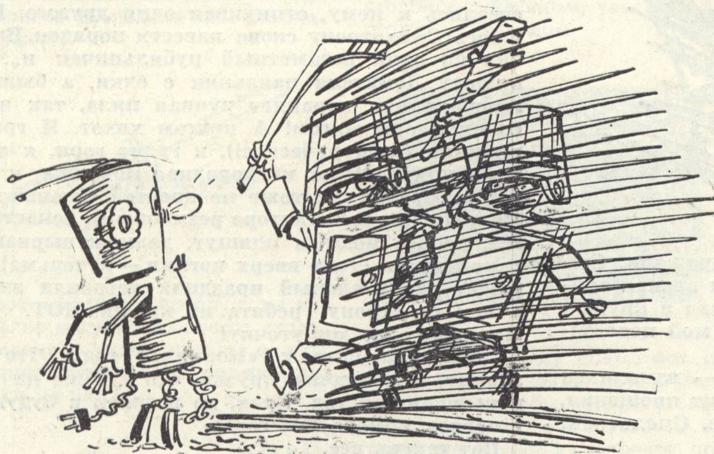
Доверчивый Смехотрон, он — увы! — конечно, всему поверил. Вскочил с места и кинулся прямиком в коварные и злобные руки двух довольно гнусных субъектов, один из которых, если помните, был Вовка — разрушитель вещей, а другой, тоже старый знакомый,— Горе-генерал армии Желтых, тот самый, кого потом с позором разжаловали.

Знаете пословицу: «Рыбак рыбака видит издалека»? Ну, а про этих мальчишек можно было бы сказать, что «Хулиган хулигана найдет и среди океана». Они встретились и крепко подружи-

лись, а потом выработали коварный план под условным шифром «Темная Новогодняя Ночь».

Меж тем наш ничего не подозревающий Смехотрон (который немножко растаял от похвал писклявой девчонки из телефона) мчался спасать ее, уцепившись за задний борт самосвала.

Свистел ветер, и свистели милиционеры. Прохожие и светофоры таращили разноцветные глаза. Вопили мальчишки, гавкали собаки, и гудели едущие позади машины — словом, скучать было некогда. Надо было покрепче держаться на ногах, надо было среди всего этого шума не позабыть адрес, а еще он твердил про себя все похвальные слова той девочки из телефона, ко-

торую он, Смехотрон, вот сейчас выхватит из-под тока!

Смехотрон отцепился и, проехав немного по инерции на ногах, повернул за угол и смело вошел в темный подъезд...

«Трах-тарарах»... Что-то оглушительно ударило его по голове, так что брызнули искры из глаз, он зашатался, едва устояв на ногах. Вспыхнул свет, и Смехотрон увидел и понял...

Плохо дело! Они враги. Но кто они, этого он еще не знал. Перед ним стояли двое неизвестных. Их головы были спрятаны под деревянными бадейками, их туловища скрывались в двух деревянных тумбочках, а руки были защищены кусками фанеры, скрученной в трубки. Один помахивал дубинкой, другой заходил сбоку и примеривался огреть Смехотрона хоккейной клюшкой. Оба наперебой задорно и нахально вопили, один — подражая голосу девчонки, а другой — квакая и хрипя...

— Смехотрошенька, ах ты, ржавая железяка, иди сюда, не бойся, я тебя только по головке разок тресну — и на свалку! Ты же знаешь Вовкину работу, у меня брака не бывает. Подожди, вот я размахнусь только...

— Нет, ты, Смехотрон, сначала ко мне иди! Помнишь, как ты Желтого генерала опозорил? Забыл! А я помню. Теперь моя очередь. Такой тебе хоккей устрою: тысяча—ноль в мою пользу!

Смехотрон увертывался от ударов, которые сыпались на него градом, оставляя вмятины на боках и сотрясая его электронные внутренности. Опасность нарастала. Защищенные деревом, они неуязвимы, эти хулиганы...

Впрочем... Пол тут земляной... Ага, это значит, мы в подвале! Так! А что, если я сейчас немножко заземлюсь?

Смехотрон ловко отскочил в угол, враги его пронеслись мимо, и в эту секунду, которую он выиграл у них, он успел немножко расковырять ногой землю и сунул в ямку одну из ног, затем пустил в эту ногу всю, какая была у него, энергию ЧИ. Ничего еще не подозревая, деревянные рыцари приближались к Смехотрону с двух сторон с воплями и угрозами:

— Ага, в угол забился! Ну теперь ты наш! Будешь знать, как меня, Вовку, заставлять просить у девчонок прощения! Я нарочно физикой подзанялся, про дерево узнал! Ясно?

— Да-да! Мы деревянные, попробуй нас тронь...

Тут оба они как бы вдруг споткнулись! Дело в том, что о деревянных подошвах они не подумали. Оба были в ботинках, да еще подбитых железками. Когда они размахнулись, чтобы ударить Смехотрона, энергия ЧИ ужалила их в пятки, заставила высоко подпрыгнуть и... Но кто замахнулся, тот должен ударить. И высоко над Смехотроном Вовкина дубина с треском обрушилась на бадейку бывшего генерала. А хоккейная клюшка в этот же миг переломилась на деревянной голове ломателя автоматов...

Оглушенные и ошеломленные, оба упали. Теперь их электронепроницаемость оказалась заметно нарушенной и то там, то сям покусывала хулиганов энергия ЧИ, будто тысячи мелких острозубых блох накинулись на них и давай жалить!

Ломатель Вовка, то есть тумбочка, и бадейка по имени Вовка прыгал в одном углу, а другая тумбочка с бадейкой, то есть бывший генерал, скакала, будто козел, в другом углу подвала.

В третьем углу, заземлив одну ногу, гордо стоял Смехотрон, изрядно помятый и полунеработающий, но все же живой, довольный и, как всегда, веселый.

Хулиганы прыгали, тряслись и дрожали. Сыпались на пол дощечки, и щепки, и всякая труха. Смехотрон в это время радировал в кружок ЮТ: «Приходите! Полюбуйтесь на мой новогодний подарок!»

— Сми-ми-ми, ха-ха-ха-трон! — взмолился Вовка. Он, вы помните, всегда просит прощения, чуть ему достанется.— Пожалей нас, Смехотрон! Пощади!

И Смехотрон ослабил напряжение. Но бывший генерал, как и все битые вояки, оказался реваншистом. Почувствовав себя получше, он запустил в Смехотрона Вовкину дубинку, которая оказалась у него под рукой... Раздался удар, послышался стеклянный звон, и — о несчастье! — наш Смехотрон лишился своей красной носовой лампочки, что неузнаваемо изуродовало его славную физиономию. Ему было больно, электрически больно!

— Ура! — завопил Вовка.— Снайперский удар! Хорошо!

— Бей его, эту несчастную батарейку! — орал генерал, но...

— Вяжи их, ребята! Скорей к Смехотрону, он едва жив!

Да, это вовремя поспели мальчишки и девчонки из ЮТ. Смехотрона взяли на руки и понесли. Он сдерживался, и даже не стонал, и вообще вел себя молодцом, пока кое-что перепаивали и заменяли в его организме. И совсем окреп и развеселился, когда ввинтили ему новую носовую лампочку. А потом...

Потом настало время сесть за столы и откупорить бутылки с вишневым соком и лимонадом. Зажгли елку. Ломателя и Генерала хотели было казнить путем подвешивания за ноги, но пожалели и даже дали им по куску пирога,— правда, сначала им дали по шее, что они вполне заслужили...

Одна девочка села за пианино, а наш Смехотрон встал на стул и запел:

Я веселый Смехотрон,
Я смешной со всех сторон.
Испускаю я лучи,
Называемые — ЧИ.
И кого я захочу,
В миг один расхохочу.
Весельчак я и добряк,
Раз, два, три...
Со стула бряк!

И тут он действительно очень ловко, кубарем скатился со стула, так, что все рассмеялись. Елка у кружковцев была не простая, а просто необыкновенная: что ни ветка, то неожиданность, и щетки, и решетки, гайки, отвертки, лампочки, а внизу — кран. Открой его — польется настоящий сладкий виноградный сок. Здорово?

Еще бы! И Смехотрону все это очень понравилось. Впрочем, больше всех этим краном заинтересовались пленные хулиганы, они так и присосались к нему, отпихивая один другого. Пришлось Смехотрону снова навести порядок. Включил он один незаметный рубильничек и... как клюнет Ломателя паяльник с елки, а бывшего генерала как царапнет ручная пила, так и отскочили они мигом! А кругом хохот. И гремит пианино (электрическое!), и гудит горн, к которому прикреплена кислородная подушка, и грохочет барабан, да тоже не простой: хлопают по его коже два вентилятора резиновыми лопастями. Все ребята поют и пляшут, даже кувыркаются некоторые и стоят вверх ногами — кутерьма! Вот какой удивительный праздник устроили знакомые Смехотрону ребята из кружка ЮТ. Все? Нет, еще одну минуточку!

Смехотрон сказал: «Кончился год... Что это значит? Это значит, друзья, что тут же начался новый, другой год. Итак, до встречи в будущем, в первом номере 1966 года!»

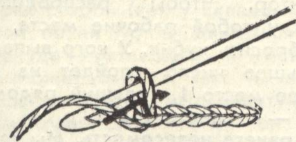
Вот теперь все. Точка.

Скоро Новый год! Будет веселый праздник в школе, а потом каникулы, новогодние елки...

Тебе, конечно, захочется надеть что-то новое, нарядное, праздничное. Тогда не теряй времени даром, начинай вязать крючком красивую ажурную кофточку.

Постарайся купить для вязания нитки «ирис». Это блестящие нитки, и стоят они недорого. Для кофточки тебе нужно 15 клубков «ириса», по 25 граммов в каждом клубке. Если ты не найдешь «ирис», можешь вязать из любых недорогих бумажных или вигоневых ниток.

1.

Узор кофточки, которую ты видишь на рисунке, начинают вязать с цепочки. Число петель в этой цепочке обязательно должно делиться на шесть.

2.

В первом ряду из цепочки провязывают четыре столбика с накидом, потом делают две воздушные петли и опять вяжут четыре столбика с накидом. Так нужно вязать все время, по всей длине цепочки.

3.

Во втором ряду в промежутках между группами столбиков вяжут: сначала столбик с накидом, потом узелок (три воздушные петли; закрепляющую петлю ввязывают в первую воздушную), еще четыре столбика с накидом, узелок, один столбик с накидом.

В третьем ряду повторяют рисунок первого ряда. Нужно только следить, чтобы четыре столбика с накидом провязывались над такой же группой столбиков предыдущего ряда.

Но прежде чем ты начнешь вязать кофточку, попроси маму снять с тебя мерку. Допустим так:

длина спины у тебя — 41 см,
длина всей кофты — 52 см,
длина плеча — 14 см + 5 см на рукав,
полуокружность шеи — 17 см,
полуокружность бедер — 22 см,
полуокружность груди — 44 см.

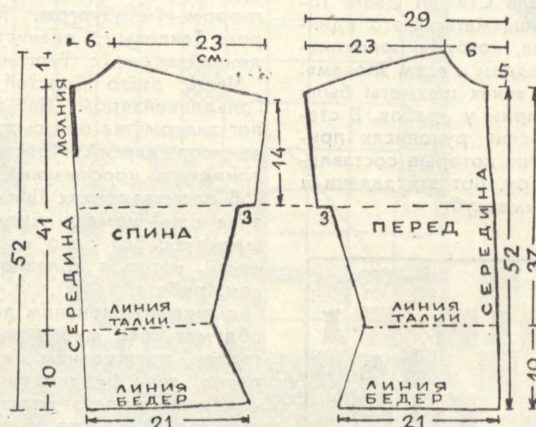
Не забудь, что эти цифры приведены для примера. Твои мерки могут быть другими. По своим меркам начерти патрон и начинай вязать с низа спинки.

Чтобы кофта не получилась слишком маленькой или слишком большой, как можно чаще прикладывай вязанье к патрону.

Готовые части кофты сшей, а ворот, низ кофты и рукавов обвяжи столбиками без накида. Сделай рядов пять-шесть.

Напиши нам: понравилась ли ребятам твоя кофточка?

О. ЛУНЕВА

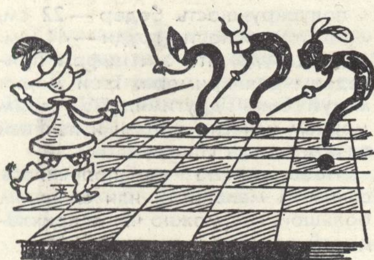

«ХРАБРЫЕ ПОРТНЯЖКИ» ХОТЯТ СТАТЬ ТВОИМИ ВЕРНЫМИ ПОМОЩНИКАМИ. ПОДСКАЖИ ИМ, ЧТО ТЫ СОБИРАЕШЬСЯ ШИТЬ, КАКИЕ ТЕБЕ НУЖНЫ ВЫКРОЙКИ ИЛИ, МОЖЕТ БЫТЬ, СОВЕТЫ. ПОДУМАЙ И НАПИШИ НАМ ПОСКОРЕЕ!

ПЕШКИН ОТВЕЧАЕТ ДРУЗЬЯМ

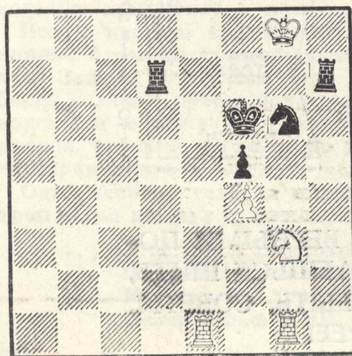
Ну и задали же работу Пешкину вы, ребята! Смотрите, как наседают на него ваши вопросы. Но Пешкин не робеет, он все сделает для того, чтобы вам ответить.

Вот, например, Нина Зубкова из Томска просит объяснить, что такое «мансуба». Пришлось Пешкину и об этом узнать.

Вы, конечно, знаете, ребята, что шахматы существуют очень давно. Ученые считают, что им от роду более тысячи пятисот лет. Знаменитый писатель Стефан Цвейг говорил, что «шахматы — это единственная игра, которая принадлежит всем народам и всем эпохам».

В VIII—IX веках шахматы были очень популярны у арабов. В старинных арабских рукописях приводятся задачи, которые составлялись в ту пору. Вот эти задачи и называются «мансубами».

Попробуйте решить одну из таких «мансуб». Этой старушке ни мало, ни много — тысяча лет! Ее автор — прославленный арабский шахматист Наим Хадим.

В этом положении белые, начиная игру, дают мат в три хода черному королю.

А вот вопрос Славы Абрамова из города Клина.

«Верно ли,— пишет Слава,— что был такой случай, когда за игру в шахматы одного человека пытали? Ребята об этом мне рассказали, но мне не верится».

Действительно, такой случай был, и произошел он в 1686 году. Вот что рассказывают об этом старинные документы.

Служилый человек Марчка Хомяков, играя в шахматы с Андрюшкой Волынщиком, взяв с доски фигуру, сказал: «То де я чаял ферзь, ано де царь!» — И выругал царя. Это произошло в присутствии трех свидетелей.

Хомякова по приказу енисейского воеводы пытали, и он «с пытки винился, что выругал царя без умысла».

Вот какие бывали истории с шахматистами.

Володя Семенов из Калининграда пишет:

«Известно, что Лев Толстой очень любил шахматы. Я хочу попросить Пешкина рассказать, с кем обычно играл Толстой, кто были партнерами великого писателя?»

По твоей просьбе, Володя, и об этом все узнал Пешкин.

Лев Николаевич Толстой часто сражался за шахматной доской с художниками Репиным, Ге, скульптором Гинцбургом, композитором Танеевым, пианистом Гольденвейзером, с Тургеневым.

Чаще всего Толстой играл с Гольденвейзером. За пятнадцать лет знакомства они сыграли более семисот партий. Толстой любил применять королевский гамбит.

В произведениях Льва Николаевича есть немало упоминаний о шахматах. Вот одно из его замечаний, которое полезно учесть и вам, ребята:

«Даже в маленьком деле нужно обдумать все много раз со всех сторон, прежде чем сделать; все равно, если будешь рубаху шить или даже просто делать шахматный ход. И если не обдумать, сразу все испортишь — рубахи не сошьешь, партию проиграешь».

Еще много осталось вопросов, на которые хотел ответить Пешкин, но он в цейтноте — ведь старый, 1965 год кончается. До новых встреч с Пешкиным в новом году!

На борту «ТТ-1»

КОСМИЧЕСКАЯ ИГРА

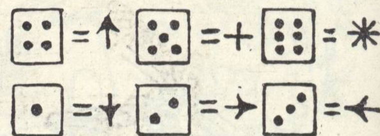
Наша ракета называется «ТТ-1» по имени венгерского детского журнала «Табортюз» («Костер»), из которого мы взяли эту игру.

Мы космонавты. Нас пять человек, мы экипаж космического корабля «ТТ-1». В корабле есть: 1 — кабина управления, 2 — наблюдательный пункт, 3 — электронно-счетная машина, 4 — вспомогательные ракеты, 5 — атомный реактор. Чтобы распределить между собой рабочие места, надо бросить кубик. У кого выпадет меньшее число — пойдет на рабочее место 1, сидящий рядом с ним — на место 2 и т. д.

В ракете невесомость. Мы только что пообедали в кают-компании (она обозначена словом «старт») и отправляемся по своим рабочим местам. Двигаться нам приходится в состоянии невесомости, а это не просто, тем более, что на пути встречаются перегородки, стены, лестницы и другие препятствия. Побеждает тот, кто первым доберется — с любой стороны — до своего рабочего места, обозначенного черным квадратом.

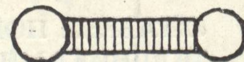

Шаг за шагом. Двигаться будем очень осторожно, чтобы нечаянно не улететь на другой конец ракеты. Каждый делает только шаг, какая бы цифра ему ни выпала. Выпавшее число показывает только направление этого единствен-

ного шага. Цифра 5 обозначает, что можно сделать один шаг в любом из четырех направлений, 6 — в любом из восьми направлений.

Что еще есть в нашей ракете. Прежде всего — **лестницы.** Если ты попадаешь в кружок, которым начинается лестница, можешь

сделать больше одного шага — подняться по ней до конца. Но если лестница уведет тебя в сто-

рону от цели — не поднимайся, оставайся на месте.

Если подойдешь не к основанию лестницы, а сбоку, то переходить через нее нельзя. Надо оттолкнуться в противоположном направлении.

Поручни облегчают движение при невесомости. Тот, кто достиг поручня, продолжает свой путь, «держась» за него, до его ближайшего конца.

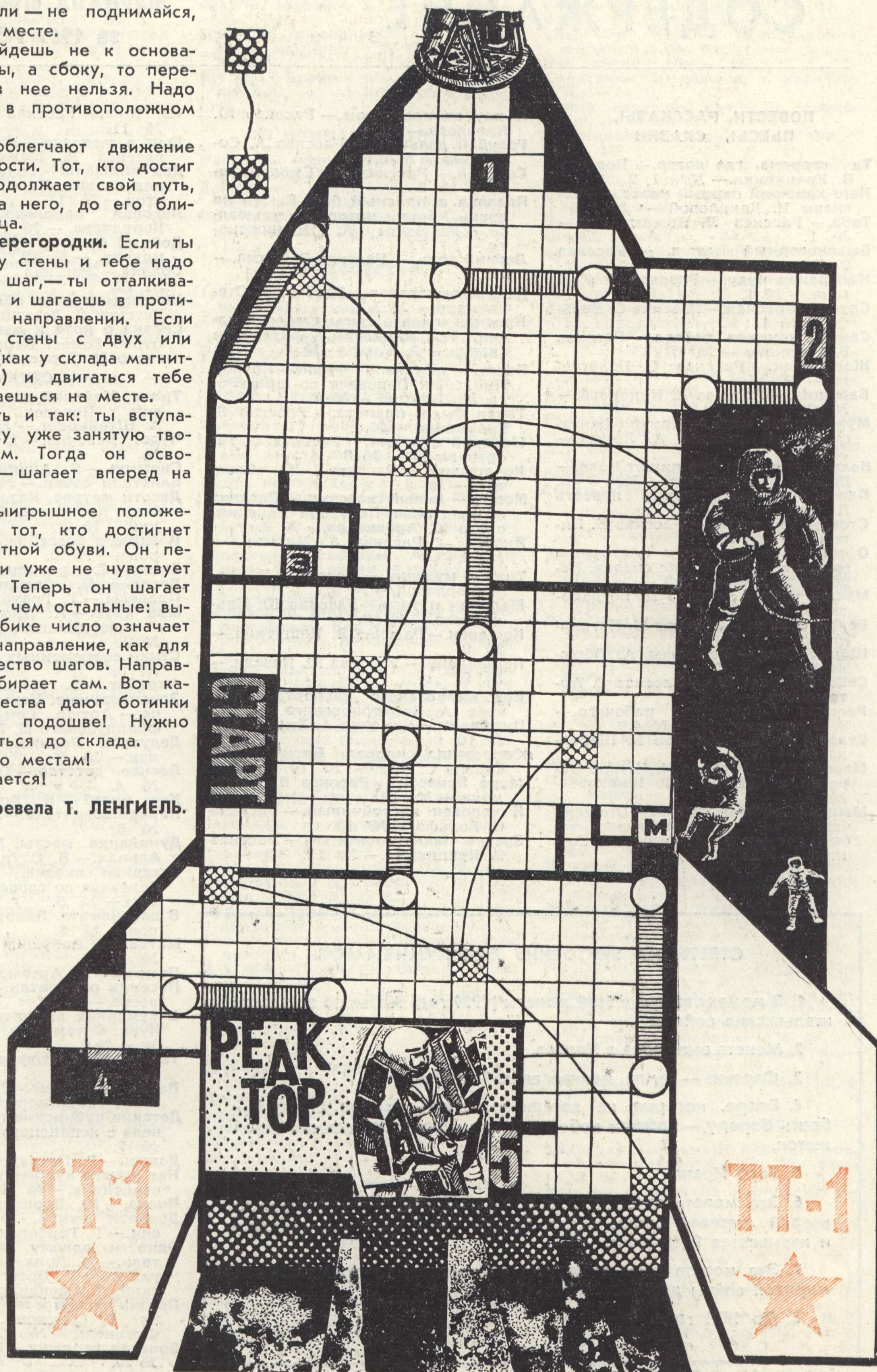
Стены и перегородки. Если ты остановился у стены и тебе надо сделать еще шаг, — ты отталкиваешься от нее и шагаешь в противоположном направлении. Если вокруг тебя стены с двух или трех сторон (как у склада магнитной обуви М) и двигаться тебе некуда — остаешься на месте.

Может быть и так: ты вступаешь на клетку, уже занятую твоим товарищем. Тогда он освобождает ее — шагает вперед на одну клетку.

В самое выигрышное положение попадет тот, кто достигнет склада магнитной обуви. Он переобувается и уже не чувствует невесомости. Теперь он шагает совсем иначе, чем остальные: выпавшее на кубике число означает для него не направление, как для всех, а количество шагов. Направление он выбирает сам. Вот какие преимущества дают ботинки на магнитной подошве! Нужно только добраться до склада.

Итак, все по местам!
Игра начинается!

Перевела Т. ЛЕНГИЕЛЬ.

Наша страничка маленькая, играть на ней неудобно. Советуем перечертить этот рисунок на большой лист плотной бумаги. Сторона клетки может быть равна одному сантиметру. А как сделать фишки и кубики — сами придумаете.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» за 1965 ГОД

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ПЬЕСЫ, СКАЗКИ

СТИХИ

ОТВЕТЫ НА ВИКТОРИНУ ДЛЯ НУМИЗМАТОВ

1. В момент выпуска этой монеты (1939 год) Албанию захватили итальянские войска.
2. Монета выпущена в Непале.
3. Фартинг — самая мелкая английская монета.
4. Бояре, которые не хотели выполнять приказ Петра I — брить бороду,— платили побор в казну и получали взамен такой жетон.
5. Герб Ирана.
6. Эта монета отчеканена в вольном городе Данциге. После второй мировой войны город Данциг стал польским городом и называется Гданьском.
7. Эта монета была выпущена в Германии во время первой мировой войны для Восточного фронта.
8. До 1721 года.

ПРОЧТИ В ПОДЛИННИКЕ

ОЧЕРКИ И СТАТЬИ О ЖИЗНИ У НАС И ЗА РУБЕЖОМ

ПО КОМПАСУ ОКТЯБРЯ

КРУГОСВЕТКА

ШКОЛЬНАЯ И ПИОНЕРСКАЯ ЖИЗНЬ

ТРУБИТЕ СБОР!

ПИОНЕРСКИЙ ГЛОБУС
(Вести от друзей)

РИСУЮТ И ПИШУТ НАШИ ЧИТАТЕЛИ

ХРАБРЫЕ ПОРТНЯЖКИ

СПОРТ

НАУКА И ТЕХНИКА

ОТОВСЮДУ И ОБО ВСЕМ

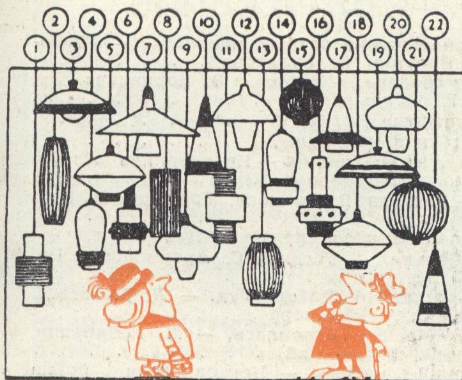
ПОЧЕМУ И ОТЧЕГО

ИСКУССТВО.

РАССКАЗЫ О ПИСАТЕЛЯХ

ЧТО НАМ ЧИТАТЬ?

СМЕХОТРОН

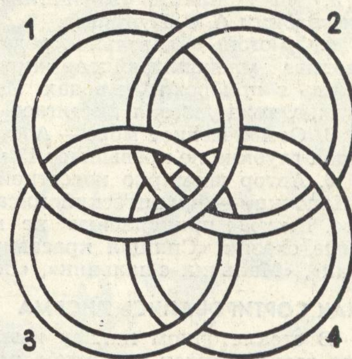
Из чешского журнала «Огничек» и польского «Пломык».

ДВА ПЛАФОНА

Для новой квартиры решено было купить два одинаковых плафона. Но как их выбрать из двадцати двух!

Помогите покупателям.

КАКОЕ КОЛЬЦО!

Достаточно разорвать одно из четырех колец, чтобы освободить остальные. Как вы думаете, какое!

ВОТ ТАК РИСУНОК!

Поспешил, видно, художник и такое тут нарисовал!

Подскажите художнику, где он ошибся.

ЧУДЕСНЫЙ ЗАМОК

Двое друзей отправились в сказочное королевство. Чудесный замок предстал перед их глазами. Но самое удивительное — это второй такой же замок, который вы увидите, если внимательно посмотрите на помещенный здесь рисунок.

ОТВЕТЫ на задачи, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 11

ОДИН ИЗ ТРЕХ, ИЛИ ВСЕЗНАЙКИНА КИБЕРНЕТИКА

1. Чилибуха — небольшое, вечнозеленое деревце тропических лесов, в семенах, коре и древесине которого содержатся сильнодействующие растительные яды — стрихнин и кураре.

2. Первым чемпионом мира по шахматам был американский шахматист В. Стейниц, завоевавший это звание в 1886 году.

3. «Феофилакт Косичкин» — журнальный псевдоним А. С. Пушкина.

4. Дюгонь — довольно редко встречающееся водное млекопитающее животное, обитающее лишь в прибрежных водах Индийского океана. Длина тела дюгоня достигает 3,5 метра.

5. Самое мелкое море — Азовское. Его наибольшая глубина не превышает 13 метров.

6. Автор всемирно известной сказки «Красная Шапочка» — французский писатель Шарль Перро. Ему же принадлежат не менее прославленные сказки «Спящая красавица», «Кот в сапогах», «Мальчик-с-пальчик», «Золушка» и другие.

КАК СОРТИРОВАЛИСЬ ПИСЬМА

В стоклеточном шкафу имелось десять рядов по десять клеток в каждом ряду. Клетки первого ряда, начиная сверху, обозначались номерами от 00 до 09; клетки второго ряда — от 10 до 19 и т. д. Клетки десятого, последнего ряда обозначались номерами от 90 до 99. Все шкафы делались с таким расположением клеток.

Первый прием сортировки состоял в том, что все письма подбирались по двум первым цифрам пятизначного номера. Так, например, если в руки сортировщика попадало письмо с номером 06244, то письмо это он помещал в клетку 06. Письмо, допустим, с номером 24390 шло в клетку 24 и т. д.

Второй прием. Письма только из одной какой-либо клетки (предположим, из клетки 06) сортируются в другом стоклеточном шкафу, но на этот раз уже по вторым и третьим цифрам пятизначных номеров. Знакомое уже нам письмо с номером 06244 при вторичной сортировке попадет теперь в клетку 62. Таким образом, в этой клетке соберутся все письма, номера которых начинаются цифрами 062.

Третий прием. Письма только из одной какой-либо клетки второго шкафа сортируются в третьем стоклеточном шкафу по последним двум цифрам пятизначного номера. На этот раз письмо с номером 06244 попадает в клетку 44 третьего шкафа вместе с другими письмами той же полевой почты. Их и упакуют в одну пачку.

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**
Художественный редактор **П. И. Кузьмичев.**
Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко** (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: **Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.** Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 02462. Подписано к печати 2/XII 1965 г. Тираж 530 000 экз. Изд. № 2274. Заказ 3084.

Печ. листов 8,61. Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Приближается Новый год. Сколько же елок нужно приготовить к празднику! Только для москвичей около миллиона стройных, пушистых, красивых елок. Если каждый, кому понадобится елка, срубит ее там, где захочет, погибнут целые леса вокруг городов, вдоль железных и шоссейных дорог, а ведь леса защищают от ветров и пыли, очищают воздух, обогащают его кислородом. Ущерб этот очень трудно возместить: даже если сразу же посадить на место срубленной ели новую, то вырастет она не скоро. Ель растет медленно.

Елку можно купить на елочном базаре или в лесничестве. Рубить елку в лесу можно только с разрешения лесничего. Кто рубит деревья без разрешения, тот совершает преступление, становится браконьером.

Пионеры и школьники! Дозорные зеленых патрулей! Юные друзья природы! Помогайте лесничим бороться с порубщиками-браконьерами, охраняйте зеленое богатство нашей страны!

Можно устроить веселый праздник прямо в лесу. Выберите красивую ель на поляне и украсьте ее. А потом ваши товарищи двинутся к елке по указанным вами маршрутам, пользуясь картой и компасом. Интересно, кто придет к елке раньше! Когда все соберутся на поляне, устройте игры, состязания, викторины, конкурсы.

Пусть такой поход к новогодней елке станет традицией в вашей школе, в вашей пионерской дружине. Пусть вместе с вами год от года растет, мужает, набирается сил и ваша елка.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

ИКЕБАНА

Ты не знаешь, что такое «икебана»? По-японски это означает «искусство составлять букеты». И сами букеты, искусно собранные из цветов и трав, затейливых веточек и корешков, тоже называются икебанами.

Сотни лет живет в Японии удивительно тонкое искусство икебаны. Каждая японская девочка учится ему в специальной школе. И школ таких в Японии триста тысяч.

Ты, наверное, удивишься, отчего это вдруг зимой заговорили о цветах? Откуда им взяться зимой?

Но в том-то и дело, что не только летом, а и ранней весной, поздней осенью и зимой можно делать очень красивые букеты.

Посмотри на рисунки, которые сделал художник Олег Зотов. Вот весенняя композиция с цветущей веткой, вот зимние — с веткой сосны, с сухим корешком можжевельника и листьями брусники, которые и в январе остаются зелеными.

Для настоящей икебаны нужен кензан. Он похож на небольшую металлическую щетку. На кензан насаживаются наискось срезанные ветки.

Попробуй и ты сделать зимний букет. У тебя получится.